ISSN 2949-463X

СОЦИОЛОГИЯ

4М

МЕТОДОЛОГИЯ
МЕТОДЫ
МАТЕМАТИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ

Т. 35
№ 2 (63)

Социология:

методология, методы, математическое моделирование

Научный журнал
Российской
академии наук

Основан в 1991 году

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2
EDN: JUYTOF

Т. 35. № 2 (63)
2026

ISSN: 2949-463X

Sociology:

Methodology, Methods, Mathematical Modeling

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2
EDN: JUYTOF

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки

Федеральный
научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: +7 (993) 957-91-75. **E-mail:** sociology.4m@gmail.com

Главный редактор

Н.С. Бабич
Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Редакционный совет

О.Б. Божков	*Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)*
Е.Е. Горяченко	*ИЭОПП СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск)*
А.С. Готлиб	*Самарский государственный университет (Самара)*
П.М. Козырева	*Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва)*
В.А. Мансуров	*Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
А.Ю. Мягков	*Ивановский государственный энергетический университет (Иваново)*
А.И. Орлов	*МИРУ им. Н.Э. Баумана (Москва)*
А.П. Петров	*Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН*
Г.И. Саганенко	*Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург)*
Г.А. Сатаров	*Фонд ИНДЕМ (Москва)*
Г.Г. Татарова	*Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
Ю.Н. Толстова	*НИУВШЭ; Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*
Т.Ю. Черкашина	*ИЭОПП СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственныйуниверситет (Новосибирск)*
В.А. Шведовский	*МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Ответственный редактор – *А.А. Михайлов*
Ответственный секретарь – *Н.В. Иващенкова*
Редактор – *В.А. Иванова*

Editor-in-Chief

Nikolay S. Babich
Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)

Editorial Board

Oleg B. Bozhkov	*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Saint Petersburg)*
Elizaveta E. Goryachenko	*Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Novosibirsk State University (Novosibirsk)*
Anna S. Gotlib	*Samara State University (Samara)*
Polina M. Kozyreva	*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Moscow)*
Valeriy A. Mansurov	*Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
Alexander Yu. Myagkov	*Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo)*
Alexander I. Orlov	*Bauman University (Moscow)*
Alexander P. Petrov	*Keldysh Institute of Applied Mathematics RAS*
Galina I. Saganenko	*Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (Saint Petersburg)*
Georgy A. Satarov	*Foundationfor Information on Democracy (Moscow)*
Galina G. Tatarova	*Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
Yuliana N. Tolstova	*NRU HSE; Institute of Sociology FCTAS RAS (Moscow)*
Tatyana Yu. Cherkashina	*Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS; Novosibirsk State University (Novosibirsk)*
Vyacheslav A. Shvedovsky	*LomonosovMoscow State University (Moscow)*

Managing Editor – *Alexey Mikhailov*
Executive Secretary – *Natalia Ivashchenkova*
Copy Editor – *Vera Ivanova*

СОДЕРЖАНИЕ

Интернет-исследования

Алешковский И. А., Дробышева М. Ю., Максимова А. С. Эмпирические исследования деструктивного поведения молодежи в сети: аналитический обзор методических подходов и результатов 7

Карпова А. Ю., Савельев А. О. От цифровых следов к метрикам: методика для выявления социального заражения в социальных медиа 41

Качественные методы в социологии

Бесчасная А. А., Фишева А. А., Щербакова Д. В. Быть или не быть… семье? Опыт построения обоснованной теории 91

Теория и методы измерения

Гаджиев А. А. Аналитический обзор экспериментальных исследований обыденных моральных суждений о войне 131

Самун М. Х. Об одном возможном подходе к построению индекса исламского фундаментализма 164

Личность в науке

Бабич Н. С. Проблематика социологического измерения в теоретическом наследии Ю. Н. Толстовой 181

К сведению авторов 201

CONTENTS

Internet research

Aleshkovsky I.A., Drobysheva M.Yu., Maksimova A.S.
Empirical Studies of Youth Detructive Online Behavior:
Analythical Review of Methodological Approaches and Results.....7

Approaches and results .

Karpova A.Yu., Savelev A.O. From Digital Footprints to Metrics:
A Methodology for Detecting Social Contagion in Social Media 41

Qualitative methods in sociology

Beschasnaya A.A., Fisheva A.A., Shcherbakova D.V.
To be or not to be... a family? The experience of building
a grounded theory 91

Theory and measurement methods

Gajiyev A. Analytical review of experimental studies of ordinary
moral judgments about war.....131

Samun M. H. On a Possible Approach to Constructing
an Index of Islamic Fundamentalism.....164

A man in science

Babich N.S. The problematic of sociological measurement
in the theoretical heritage of Yu. N. Tolstova.....181

Information for authors.....201

© Социология: 4М. 2026. Т. 35. № 2 (63).

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.1
EDN: LKCLRP

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СЕТИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И РЕЗУЛЬТАТОВ

Алешковский Иван Андреевич
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
aleshkovski@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9276-3133

Дробышева Мария Юрьевна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
mystrelec@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2682-7885

Максимова Анастасия Сергеевна
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
lubijizn@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3847-1791

Для цитирования: Алешковский И. А., Дробышева М. Ю., Максимова А. С. Эмпирические исследования деструктивного поведения молодежи в сети: аналитический обзор методических подходов и результатов // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026, т. 35, № 2(63). С. 7-40. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.1. EDN: LKCLRP

Популярность изучения темы поведения молодежи в пространстве электронных социальных сетей и накопление большого количества материалов эмпирических социологических исследований по данной тематике обуславливает необходимость обобщающего анализа опубли-

кованного материала. Однако, проблема сопоставимости результатов заключается в том, что социальные объекты динамичны сами по себе и их изменения продиктованы во многом сменой конкретных континуальных условий пространства и времени. Проведенный систематический анализ имеющихся эмпирических исследований позволил: а) оценить тенденции отдельных методических составляющих, превалирующих в исследованиях; б) оценить возможность проведения метаанализа полученных результатов; в) сделать обобщенные выводы о деструктивном поведении молодежи в сети. В обзор вошли эмпирические исследования по теме интернет-зависимости, кибербуллинга, скулшутинга, радикализации молодежи, а также суицидального поведения, объединенные в группы делинквентного поведения и деструктивного, но не попадающего в категорию противоправного.

Ключевые слова: девиация, электронные сетевые сообщества, онлайн-сообщества, социология социальных сетей, деструктивное поведение молодежи в социальных сетях, кибербуллинг.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Математические методы анализа сложных систем», проект № 24А-Ш-05-10.

Введение

За последнее десятилетие социальные сети эволюционировали из вспомогательного инструмента общения в ключевое пространство конструирования идентичности индивида и воспроизводства социальных связей. Их привлекательность во многом связана с возможностью анонимности и ощущением открытости, что создаёт иллюзию относительной безопасности в онлайн-среде. В то же время чрезмерное увлечение социальными сетями среди молодых людей нередко сопровождается сложностями в реальной жизни — это и проблемы в общении, и материальные трудности, и связанное с этим стремление к эскапизму.

Деструктивное поведение в электронной цифровой среде может быть представлено в форме интернет-зависимости, кибербуллинга (интернет-травля), пропаганды насилия, радикальных идей и вовлечение молодежи в деструктивные онлайн-сообщества, а также аутодеструкции. По данным «Российской газеты», в 2023 году было зарегистрировано 74 млн аккаунтов, содержащих негативный контент, из которых 14 млн принадлежат молодым людям. В десятку самых растущих интернет-сообществ входят группы: по вовлечению детей в диверсии (рост в 43 раза, охват 650 тысяч человек), по трансляции приемов наркотиков (рост в 58 раз, аудитория до 1,2 млн человек), по пропаганде и продаже наркотиков (рост в 22 раза), по суицидальным играм и квестам; транслирующие трэш-стримы, рекламу онлайн-казино, насилие по отношению к животным, аниме-жестокость, отрицание ценностей семьи, нацизм и национализм [1]. Также растет проблема кибербуллинга: в США 64% молодых людей в возрасте 18–29 лет хотя бы раз подвергались травле в интернете. В России каждый третий пользователь соцсетей сталкивался с кибербуллингом, при этом наиболее уязвимыми остаются группы 18–24 лет (34%) и 25–34 лет (29%) [2].

Несмотря на усилия платформ социальных сетей и законодательства, часть деструктивных материалов остаётся недоступной для автоматического выявления и фильтрации контента. Особенно актуальна эта проблема для популярной платформы Telegram, которая рассматривается как альтернатива даркнету из-за низкого уровня модерации чатов.

Тема девиации и деструктивного поведения является классической для истории социологической мысли и исследуется на стыке социально-психологического, психоаналитического и социально-культурного подходов, однако в настоящее время она приобретает новые направления развития в контексте виртуализации общества. Фокус современных исследований деструктивного поведения молодежи смещается на анализ его проявлений

в социальных сетях и их катализации процесса формирования установок деструктивного характера. Наряду с классическими социологическими методами в сегодняшней практике используется современный инструментарий автоматизированного контент-анализа больших данных, графовый анализ сетевых сообществ, лингвистические модели для выявления закономерностей в контенте [3]. Эмпирических исследований, посвященных рассматриваемой теме, достаточно много, некоторые из них приходят к существенно различающимся результатам, поэтому представляется целесообразным провести обзор полученных эмпирических данных, синтезируя картину социальной реальности, а также оценить возможности метаанализа этих данных. На наш взгляд, это позволит исследователям, занимающимся вопросами деструктивного и девиантного поведения, составить комплексное представление о масштабах разброса оценок данного явления, а также сформировать карту используемых методов в практике эмпирических социологических российских и зарубежных исследований.

Методология

В работе представлен систематизированный обзор научных исследований, содержащих эмпирический материал с целью обобщения используемых в них методик и полученных результатов. Дизайн обзоров, включая оформление результатов поиска по базам данных и статьям регламентируется стандартом PRISMA, взятым за основу в текущем исследовании [4].

Обзор охватывает русскоязычные и англоязычные исследования 2020–2025 годов, что позволяет учесть поведенческие сдвиги пандемийного периода COVID-19 и последующей динамики. Поиск проводился в русскоязычной электронной библиотеке elabrary, преимущественно среди журналов из списка ВАК, и зарубежных базах данных научных публикаций Scopus,

Web of Science, PubMed/Medline, PsycINFO, ERIC, а также посредством ограниченного скрининга Google Scholar (первые релевантные страницы). Поиск по зарубежным источникам проводился по комбинированным запросам, включавшим возрастные маркеры (adolescen*, youth, teen*, “young adult*”), платформы (“social media” и названия конкретных площадок) и исходы риска (cyberbullying, self-harm/suicid*, radicaliz*, addict*/ problematic use, sleep, body image). В электронной библиотеке eLibrary за 2020 -2025 годы опубликовано 85 работ, соответствующих запросу «деструктивное поведение молодежи в сети», включая статьи, монографии и учебные пособия. При этом статей по похожим запросам насчитывается около 124, 1 тыс. Проблема носит междисциплинарный характер и изучается на стыке социологии, социальной психологии, криминологии, педагогики, психологии и лингвистики, поэтому результаты поискового запроса включают также научные публикации, связанные с деструктивной тематикой в целом.

В текущий обзор вошли 30 статей из открытого доступа, представляющие собой эмпирические работы и систематические обзоры/мета-анализы с фокусом на подростках и молодых взрослых и географией Европы, Северной и Латинской Америки, Азии.

Исследования деструктивного поведения, не попадающего в категорию противоправного

Необходимо отметить, что рассмотренные исследования дифференцированы в части теоретико-методологических основ, отличаются операциональными определениями и исчисляемыми результируемыми переменными. Кроме того, методические основания в ряде исследований не указаны, что не позволяет построить доверительный интервал полученных оценок при необходимости метааналитического обобщения.

Одна из форм деструктивного поведения — интернет зависимость (ИЗ), представляющая собой угрозу личностному, межличностному, социальному благополучию в целом. Существуют масштабные проекты, оценивающие распространенность ИЗ в Европейских и Азиатских странах: SEYLE, WE-STAY, EU NET ADB, AARBS [5, с. 40]. Безусловно, социально-экономические и социально-культурные факторы страны проживания играют немаловажную роль в формировании уровня ИЗ среди молодежи. Оценки уровня ИЗ среди подростков в Катаре (n=479; 2022г.) составляют 29,64% по критерию IADQ [6]. В Малайзии доля ИЗ также оценивается в 29% [7], в Гонконге оценки варьируют в диапазоне от 3% до 29% [8], в Индии до первой волны COVID-19 уровень ИЗ был в два раза выше и составлял 65% [9], приближаясь к российскому уровню, в Саудовской Аравии легкую или умеренную степень ИЗ зафиксировали у 68% участников исследования [10]. В России, по одной из оценок, почти половина (47%) подростков имеют средний уровень ИЗ, а еще 40% — высокий [11]. В исследовании, выполненном Полоскиной О. В. и Меркуловой С. А., цель состояла в том, чтобы определить риски деструктивного онлайн-поведения у подростков, активно потребляющих интернет- контент. При мониторинге страниц в социальных сетях выяснилось, что в 88% аккаунтов присутствует деструктивный контент, причем две трети из них (60,9%) состоят в сообществах с тематикой японской анимации, привлекательной для подростков за счет содержания тем насилия, извращений, смерти и убийств. В процессе анкетирования применялась методика А. Е. Жичкиной и тест К. Янг, специально разработанные для диагностики интернет-зависимости. Несмотря на то, что уровень ИЗ существенно дифференцирован по странам, каузальные закономерности причин и последствий ИЗ будут справедливо прослеживаться в большинстве из них. Метаанализ 33 исследований выявил умеренную положи-

тельную корреляцию ИЗ с агрессивностью, депрессивностью, тревожностью и суицидальными тенденциями [12].

При взаимодействии молодых людей в онлайн-среде имеет широкое распространение нарушение коммуникативных норм, включающее оскорбления и троллинг. Доминирующими мотивами такого поведения являются «репликация» (создание фейковых страниц) и «воплощение в роль» [13]. В исследовании Юдеевой Т.В. применялся комплексный подход, сочетающий контент-анализ личных страниц и комментариев, анкетирование и психодиагностические методики («Кто я в интернете», опросник «Личность в виртуальном пространстве»).

В целом, данные свидетельствуют о наличии факторов риска вовлечения в кибебуллинг и травлю, как одну из форм деструктивного поведения. Обзор 63 публикаций позволяет говорить о существенном росте кибербуллинга за последние годы: доля подвергшихся кибербуллингу подростков в различных странах достигает ~14–58% [14]. Выявлены 14 факторов риска: на уровне личности — возраст, пол, модель онлайн-поведения, прошлый опыт виктимизации и др.; на ситуационном уровне — отношения с родителями, со сверстниками, регион проживания и другие, а также 3 фактора защиты — эмпатия/эмоциональный интеллект, хорошее отношение родителей, позитивный школьный климат. Оценки другой исследовательской группы достаточно близки: 20% хотя бы раз сталкивались с кибербуллингом (n = 51 405) [15]. Была установлена взаимосвязь кибербуллинга и суицидальных мыслей: из тех, кто подвергался онлайн-травле, 38,4% испытывали суицидальные идеи, тогда как среди не подвергавшихся — только 16,6%. Статистический анализ подтвердил значимую ассоциацию: подростки, пережившие кибербуллинг, имеют почти в 1,9 раза более высокие шансы возникновения суицидальных мыслей.

В опросе здоровья учащихся (Health Behaviour in School-aged Children, HBSC) 2017–2018 гг. по 42 странам Европы и Север-

ной Америки, для всех стран наблюдалась четкая связь между активностью в социальных сетях и участием в кибертравле: чем больше времени и сильнее вовлеченность подростка в соцсети, тем выше вероятность, что он станет жертвой или инициатором кибербуллинга. По объединённым данным 42 стран, подростки с высокой активностью в соцсетях имеют в среднем в 1,14–1,48 раза больший риск подвергнуться кибербуллингу и в 1,31–1,84 раза больший риск самому совершать травлю по сравнению с менее активными сверстниками [16].

Исследование Ларионовой А.В., Горчаковой О.Ю. и Фахретдиновой А.П, проведённое среди 425 студентов с участием 18 человек в фокус-группах, выявило, что 87 % респондентов хотя бы раз сталкивались с агрессивным онлайн-контентом, а 45 % предпочитают игнорировать подобные проявления [17]. Авторы отмечают, что деструктивное поведение в сети, выражающееся через троллинг, флейминг и кибербуллинг, тесно связано с потребностью в самоутверждении и проявлением негативной агрессии, что усугубляется отсутствием эффективных мер профилактики.

Исследование Солдатовой Г. У. и Илюхиной С. Н. посвящено изучению аутодеструктивного контента и форм вовлечения в него молодёжи [18]. В качестве основного метода в работе используется опрос, дополненный методом виньеток, для снижения психологической нагрузки при обсуждении травматичных или табуированных тем. Результаты показали, что 72 % респондентов сталкивались с контентом о самоповреждениях, а 66 % — с информацией о способах совершения самоубийства. Дополнительно было установлено, что «гиперподключённые» молодые люди, проводящие более 6 часов в интернете ежедневно, чаще встречаются с подобными материалами. При этом их опыт насилия в реальной жизни (физического — 21 %, сексуального — 10 %, психологического — 44 %) ещё больше повышает риск вовлечения в аутодеструктивные тенденции. При этом

наблюдается гендерное смещение: девушки более подвержены пищевым расстройствам и склонны к их романтизации, тогда как юноши чаще демонстрируют интерес к агрессивным и экстремальным сюжетам.

Полученные в результате исследования, основанного на вероятностной онлайн-панели (Ipsos Knowledge Panel) с полевым периодом 19.11–29.12.2021, где приняли участие 2 639 респондентов 18–28 лет, оценки указывают на высокую распространённость отдельных форм онлайн-сексуального насилия в опыте нынешних молодых взрослых, причём наиболее уязвимым оказывается возраст 13–17 лет [19]. Структура правонарушителей смещена в сторону известных подростку лиц (партнёры, друзья, знакомые), а не исключительно взрослых «онлайн-хищников»; по большинству категорий девушки сообщают о более высоких уровнях виктимизации.

В рассмотренных исследованиях объектом эмпирического анализа чаще всего выступает молодёжь в возрасте 14–18 и 18–25 лет, тогда как группа 26–35 лет зачастую остаётся вне поля внимания авторов. Это может быть связано с предположением о повышенной уязвимости именно младших возрастных когорт, которые наиболее активно используют социальные сети и, как следствие, сильнее подвержены деструктивному контенту. Между тем, в националистических сообществах наибольшая доля (72,44%) участников приходится как раз на возрастную группу 26–35 лет [20]. Следовательно, можно предположить, что представителям этой возрастной когорты также свойственна высокая степень вовлечённости в социальные сети, а значит, они могут быть как уязвимы к деструктивному контенту, так и сами становиться его генераторами или трансляторами. Таким образом, представляется необходимым центрировать фокус внимания количественных исследований на данной возрастной категории молодёжи.

Развитие исследовательских методик анализа деструктивного поведения молодежи в сети предложено в работе

В.П. Охапкина, Е.П. Охапкиной, А.О. Исхаковой, А.Ю. Исхакова [21], описывающей модель интеграции методов теоретического анализа, математического моделирования и информационных технологий для создания мультиагентной системы, включающей пользовательский интерфейс, подсистемы управления задачами и специализированных агентов для кластеризации, анализа сетевых сообщений и дисперсионного анализа. Одним из ключевых этапов методологии является представление текстового контента в виде векторов в общем векторном пространстве с последующим применением косинусной меры сходства, что позволяет оценить близость высказываний к заранее определённым паттернам деструктивного воздействия. Применение данной мультиагентной системы обеспечивает предварительную кластеризацию информационных потоков и выявление скрытых паттернов взаимодействия пользователей, что способствует более точному обнаружению агрессивных и радикальных идей. Однако, несмотря на высокую точность и аналитическую мощность данного метода, его реализация требует значительных трудозатрат.

Проектной группой Томского политехнического университета (Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В.) разработан прототип программного обеспечения для выявления ультраправых сообществ в социальных сетях [22]. При этом стоит учитывать, что российские социальные медиа имеют свои особенности, требующие разработки специализированного ПО, поскольку технологии таргетирования радикализации в зарубежных платформах (Facebook, Twitter, Gab) существенно отличаются от методов в «ВКонтакте» или «Одноклассниках», а различия в API и огромный объем контента затрудняют ручной анализ. Основными методами данного исследования стали анализ больших данных с использованием машинного поиска по словарям для изучения социальной структуры и построения графов, а также календарно-корреляционный анализ, позволяю-

щий учитывать периоды резкого повышения активности радикальных групп вблизи памятных дат («скреп»), что значительно повышает точность идентификации.

Результаты эмипирических исследований паттернов поведения молодежи в сети и опыта столкновения с деструктивной онлайн-коммуникацией с использованием классических социологических методов, представлены в таблице (таблица 1), отдельно описаны нестандартные методики и авторские подходы к дизайну исследования, а также основные результаты.

Отдельно следует рассмотреть эмпирические исследования, объектом которых является суицидальное поведение. Р.Г. Ардашев в своей работе «Философия суицида в виртуальном пространстве» провёл структурно-символический анализ 1820 публикаций, размещённых на сайтах и в социальных сетях, где отражается психология и философия самоубийства [23]. С помощью кластерного анализа в программе AskNET и экспертного опроса 20 специалистов (психологов, психотерапевтов, философов, культурологов и священников) он выявил, что онлайн-группы, пропагандирующие суицид, романтизируют самоубийство, превращая его в своего рода игру, где смерть воспринимается как «этап посвящения» и возможность «перерождения» в виртуальном пространстве. Так называемые «группы смерти» и «файлы смерти» формируют символический язык, понятный лишь участникам, что значительно усложняет обнаружение данных сообществ. По результатам онлайн-опроса, дополнявшегося качественными техниками (экспертным опросом и контент-анализом материалов), посвящённых тематике суицидов [24], было установлено, что половина опрошенных сталкивалась с агрессией, при этом «киберсуицид и виртуальное подстрекательство к суициду наиболее распространено среди детей, подростков и молодежи как самых уязвимых социальных групп, которые находятся в фазе становления личности, отстаивания своих интересов, возможностей и перспектив».

Таблица 1

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ОЦЕНКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Авторы	**Эмпирический метод**	**Итоговые показатели (распределения частот)**
Ларианова А.В., Горчакова О.Ю. и Фахретдинова А.П (2021)	Опрос (n=425)	87 % респондентов хотя бы раз сталкивались с агрессивным онлайн-контентом, из них 45 % игнорируют его. 52% имеют представление о том, как происходит подстрекательство к самоубийству в сети интернет
Юдеева Т.В. (2020)	Контент-анализ личных страниц и комментариев в сочетании с анкетированием и психодиагностическими методиками (n=144)	50% в сети нарушают коммуникативные нормы, используют оскорбления, троллинг; 85% из них — это юноши.
Ардашев Р. А. (2022)	Онлайн-опрос (n=1250), дополненный экспертным опросом и контент-анализом	52% сталкивались с агрессией в интернете в свой адрес; 66% наблюдали агрессию со стороны; 12% был инициаторами агрессии или травли. .В 42% случаях агрессия были направлена в сторону детей 7-12 лет.

Окончание табл. 1

Авторы	**Эмпирический метод**	**Итоговые показатели (распределения частот)**
Полоскина О. В., Меркулова С. А. (2023)	Оопрос (n=90), анализ аккаунтов электронных социальных сетей	У 47% учащихся наблюдается средний уровень выраженности интернет-зависимости, у 10% — интернет- зависимости не выявлено. 88% учащихся состоит в сообществах с деструктивным контентом; 10% подражают персонажам аниме.
Солдатова Г.У., Илюхина С.Н. (2023)	Опрос (n=827), метод виньеток	72 % респондентов сталкивались с контентом о самоповреждениях, а 66 % — с информацией о способах совершения самоубийства
Калимулина О.А., Егоров Д.В., Иванов Г.А. (2023)	Анализ пользовательской активности в социальных сетях, n = 186 групп.	76-91% мужская аудитория Представлены распределения возрастных группы по тематикам деструктивных сообществ

В Испании на основании анонимных самоотчетов 1 877 подростков 12–17 лет были оценены масштабы вовлечения подростков в информационное взаимодействие с аутодеструктивным контентом и социально- психологические факторы, провоцирующие его рост. В качестве поведенческого индикатора применялась пятипунктовая мера онлайнового самоповреждающего поведения, личностные характеристики оценивались подшкалами опросника Brief Symptom Inventory, а межличностные ресурсы измерялись подшкалами опросника READ. Около 11,4% опрошенных сообщили, что, хотя бы раз за последний год искали или публиковали в интернете контент, связанный с самоповреждениями. Чаще всего искали информацию о способах самоубийства или смотрели материалы о селф-харме. Девочки оказались вовлечены в такие онлайн-активности чаще (13,1% девушек против 9,6% юношей) старшие подростки (15–17 лет) — чаще, чем младшие (12–14 лет). Регрессионный анализ показал, что высокие уровни депрессивности и тревожности существенно повышают вероятность использования интернета для тематики самоповреждений, тогда как высокая семейная сплоченность заметно снижает такую вероятность. Социальная поддержка друзей тоже имеет защитный эффект, хотя менее выраженный. Таким образом, психологически уязвимые подростки чаще вовлекаются в деструктивный онлайн-контент, и крепкая семья может этому противостоять [25].

В рамках междисциплинарного качественного исследования, проведенного австралийским Центром молодежного психического здоровья (Orygen, Мельбурн) совместно с экспертом из Великобритании были организованы 6 фокус-групп: 2 группы молодых людей (возраст участников 12–25 лет, n = 7), 2 группы представителей государственных органов-политики (n = 14) и 2 группы сотрудников крупных социальных сетей (n = 7) [26]. Такая структура позволила собрать мнения трех ключевых стейкхолдеров по вопросам онлайн-безопасности молодежи. Авторами

было выявлено три сквозные темы (с шестью подтемами), отражающие разные грани проблемы обсуждения самоповреждений и суицида в соцсетях: 1) «вызовы и опасения», в рамках которой обсуждались причины обращения молодых людей к соцсетям для разговоров о самоубийстве, и возникающие при этом риски (нормализация вредного контента, трудности модерации, эффект детерминированного восприятия, что любой подобный контент наносит вред); 2) «роли и ответственность» частных и государственных структур за безопасность в интернет-пространстве; 3) «будущие подходы и решения» в части инструментов противодействия. Ключевым выводом является то, что все три группы испытывают определенное напряжение и разногласия в понимании ролей и ответственности за цифровую безопасность молодежи. Молодые люди хотят свободно обсуждать свои проблемы онлайн, но нуждаются в защите от вреда; политики стремятся регулировать платформы, но признают ограничения традиционного надзора; компании внедряют меры, но их достаточность вызывает сомнения.

В другом исследовании, проведенном в США, был применён лонгитюдный дизайн: подростки 14–17 лет (N=61) проходили ежедневные и еженедельные опросы на протяжении 8 недель [27]. Оценивалась связь демонстрации в социальных сетях аутодеструктивного контента, со степенью выраженности суицидальных мыслей, позывов и эпизодов несуицидального самоповреждающего поведения (НССП). Следует отметить, что оценки «часов в соцсетях» — представляли собой самоотчеты и являлись потенциально смещёнными. Установлено, что в недели, когда подростки сталкивались с контентом о самоповреждении, вероятность эпизодов НССП существенно возрастала, а позывы к нему усиливались. В то же время, субъективная длительность использования соцсетей не была связана с показателями суицидальных мыслей. Таким образом, в соответствии с данными исследования, с точки зрения профилактики важно

ограничивать факт демонстрации аутодеструктивного контента, а не объём онлайновой активности. Среди участников 59% сообщили о том, что их посещали суицидальные мысли в течение жизни, а 51% — об опыте НССП. Около половины сталкивались с соответствующим контентом хотя бы в одну из недель (в среднем в 3 из 8 недель).

Делинквентное онлайн-поведение, связанное с пропагандой скулшутинга и радикализацией

Отдельного внимания заслуживают группы и сообщества, связанные с идеями, пропагандирующими скулшутинг. По данным из открытых источников, с 2020 по 2025 годы в мире было совершено 135 вооруженных нападений в образовательных учреждениях всех типов [28].

В 2020 году Мацута В.В., Мудриевская Ю.О., Сербина Г.Н., Мищенко Е.С. провели комплексное исследование, цель которого заключалась в выявлении ключевых смысловых категорий, отражающих отношение «фан-сообществ» к личностям скулшутеров, а также в определении моделей поведения их участников. Исследование базировалось на классических теориях девиантного и субкультурного вовлечения, согласно которым люди, оказавшиеся на периферии общества, формируют альтернативные системы взглядов. Анонимность в цифровом пространстве способствует более свободному самовыражению, что приводит к тому, что участники виртуальных сообществ стремятся доказать свою «подлинную» идентичность, чего зачастую невозможно достичь в офлайн-среде [29]. Анализ пяти сообществ, включавший 351 пост и 1714 комментариев, показал, что подавляющее большинство участников не указывает страну и город проживания, что дополнительно усиливает их анонимность. Среди тех, кто всё же раскрывает географическую информацию, Россия занимает второе место по распространённости. В сообществах,

посвящённых культуре «Колумбайна», встречается информация о Littletown/Columbine (USA) — населенном пункте, ассоциируемом с одним из самых известных случаев скулшутинга (Эрик Харрис и Дилан Клиболд), который стал символом субкультуры «колумбайнеров». Интерес к тематике скулшутинга одинаково проявляется как среди мужчин, так и женщин. Большинство участников предпочитают не разглашать свой возраст, а среди тех, кто это делает, доминирует возрастной диапазон от 19 до 22 лет. Исключением является группа, посвящённая событиям в Благовещенске, где 16 % участников старше 30 лет, что может указывать на иные цели участия, например, мониторинг общественного резонанса. Наиболее часто обсуждаемой темой является взаимодействие подписчиков с администраторами групп — обращение к ним по различным вопросам (30,53 %). Второй по частоте встречаемой темой стало оправдание, защита и попытки понять действия скулшутеров (17,37 %), а третье место занимает критика действий властей в связи со скулшутингом (12,63 %). Среди основных тем комментариев выделяются: представление общественных версий происшествий и сомнения в действиях правоохранительных органов и властей (33,30 %), выражение интереса к ситуации, поддержка акций (петиции, митинги и т.д.) и издевательства над участниками событий (29,84 %), а также оправдание и защита действий скулшутеров (26,78 %).

Помимо прямого анализа необходимо рассматривать более широкую сеть взаимодействий. В исследовании с применением социально-сетевого анализа (Чудинов С.И., Сербина Г.Н., Мундриевская Ю.О.) одного из сообществ скулшутерского характера с применением социально-сетевого анализа было установлено, что несмотря на небольшое официальное число подписчиков, их социальная база оказывается гораздо шире, так как у участников обнаруживаются сотни, а порой и тысячи близких друзей, вовлечённых в скулшутеровские и смежные девиантные субкультуры [30]. Таким образом, малочисленность формальных

подписчиков вводит в заблуждение, поскольку реальное влияние сообщества значительно превышает видимые показатели. Это свидетельствует о том, что за официальными границами группы скрывается обширная сеть пользователей с похожими интересами. Исследование также выявило тенденцию к «одиночеству» внутри сообщества. Участники характеризуются слабой интеграцией, разрозненностью и отсутствием ярко выраженных организационных центров, что приводит к недостаточной координации действий среди членов группы.

В 2021 году Гриненко У.Б. и Ромеро Рейес И.В. провели семантический анализ цифрового контента по тематике скулшутинга, опираясь на данные из 282 публичных групп, 12 аккаунтов, подтвержденных скулшутеров, и 1022 аккаунтов, проявляющих интерес к данной тематике. Для обработки текстовой информации был использован метод коллокационного анализа, который позволил выделить устойчивые лингвистические выражения и выявить характерные признаки деструктивного контента [31]. Основная масса деструктивного контента по теме скулшутинга сосредоточена в публичных группах, а не личных аккаунтах. Среди тематик наиболее масштабно траслируются: агрессивное отношение к образовательным учреждениям и наличие скрытого нарко-контента, отмечаются также признаки психической дезадаптации пользователей.

Карпова А.Ю. и Максимова Н.Г., используя метод case study с триангуляцией данных из официальных публикаций, СМИ, интернет-ресурсов и баз данных, проанализировали 23 случая инцидентов (из которых 19 однозначно определены как скулшутинг) за период с 2014 по 2020 год [32]. Анализ профилей и социальных связей в онлайн-среде выявил, что преступники различаются по возрасту, социальным характеристикам и мотивам, единого профиля составить не удалось. Однако общими являются предупреждающие знаки, оставляемые в интернете: использование нескольких аккаунтов и никнеймов, не обязательно напря-

мую отсылающих к Колумбайну, а также передача информации о предстоящем инциденте посредством SMS или электронных сообщений. Такой комплексный подход позволяет обнаруживать даже «слабые сигналы», указывающие на потенциальное обострение угрозы.

Таким образом, современные исследования феномена скулшутинга в социальных сетях сосредоточены на анализе контента, публикуемого как в специализированных сообществах, так и в комментариях пользователей, интересующихся данной темой. При этом форматы скулшутинговых сообществ чрезвычайно разнообразны: это могут быть онлайн-дневники, площадки для обсуждения проблем, пространства для поиска единомышленников, а также группы, организующие акции и критикующие действия властей. Отсутствие единой объединяющей повестки в них свидетельствует о том, что данные сообщества функционируют параллельно. При этом некоторые группы, несмотря на формальную позицию против движения «колумбайнеров», на деле выражают сочувствие к скулшутерам и играют объединяющую роль, обеспечивая коллективную поддержку участников. Основной целью исследований данной темы является выявление предикторов, сигнализирующих о возможных готовящихся инцидентах, и изучение механизмов распространения деструктивного контента. При этом акцент делается на том, что методики, основанные на анализе цифровых данных, позволяют обнаруживать даже «слабые сигналы», что крайне важно для своевременного предупреждения угроз.

Другим направлением эмпирических исследований, отражающих распространенность и факторы деликвентного поведения среди молодежи в сети, является изучение радикализации. Гурина О.Д. и Ремеева А.Ф. на основе анализа дел, поступивших на комплексное психолого-лингвистическое исследование, провели структурный анализ материалов, содержащих коммуникацию, направленную на вовлечение молодежи в деятельность

экстремистских или террористических организаций и/или сообществ с экстремистскими целями [33]. С использованием метода интент-анализа были выявлены следующие стратегии вербовки: стратегия, направленная на формирование убеждения у вербуемого о его причастности к актуальному конфликту (социально-политическому, религиозному); стратегия, способствующая формированию у вербуемого соответствующей групповой идентичности; а также стратегия, стимулирующая готовность к совершению действий, связанных с террористической и/или экстремистской деятельностью. Все указанные стратегии используются комплексно и включают различные приемы и средства психологического воздействия на вербуемое лицо.

Немаловажным условием радикализации является фактор психического здоровья, так в результате анализа 33 кейсов радикализации учащихся младше 19 лет, у 42,4% были отмечены проблемы психического здоровья, у 24,2% — злоупотребление ПАВ; 18,2% имели ювенальные правонарушения [34]. Социальные медиа выступали значимым фактором радикализации в 75% случаев, причём преобладала активная вовлечённость (создание и распространение контента, коммуникация и содействие операциям). Принадлежность к «кликам» (закрытым подмножествам графа связи) зафиксирована у 60,6%, переживание организованной вербовки — у 57,7%, устойчивые внешние связи со взрослыми экстремистами — у 84,8%. Операционализация иссследования была выполнена по протоколу, совместимому с PIRUS: по каждому случаю кодировались 122 индикатора (демография, образовательные траектории, психическое здоровье, сетевые связи, онлайн-активность, формы вовлечения, «жалобы» и триггеры); качественные описания агрегировались в бинарные и числовые переменные для описательной статистики. Методологические ограничения включали малый объём выборки, зависимость от открытых источников с присущими им пропусками и селективностью, а также идеологический перекос к джихадистским

кейсам. Семейная «близость» не продемонстрировала системного защитного эффекта и в ряде случаев функционировала как канал идеологического подкрепления. Почти повсеместны были чувство коллективной виктимизации (96,6%) и наличие идентифицируемых триггеров (88,9%). Интерпретация указывает на преобладание механизмов социального научения и «перенастройки» норм в плотных сетях при медиирующей роли теории напряжения.

Заключение

В настоящее время в практике исследований деструктивного поведения молодежи в социальных сетях подчеркивается необходимость междисциплинарного подхода, при этом особое значение придается разработке методических моделей для выявления конкретных видов деструктивного поведения в социальных сетях, позволяющих получать надежные и валидные результаты по данной проблеме. Основные темы включают анализ поведенческих особенностей молодежи в социальных сетях, влияние деструктивного контента на нее, проблемы кибербуллинга, самоубийства, связанные с участием в «группах смерти», исследование сообществ скулшутинга и влияние интернет-зависимости на склонность к деструктивному поведению.

Активное вовлечение молодежи в виртуальное пространство сопровождается выраженными признаками интернет-зависимости, что свидетельствует о смещении процессов социализации в цифровую плоскость. Виртуальная социализация существенно повышает уязвимость молодых людей, особенно в возрастной группе от 14 до 25 лет, а также способствует формированию радикальных и аутодеструктивных установок, особенно если в реальной жизни молодой человек испытывает трудности в коммуникации с значимыми взрослыми или референтными группами, а также сталкивается с психологическими или мате-

риальными проблемами. Эмпирическим объектом исследований чаще всего выступает молодёжь в возрасте до 25 лет, тогда как группа 26–35 лет остаётся вне поля внимания. Что касается гендерного распределения, в группах с деструктивным характером преобладают мужчины.

Нередко контент о самоповреждении, с которым сталкиваются молодые люди, становится причиной проявления негативных форм поведения, что усиливает риск для психического и физического здоровья молодых людей. Наряду с отсутствием навыков критического мышления, происходит «замещение реальности», связанное с романтизацией опасных идей, что приводит к вовлечению молодых людей в группы и челленджи, пропагандирующие суицидальное или агрессивное поведение.

В исследованиях контента и профилей, связанных со скулшутингом, было установлено, что психологический типаж скулшутеров и участников соответствующих сообществ весьма разнообразен, а их социальное поведение носит диалектический характер. С одной стороны, активные социальные связи способствуют мобилизации и организации злоумышленников, с другой — отсутствие ярко выраженной интеграции и слабые внутренние связи формируют образ «одиночек». Это подчеркивает, что традиционные показатели, такие как число подписчиков, могут не отражать истинное влияние таких групп в цифровом пространстве. Тем более, многие участники сообществ предпочитают анонимность и закрытые профили, что усложняет мониторинг и прогнозирование угроз.

В практике зарубежных исследований деструктивного поведения молодёжи в социальных сетях превалируют большие стандартизированные опросы. По сравнению с российским исследовательским полем за рубежом тематический акцент сильнее смещён к интернет-аддикции, самоконтролю и аутоагрессии, тогда как в России чаще фокус на рисках радикализации молодёжи в интернет-пространстве. Кроме того, за рубежом чаще

используются многоступенчатые исследовательские дизайны и верифицированные метрики; выше степень унификации терминов и методического аппарата. В России преобладают опросы с большей вариативностью в операционализации понятий; шире представлен качественный инструментарий и методические разработки по анализу профилей, «цифровых следов» и сетевых связей аккаунтов для выявления деструктивных сообществ.

Метанализ результатов исследований не представляется возможным ввиду недостаточного числа сопоставимых оценок эффекта и выраженной гетерогенности концептуальных и операциональных подходов, измерительных инструментов и ретроспективных интервалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рост виртуальных атак против детей перерастает в агрессию // RG.RU [сайт]. URL: https://rg.ru/2023/02/14/bukvar-ceti.html (дата обращения: 17.02.2025).

2. Кибербуллинг в эпоху цифровых технологий: #неткибербуллингу — инициатива VK. Исследования и методы борьбы // BIMPORTAL [сайт]. URL:https://bim-portal.ru/stati/kiberbulling-netkiberbullingu-vk/#statistika_kiberbullinga_v_mire (дата обращения: 20.02.2025).

3. *Шульц В. Л., Гребенюк А. А., Ашманов И. С.* Теоретико-методологические проблемы цифровой социологии // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2022, т. 28, № 1. С. 126-144. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-126-144. EDN: SWVTCX.

4. *Середа А. П., Андрианова М. А.* Рекомендации по оформлению дизайна исследования // Травматология и ортопедия России. 2019, № 25(3). С. 165-184. DOI: 10.21823/2311-2905-2019-25-3-165-184. EDN: NJCXSG.

5. *Семёнова Н. Б., Терещенко С. Ю., Эверт Л. С., Зайцева О. И., Шубина М. В.* Распространенность интернет-зависимости у подростков Центральной Сибири // Здравоохранение Российской Федерации. 2020, № 64(1). С. 36-44. DOI: 10.18821/0044-197X-2020-64-1-36-44. EDN: FUIYBB.

6. *Chemnad K., Aziz M., Abdelmoneium A. O., Al-Harahsheh S., Baghdady A., Al Motawaa F. Y., Alsayed Hassan D., Ali R.* Adolescents' Internet addiction: Does it all begin with their environment? // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. 2023, vol. 17, art. 87. DOI: 10.1186/s13034-023-00626-7.

7. *Ying Ying C., Awaluddin S. M., Kuang Kuay L., Siew Man C., Baharudin A., Miaw Yn L., Sahril N., Omar M. A., Ahmad N. A., Ibrahim N.* Association of Internet Addiction with Adolescents' Lifestyle: A National School-Based Survey // International Journal of Environmental Research of Public Health. 2020, № 18(1), art. 168. DOI: 10.3390/ijerph18010168.

8. *Chung T. W. H., Sum S. M. Y., Chan M. W. L.* Adolescent Internet Addiction in Hong Kong: Prevalence, Psychosocial Correlates, and Prevention // Journal of Adolescent Health. 2019, № 64(6S). P. 34-43. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2018.12.016. PMID: 31122547.

9. *Narayanappa P., Nirgude A., Nattala P., Philip M., Subramanian K.* Prevalence and Predictors of Internet Addiction Among Adolescents Before the First Wave of COVID-19 Lockdown in India // Cureus. 2024, № 16(5): e59803. DOI: 10.7759/cureus.59803.

10. *Ismail A., Alamri O., Hassan A. A., Hafiz A., Othman M., Atallah D., Dewan M. F.* Internet addiction among school adolescents in Jeddah-Saudi Arabia // Journal of Egypt Public Health Association. 2024, № 99(1). P 1-11. DOI: 10.1186/s42506-024-00157-9.

11. *Полоскина О. В., Меркулова С. А.* Роль интернета в формировании деструктивного поведения современных подростков // Гуманитарные науки. 2023, № 4 (64). С. 23-28. EDN: MJSJEW.

12. *Soriano-Molina E., Limiñana-Gras R. M., Patro-Hernandez R. M., Rubio-Aparicio M.* The Association Between Internet Addiction and Adolescents' Mental Health: A Meta-Analytic Review // Behavioral Sciences. 2025, vol. 15, № 2, art. 116. DOI: 10.3390/bs15020116.

13. *Юдеева Т. В.* Мотивация деструктивного коммуникативного поведения подростков в социальных сетях // Международный научно-исследовательский журнал. 2022, № 2-2(116). С. 178-182. DOI: 10.23670/IRJ.2022.116.2.066. EDN: EJNFNN.

14. *Zhu C., Huang S., Evans R., Zhang W.* Cyberbullying Among Adolescents and Children: A Comprehensive Review of the Global Situation, Risk Factors, and Preventive Measures // Frontiers in Public Health. 2021, vol. 9, art. 634909. DOI: 10.3389/fpubh.2021.634909.

15. *Peprah P., Oduro M. S., Okwei R., Adu C., Asiamah-Asare B. Y., Agyemang-Duah W.* Cyberbullying victimization and suicidal ideation among in-school adolescents in three countries: implications for prevention and intervention // BMC Psychiatry. 2023, vol. 23, art. 944. DOI: 10.1186/s12888-023-05268-9.

16. *Craig W., Boniel-Nissim M., King N., Walsh S. D., Boer M., Donnelly P. D., Harel-Fisch Y., Malinowska-Cieślik M., Gaspar de Matos M., Cosma A., Van den Eijnden R., Vieno A., Elgar F. J., Molcho M., Bjereld Y., Pickett W.* Social Media Use and Cyber-Bullying: A Cross-National Analysis of Young People in

42 Countries // Journal of Adolescent Health. 2020, vol. 66, №. 6S. P. 100–108. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2020.03.006.

17. *Ларионова А. В., Горчакова О. Ю., Фахретдинова А. П.* Особенности активности студенческой молодежи в сети Интернет: опыт деструктивной коммуникации и вопросы безопасности //Социодинамика. 2021, № 3. С. 12-22. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.3.35227. EDN: IATZZW.

18. *Солдатова Г. У., Илюхина С. Н.* Аутодеструктивный онлайн-контент: особенности оценки и реагирования подростков и молодежи // Консультативная психология и психотерапия. 2021, т. 29, № 1. С. 66-91. DOI: 10.17759/cpp.2021290105. EDN: MQFRWC.

19. *Finkelhor D., Turner H., Colburn D.* Prevalence of Online Sexual Offenses Against Children in the US // JAMA Network Open. 2022, vol. 5, № 10, art. e2234471. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2022.34471.

20. *Калимуллина О. А., Егоров Д. В., Иванов Г. А.* Мониторинг активности молодежи в социальной сети вконтакте на предмет деструктивного поведения // Проблемы современного педагогического образования. 2023, № 81-2. С. 716-721. EDN: AACFLO.

21. *Охапкин В. П., Охапкина Е. П., Исхакова А. О., Исхаков А. Ю.* Деструктивное информационно-психологическое воздействие в социальных сетях // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2020, т. 8, № 1. С. 22-23. DOI: 10.26102/2310-6018/2020.28.1.043. EDN: AWEVRY.

22. *Карпова А. Ю., Савельев А. О., Вильнин А. Д., Чайковский Д. В.* Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020, № 3(157). С. 159-181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585. EDN: CXJJUW.

23. *Ардашев Р. Г.* Философия суицида в виртуальном пространстве // Гуманитарный вектор. 2023, т. 18, № 2. С. 77-85. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85. EDN: POXZUS.

24. *Ардашев Р. Г.* Кибербуллинг и киберсуицид в современном обществе // Социология. 2022, № 6. С. 32-38. EDN: CARQRU.

25. *Gamez-Guadix M., Mateos E., Wachs S., Blanco M.* Self-Harm on the Internet Among Adolescents: Prevalence and Association With Depression, Anxiety, Family Cohesion, and Social Resources // Psicothema. 2022, vol. 34, № 2. P. 233–239. DOI: 10.7334/psicothema2021.328.

26. *La Sala L., Sabo A., Michail M., Thorn P., Lamblin M., Browne V., Robinson J.* Online Safety When Considering Self-Harm and Suicide-Related Content: Qualitative Focus Group Study With Young People, Policy Makers, and Social Media Industry Professionals // Journal of Medical Internet Research. 2025, vol. 27, art. e66321. DOI: 10.2196/66321.

27. *Hamilton J. L., Untawale S., Dalack M. N., Thai A. B., Kleiman E. M., Yao A.* Self-Harm Content on Social Media and Proximal Risk for Self-Injurious Thoughts and Behaviors Among Adolescents // JAACAP Open. 2025, vol. 3. DOI: 10.1016/j.jaacop.2024.11.008.

28. Справочник преступлений и террористических актов в школах и других учебных заведениях // Общественный порядок и безопасность: исследования в сфере противодействия преступности и терроризму в современном мире [сайт]. URL: https://www.orderandsafety.org/ru/article-school-safety-2.html (дата обращения: 21.10.2025).

29. *Мацута В. В., Мундриевская Ю. О., Сербина Г. Н., Мищенко Е. С.* Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скулшутинга) // Гуманитарный научный вестник. 2020, № 3. С. 90-101. DOI: 10.5281/zenodo.3763848. EDN: EHYHPG.

30. *Чудинов С. И., Сербина Г. Н., Мундриевская Ю. О.* Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте» на примере фанатского сообщества «керченского стрелка» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021, № 4(164). С. 363-383. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1740. EDN: FTYLSC.

31. *Гриненко У. Б.* Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте» // Психология и право. 2021, т. 11, № 4. С. 180-195. DOI: 10.17759/psylaw.2021110413. EDN: MTMEXE.

32. *Карпова А. Ю., Максимова Н. Г.* Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021, т. 29, № 1. С. 93-108. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7920. EDN: QLQYTP.

33. *Гурина О. Д., Ремеева А. Ф.* Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) // Психология и право. 2024, т. 14, № 3. С. 1-12. DOI: 10.17759/psylaw.2024140301. EDN: GTXKLH.

34. *Cherney A., Belton E., Norham S. A. B., Milts J.* Understanding youth radicalisation: an analysis of Australian data // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2022, vol. 14, № 2. P. 97–119. DOI: 10.1080/19434472.2020.1819372.

Сведения об авторах

Алешковский Иван Андреевич
Кандидат экономических наук, проректор, доцент кафедры геополитики МГУ имени М.В. Ломоносова
SPIN-код: 1467-7893
Elibrary Author_ID: 140009
Scopus ID: 57190586626

Дробышева Мария Юрьевна
Аспирант, ассистент кафедры социологии знания МГУ имени М.В. Ломоносова
SPI-код: 9883-8067
Elibrary Author_ID: 1284414

Максимова Анастасия Сергеевна
Кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии знания МГУ имени М.В. Ломоносова
SPIN-код: 7343-4140
Elibrary Author_ID: 729354
Scopus ID: 57204426189
ResearcherID: R-7401-2016

Статья поступила в редакцию: 26.11.2025 г.
Статья принята к публикации: 19.06.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.1

EMPIRICAL STUDIES OF YOUTH DETRUCTIVE ONLINE BEHAVIOR: ANALYTHICAL REVIEW OF METHODOLOGICAL APPROACHES AND RESULTS

Aleshkovsky Ivan A.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
aleshkovski@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9276-3133

Drobysheva Maria Yu.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
mystrelec@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2682-7885

Maksimova Anastasia S.,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
lubijizn@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3847-1791

For citation: Aleshkovsky I. A., Drobysheva M. Yu., Maksimova A. S. Empirical Studies of Youth Detructive Online Behavior: Analythical Review of Methodological Approaches and Results. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling),* 2026, vol. 35, no. 2(63), p. 7-40. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.1

Abstract. The popularity of studying youth behavior in the electronic social networks and the accumulation of a large amount of empirical sociological research on this topic necessitate a comprehensive analysis of the published material. However, the problem of comparability of results lies in the fact that social objects are dynamic in themselves, and their changes are largely dictated by shifts in specific continuous conditions of space and time. This systematic analysis of existing empirical studies allowed us to: a) assess trends in individual methodological components prevailing in the studies; b) evaluate the feasibility of conducting a meta-analysis of the obtained

results; c) draw general conclusions about destructive online behavior among young people. The review included empirical studies on internet addiction, cyberbullying, school shooting, youth radicalization, and suicidal behavior, grouped into delinquent behavior and destructive behavior that does not fall under the category of illegal.

Keywords: deviance, online communities, online communities, sociology of social networks, destructive online behavior among young people, cyberbullying.

Acknowledgments: This research was supported by the Lomonosov Moscow State University Interdisciplinary Research and Educational School "Mathematical Methods for Complex Systems Analysis," Project No. 24A-SH-05-10.

References

1. The rise of virtual attacks against children is escalating into aggression, *RG.RU* [site]. URL: https://rg.ru/2023/02/14/bukvar-ceti.html (date of access: 17.02.2025).
2. Cyberbullying in the digital age: #netcyberbullingu — a VK initiative. Research and methods of combating it, *BIMPORTAL* [site]. URL: https://bim-portal.ru/stati/kiberbulling-netkiberbullingu-vk/#statistika_kiberbullinga_v_mire (date of access: 20.02.2025).
3. Shul'ts V.L., Grebenyuk A.A., Ashmanov I.S. Theoretical and methodological problems of digital sociology (in Russian), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*, 2022, vol. 28, no. 1, p. 126-144. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-126-144.
4. Sereda A.P., Andrianova M.A. Recommendations for the design of the study (in Russian), *Travmatologiya i ortopediya Rossii*, 2019, no. 25(3), p. 165-184. DOI: 10.21823/2311-2905-2019-25-3-165-184.
5. Semonova N.B., Tereshchenko S.YU., Evert L.S., Zaytseva O.I., Shubina M.V. Prevalence of Internet Addiction among Adolescents in Central Siberia (in Russian), *Zdravookhraneniye Rossiyskoy Federatsii*, 2020, no. 64(1), p. 36-44. DOI: 10.18821/0044-197X-2020-64-1-36-44.
6. Chemnad K., Aziz M., Abdelmoneium A. O., Al-Harahsheh S., Baghdady A., Al Motawaa F. Y., Alsayed Hassan D., Ali R. Adolescents'

Internet addiction: Does it all begin with their environment? *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 2023, vol. 17, art. 87. DOI: 10.1186/s13034-023-00626-7.

7. Ying Ying C., Awaluddin S.M., Kuang Kuay L., Siew Man C., Baharudin A., Miaw Yn L., Sahril N., Omar M.A., Ahmad N.A., Ibrahim N. Association of Internet Addiction with Adolescents' Lifestyle: A National School-Based Survey, *International Journal of Environmental Research of Public Health,* 2020, no. 18(1), art. 168. DOI: 10.3390/ijerph18010168.
8. Chung T.W.H., Sum S.M.Y., Chan M.W.L. Adolescent Internet Addiction in Hong Kong: Prevalence, Psychosocial Correlates, and Prevention, *Journal of Adolescent Health*, 2019, no. 64(6S), p. 34-43. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2018.12.016.
9. Narayanappa P., Nirgude A., Nattala P., Philip M., Subramanian K. Prevalence and Predictors of Internet Addiction Among Adolescents Before the First Wave of COVID-19 Lockdown in India, *Cureus*, 2024, no. 16(5), art. e59803. DOI: 10.7759/cureus.59803.
10. Ismail A., Alamri O., Hassan A.A., Hafiz A., Othman M., Atallah D., Dewan M.F. Internet addiction among school adolescents in Jeddah-Saudi Arabia, *Journal of Egypt Public Health Association*, 2024, no. 99(1), p. 1-11. DOI: 10.1186/s42506-024-00157-9.
11. Poloskina O.V., Merkulova S. A. The Role of the Internet in the Formation of Destructive Behavior of Modern Adolescents (in Russian), *Gumanitarnyye nauki*, 2023, no. 4 (64), p. 23-28.
12. Soriano-Molina E., Limiñana-Gras R.M., Patro-Hernandez R.M., Rubio-Aparicio M. The Association Between Internet Addiction and Adolescents' Mental Health: A Meta-Analytic Review, *Behavioral Sciences*, 2025, vol. 15, no. 2, art. 116. DOI: 10.3390/bs15020116.
13. Yudeyeva T.V. Motivation of destructive communicative behavior of adolescents on social networks (in Russian), *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2022, no. 2-2(116), p. 178-182. DOI: 10.23670/IRJ.2022.116.2.066.
14. Zhu C., Huang S., Evans R., Zhang W. Cyberbullying Among Adolescents and Children: A Comprehensive Review of the Global Situation, Risk Factors, and Preventive Measures, *Frontiers in Public Health*, 2021, vol. 9, art. 634909. DOI: 10.3389/fpubh.2021.634909.

15. Peprah P., Oduro M.S., Okwei R., Adu C., Asiamah-Asare B.Y., Agyemang-Duah W. Cyberbullying victimization and suicidal ideation among in-school adolescents in three countries: implications for prevention and intervention, *BMC Psychiatry*, 2023, vol. 23, art. 944. DOI: 10.1186/s12888-023-05268-9.
16. Craig W., Boniel-Nissim M., King N., Walsh S.D., Boer M., Donnelly P.D., Harel-Fisch Y., Malinowska-Cieślik M., Gaspar de Matos M., Cosma A., Van den Eijnden R., Vieno A., Elgar F.J., Molcho M., Bjereld Y., Pickett W. Social Media Use and Cyber-Bullying: A Cross-National Analysis of Young People in 42 Countries, *Journal of Adolescent Health*, 2020, vol. 66, no. 6S, p. 100–108. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2020.03.006.
17. Larionova A.V., Gorchakova O.Yu., Fakhretdinova A.P. Osobennosti aktivnosti studencheskoy molodezhi v seti Internet: opyt destruktivnoy kommunikatsii i voprosy bezopasnosti [Characteristics of student youth activity on the Internet: the experience of destructive communication and security issues] (in Russian), *Sotsiodinamika*, 2021, no. 3, p. 12-22. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.3.35227.
18. Soldatova G.U., Ilyukhina S.N. Self-destructive online content: Features of Assessment and Response of Adolescents and Young Adults (in Russian), *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2021, vol. 29, no. 1, p. 66-91. DOI: 10.17759/cpp.2021290105.
19. Finkelhor D., Turner H., Colburn D. Prevalence of Online Sexual Offenses Against Children in the US, *JAMA Network Open*, 2022, vol. 5, no. 10, art. e2234471. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2022.34471.
20. Kalimullina O.A., Yegorov D.V., Ivanov G.A. Monitoring youth activity on the VKontakte social network for destructive behavior (in Russian), *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2023, no. 81-2, p. 716-721.
21. Okhapkin V.P., Okhapkina E.P., Iskhakova A.O., Iskhakov A.Yu. Destructive information and psychological impact on social networks (in Russian), *Modelirovaniye, optimizatsiya i informatsionnyye tekhnologii*, 2020, vol. 8, no. 1, p. 22-23. DOI: 10.26102/2310-6018/2020.28.1.043.
22. Karpova A.Yu., Savelyev A.O., Vilnin A.D., Tchaikovsky D.V. Studying the process of online radicalization of youth in social media (an interdisciplinary approach) (in Russian), *Monitoring obshchestvennogo*

mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny, 2020, no. 3 (157), p. 159-181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585.
23. Ardashev R.G. Philosophy of suicide in virtual space (in Russian), *Gumanitarnyy vector*, 2023, vol. 18, no. 2, p. 77-85. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-77-85.
24. Ardashev R.G. Cyberbullying and cybersuicide in modern society (in Russian), *Sotsiologiya*, 2022, no. 6, p. 32-38.
25. Gamez-Guadix M., Mateos E., Wachs S., Blanco M. Self-Harm on the Internet Among Adolescents: Prevalence and Association With Depression, Anxiety, Family Cohesion, and Social Resources, *Psicothema,* 2022, vol. 34, no. 2, p. 233–239. DOI: 10.7334/psicothema2021.328.
26. La Sala L., Sabo A., Michail M., Thorn P., Lamblin M., Browne V., Robinson J. Online Safety When Considering Self-Harm and Suicide-Related Content: Qualitative Focus Group Study With Young People, Policy Makers, and Social Media Industry Professionals, *Journal of Medical Internet Research,* 2025, vol. 27, art. e66321. DOI: 10.2196/66321.
27. Hamilton J.L., Untawale S., Dalack M.N., Thai A.B., Kleiman E.M., Yao A. Self-Harm Content on Social Media and Proximal Risk for Self-Injurious Thoughts and Behaviors Among Adolescents, *JAACAP Open*, 2025, vol. 3. DOI: 10.1016/j.jaacop.2024.11.008.
28. Handbook of Crime and Terrorist Acts in Schools and Other Educational Institutions, *Public Order and Safety: Research in the Field of Combating Crime and Terrorism in the Modern World* [site] (in Russian). URL: https://www.orderandsafety.org/ru/article-school-safety-2.html (date of access: 21.10.2025).
29. Matsuta V.V., Mundrievskaya Yu.O., Serbina G.N., Mishchenko E.S. Analysis of the text content of deviant online communities (using school shooting communities as an example) (in Russian), *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*, 2020, no. 3, p. 90-101. DOI: 10.5281/zenodo.3763848.
30. Chudinov S.I., Serbina G.N., Mundriyevskaya Yu.O. Network organization of school shooters on the VKontakte social network using the "Kerch shooter" fan community as an example (in Russian), *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2021, no. 4, p. 363-383. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1740.

31. Grinenko U.B. Semantic analysis of digital destructive content on the topic of “schoolshooting” on the social network “VKontakte” (in Russian), *Psikhologiya i pravo*, 2021, vol. 11, no. 4, p. 180-195. DOI: 10.17759/psylaw.2021110413.
32. Karpova A.Yu., Maksimova N.G. Schoolshooting in Russia: What Matters? (in Russian), *Vlast’,* 2021, no. 1, p. 93-108. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7920.
33. Gurina O.D., Remeyeva A.F. Psychological mechanisms of youth involvement in extremist and terrorist organizations (using social networks as an example) (in Russian), *Psikhologiya i pravo*, 2024, vol. 14, no. 3, p. 1-12. DOI: 10.17759/psylaw.2024140301.
34. Cherney A., Belton E., Norham S.A. B., Milts J. Understanding youth radicalisation: an analysis of Australian data, *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression,* 2022, vol. 14, no. 2, p. 97–119. DOI: 10.1080/19434472.2020.1819372.

Information about the authors

Ivan A. Aleshkovsky
PhD in Economics, Vice Rector, associate Professor of the Department of Geopolitics of the Faculty of Global Studies Lomonosov Moscow State University
SPIN-code: 1467-7893
Scopus ID: 57190586626

Maria Yu. Drobysheva
PhD student, Assistant of the Department of Sociology of Knowledge of the PhD student, Assistant of the Department of Sociology of Knowledge
SPIN-code: 9883-8067

Anastasia S. Maksimova
PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Sociology of Knowledge of the Higher School of Social Sciences and Humanities, Lomonosov Moscow State University
SPIN-code: 7343-4140
Scopus ID: 57204426189
ResearcherID: R-7401-2016

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.2
EDN: OMOQAT

ОТ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ К МЕТРИКАМ: МЕТОДИКА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗАРАЖЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Карпова Анна Юрьевна
Национальный исследовательский Томский политехнический университет (НИ ТПУ)
Томск, Россия
Эл. почта: belts@tpu.ru
ORCID: 0000-0001-7854-1438

Савельев Алексей Олегович
Национальный исследовательский Томский политехнический университет (НИ ТПУ)
Томск, Россия
Эл. почта: sava@tpu.ru
ORCID: 0000-0002-7466-6142

Для цитирования: Карпова А. Ю., Савельев А. О. От цифровых следов к метрикам: методика для выявления социального заражения в социальных медиа // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 2(63). С. 41-90. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.2. EDN: OMOQAT.

Активное развитие компьютерно-опосредованной коммуникации трансформирует классические механизмы социального заражения, придавая им масштабный и вирусный характер. При этом сохраняется методологический разрыв между теоретическим пониманием феномена и возможностями его эмпирического изучения на основе «цифровых следов» — данных социальных медиа. Целью данной статьи является разработка и обоснование методики комплексного выявления двух ключевых форм социального заражения: тематического и эмоционального. Мы предлагаем методику, включающую два адаптивных

сценария выявления социального заражения, выбор между которыми определяется доступностью данных о сетевой структуре взаимодействий. Первый сценарий использует пороговые модели на основе графа (при наличии данных о контактной сети). Второй сценарий (при отсутствии таких данных) реализуется на основе эпидемиологических SI/SIR моделей через классификацию пользователей на «восприимчивых» и «зараженных» с последующим моделированием динамики. Основным элементом предлагаемой методики является детальная операционализация атрибутов социального заражения (тематического и эмоционального), позволяющая перевести теоретические понятия в вычислимые метрики. Для изучения тематического заражения предложены метрики тематического, контекстного и нарративного сходства. Для изучения эмоционального заражения предложен инструментарий на базе предобученных нейросетевых моделей классификации эмоций в тексте. В статье обсуждаются границы применимости методики, связанные с фрагментарностью цифровых следов, проблемами экви- и мультифинальности, а также намечены перспективы её развития за счёт интеграции с качественными методами. Результатом работы является универсальный каркас для исследовательского дизайна, который вносит вклад в методологический аппарат цифровой социологии и позволит переходить от концептуальных моделей к верифицируемому анализу диффузии смыслов и эмоций в онлайн-коммуникациях.

Ключевые слова: социальное заражение, цифровые следы, социальные медиа, тематическое заражение, эмоциональное заражение, операционализация, вычислительные методы, сетевой анализ

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01153).

Введение

Социальное заражение как отдельное направление исследований и само понятие появились в XX веке, но его изучение имеет корни еще в XIX веке. Эмиль Дюркгейм заложил концептуальную основу для изучения социального заражения, когда

ввёл понятие «социальное течение» (social current) [1]. Дюркгейм вводит данное понятие, чтобы объяснить, как коллективные силы (состояние общества) определяют социальные факты, которые существуют независимо от индивидов и обладают собственной реальностью, воздействуют на индивида извне, определяя его поведение, проявляются в виде устойчивых статистических закономерностей. Дюркгейм подчёркивал при этом, что подражание в данном контексте лишь вторичный механизм, а не причина, тогда как истинная причина в состоянии самого общества, порождающего эти «социальные течения».

Непосредственно сама концепция и терминология «социального заражения» были обоснованы позднее, в работах Гюстава Ле Бона и Габриэля Тарда. Вклад Ле Бона заключается в том, что он ввел в социальные науки биомедицинскую метафору заражения (contagion) для описания социально-психологического процесса. Он первым начал последовательно описывать передачу психических состояний в толпе как «психическую заразу» (psychic contagion), аналогичную эпидемии, определял процесс заражения как спонтанный, неосознанный, аффективный и иррациональный, где роль индивида пассивная. Он сфокусировал внимание на эмоциональном контексте заражения. Его работа «Психология толпы» заложила основы для изучения спонтанного, аффективного заражения в больших группах [2].

В свою очередь, Г. Тард хотя и использовал метафору заражения, но его центральным термином стало подражание (imitation), которое он фактически возводит в «универсальный закон» лежащий в основе всех общественных явлений, от моды до революций. Тард интерпретирует заражение как базовый психический процесс усвоения и передачи инноваций, убеждений, моделей поведения, который может быть, как осознанным, так и неосознанным, но всегда предполагает активную роль индивида (хотя и не всегда рефлексивную) в воспроизводстве социального [3]. В отличие от концепции Ле Бона, Тард не сводит

всё к иррациональной толпе. Он выделяет более сложную форму коллективного связывания, которую объединяет не физический контакт, а общность мнений и идей. Можно сказать, что идеи Тарда задают ключевое направление для исследований механизмов социального заражения, фактически предвосхитив изучение как целенаправленного распространения идей (тематическое и поведенческое заражение), так и непроизвольное усвоение эмоциональных моделей поведения (эмоциональное заражение) в сетевых онлайн-взаимодействиях. Его подход позволяет рассматривать распространение инноваций и формирование общественного мнения не как хаотичный процесс, а как результат системного подражания.

Идеи Дюркгейма, Ле Бона и Тарда заложили концептуальную основу, однако сам термин «социальное заражение» (social contagion) был сформулирован позже, Гербертом Блумером, как процесс распространения идей, мнений и эмоциональных состояний в общественном сознании [4; 5, с. 121]. Блумер объединил свои основные постулаты символического интеракционизма, (фокус на смыслах и взаимодействии) с проблематикой массового поведения, отделив заражение от чисто психологических трактовок (как у Ле Бона) и акцентировав ключевую роль социального заражения в распространении настроений, идей, моделей поведения в условиях анонимности и эмоционального возбуждения, характерных для толпы или массовой аудитории. Блумер особо подчёркивал роль «циркулярной реакции» вызывающей взаимное усиление эмоций и импульсов в групповом взаимодействии.

На протяжении столетия, исследователи искали ответ на вопрос «что есть социальное заражение и каковы его механизмы?». В современном научном консенсусе выделяются три взаимосвязанных механизма социального заражения: (1) диффузия – собственно распространение взглядов, моделей поведения и эмоций в социальной среде [6; 7; 8]; (2) подражание

(имитация) – инвариантный базовый механизм, обеспечивающий передачу и воспроизводство указанных элементов, однако его динамика (скорость, масштаб, формы проявления) зависит от социального контекста [9; 10]; (3) интериоризация – процесс индивидуального восприятия и усвоения, переводящий внешнее влияние во внутренние убеждения и мотивы [11; 12]. Таким образом, социальное заражение следует рассматривать как двухкомпонентный процесс, объединяющий внешнее распространение (макроуровень) и внутреннее восприятие (микроуровень). Эффективность процесса социального заражения обусловлена комплексом когнитивных и социальных факторов, включающих доверие к источнику, актуальные социальные нормы, личные цели индивида и склонность к когнитивным искажениям, таким как подтверждение уже существующих убеждений. Подчеркнем, что в рамках настоящего исследования мы фокусируемся на выявлении факта заражения (бинарное состояние: пользователь принял тему/нарратив или нет), а не на моделировании градуальной динамики убеждений. Последняя, хотя и тесно связана с социальным заражением, представляет собой отдельный класс задач (модели динамики мнений), требующий небинарных шкал и иных подходов [13; 14].

Механизмы социального заражения в контексте «доцифровой эпохи» изучены достаточно полно. Однако в новой социальной реальности, где доминирует компьютерно-опосредованная коммуникация, эти механизмы трансформируются, требуя пересмотра исследовательских подходов и разработки новых методов изучения. В условиях онлайн-взаимодействия социальное заражение перестаёт быть простым следствием прямого контакта, оно становится эмерджентным свойством самой сетевой динамики, возникающим из конфигурации связей, алгоритмов платформ и специфики цифрового контента. Масштаб, скорость и вирусный характер распространения, обеспеченные современными технологиями, придают процессу качественно иное изме-

рение. Таким образом, ключевой методологической задачей для социальных наук в XXI веке становится операционализация и изучение механизмов социального заражения в цифровой среде, а также оценка его влияния на формирование убеждений, коллективных эмоций и моделей поведения.

Социальное заражение в онлайн-коммуникации, в самом общем виде, рассматривается как «тенденция пользователей социальных сетей совершать такие действия в сети, как повторное размещение, обмен информацией или принимать новое поведение после воздействия аналогичной информации или поведения соответственно» [15]. Эмоциональное заражение понимается, как непреднамеренный и в значительной степени автоматический процесс передачи аффективных состояний между индивидами, который приводит к конгруэнтности их эмоционального опыта. Его ключевая особенность – аффективная природа, но не обязательно влекущая за собой осознанные поведенческие или моральные реакции. В онлайн-среде этот процесс определяется через возрастающее сходство эмоций у пользователей, которое может носить как сознательный, так и бессознательный характер [16; 17; 18].

Концепция «цифрового эмоционального заражения» (digital emotion contagion) получила мощный импульс после публикации в 2014 году в журнале PNAS результатов впечатляющего и даже провокационного эксперимента в социальной сети Facebook[1]. В ходе исследования контент в ленте новостей подвергался алгоритмической модификации, т.е. фильтрации для снижения доли либо позитивных, либо негативных постов. Эмоциональная тональность сообщений пользователей оценивалась с помощью лингвистического анализа (словарь LIWC). Результаты наглядно

[1] Социальная сеть Facebook (владелец компания Meta Platforms Inc.) признана экстремистской организацией и запрещена в РФ решением Тверского суда г. Москвы от 21 марта 2022 года.

продемонстрировали эффект заражения: пользователи, просматривавшие менее эмоциональный контент, впоследствии публиковали менее эмоциональные посты. Эта работа стала первым крупномасштабным экспериментальным доказательством феномена «цифрового эмоционального заражения, которое происходит путем обмена и выражения мнений на онлайн-платформах с помощью мультимодального цифрового контента, такого как посты, фотографии и т.д. В то время как и при нецифровом, и при цифровом эмоциональном заражении эмоции и мнения «воспринимающих» меняются в результате воздействия «выражающих», воздействие гораздо более интенсивное и частое на цифровых медиа-платформах, при этом «все взаимодействия на платформах социальных медиа являются противоположными взаимодействиям в нецифровом мире» [19].

Исследователи цифрового эмоционального заражения отмечают, что на первый взгляд цифровое эмоциональное заражение должно быть более интенсивным, более частым и более далеко идущим, чем нецифровое, но это может быть не всегда так. Это связано с тем, что частое воздействие эмоций может привести к привыканию [20] или усталости [21], делая каждое воздействие эмоционального онлайн-выражения менее эффективным для эмоций воспринимающего. Учитывая, что люди проводят достаточно много времени в сети, они могут научиться игнорировать, по крайней мере, на каком-то уровне, огромный объем выражений эмоций вокруг них. Кроме того, онлайн социальные связи, как правило, менее интимны и ценны для пользователей, чем офлайн-отношения [22; 23], что также может означать, что на людей меньше влияют эмоции их онлайн-окружения. Поэтому, даже если цифровое эмоциональное заражение, вероятно, будет гораздо более частым и интенсивным, чем нецифровое эмоциональное заражение, также возможно, что каждое такое воздействие эмоций других людей на цифровых носителях оказывает меньшее влияние на эмоции человека. Необходима дальнейшая

работа, чтобы проверить, перевешивают ли активирующие факторы и при каких условиях они вызывают торможение, а также сместить фокус изучения на прогнозирование того, когда заражение эмоциями будет сильнее или слабее.

Предполагается, что более сильное выражение эмоций приводят к более сильному заражению эмоциями. Однако у учёных отсутствует консенсус относительно того, какой тип эмоций приводит к более сильному заражению.

Если эмоциональное заражение связано с передачей аффективных состояний, то его содержательную, смысловую основу составляет тематическое заражение – процесс каскадного распространения в цифровой среде определенных идей, нарративов или поведенческих паттернов, обрамлённых общим тематическим фреймом. В его основе лежит механизм социального влияния, при котором пользователи социальных медиа, усваивая темы, изменяют свои установки, соответственно меняются и коллективные представления, что в конечном счёте сказывается на принятии решений и совершении социальных действий. Несмотря на отсутствие устоявшегося определения тематического заражения, феномен убедительно продемонстрирован в работах известных социологов Николаса Кристакиса и Джеймса Фаулера. Используя методы анализа больших данных социальных сетей, они эмпирически доказали, что темы (от привычек, моды, до политических предпочтений) распространяются по принципу «трёх степеней влияния», то есть могут передаваться от человека к человеку на расстояние до трёх шагов в сети социальных связей [24], затрагивая даже косвенно связанных индивидов. Это подтверждает, что тематическое заражение опирается на силу и структуру социальных связей, а его эффекты проявляются независимо от конкретной формы.

Таким образом, целью статьи является обоснование методики комплексного выявления тематического и эмоционального заражения на основе цифровых следов, связывающей теорети-

ческое понимание феноменов с возможностью их эмпирического изучения. Для достижения цели в статье последовательно решаются следующие задачи: (1) провести критический анализ существующих подходов и математических моделей (каскадных, пороговых, эпидемиологических) к выявлению социального заражения с точки зрения их применимости к изучению данных социальных медиа; (2) предложить общую схему выявления социального заражения предусматривающего два сценария исследования в зависимости от доступности данных о сетевой структуре взаимодействий: при наличии и при отсутствии данных о контактной сети пользователей; (3) разработать и обосновать конкретные метрики и процедуры для операционализации атрибутов тематического и эмоционального заражения; (4) определить границы применимости, ключевые ограничения и перспективы методики в контексте современной цифровой социологии.

Пределы применимости классических моделей диффузии к анализу цифровых следов

Ключом к пониманию распространения социального заражения является структура сетей, лежащих в основе сильных и слабых связей, которые складываются в процессе сетевого взаимодействия. Концепция «сила слабых связей» Марка Грановеттера [25], с 70-х г.г. XX века стала основой в исследованиях онлайн-коммуникаций.

Социальное заражение имеет корни в социальной структуре, побуждая людей в сходных социальных обстоятельствах повторять решения, принятые ранее в подобных ситуациях [26]. Когда люди взаимодействуют с различными социальными факторами, они склонны усваивать неявные нормы выбора, которые становятся фундаментальной основой для их будущих решений [27]. Соответственно, принятие решений будет происходить либо

невольно как результат воздействия «контактного окружения» человека, либо добровольно, осознанно. Но, так ли сильно воздействует «контактное окружение» и какую прогностическую роль такое влияние имеет? Гипотеза о влиянии «контактного окружения» давно и прочно вошла в исследовательское поле изучения социального заражения. Можно сказать, что имитационные модели лежат в основе большинства исследований социального заражения в онлайн-коммуникациях [28; 29; 30]. Однако, не все так, как кажется на первый взгляд.

На примере одного из первых исследований глобального социального заражения хорошо видно, как авторы предлагают нам по-новому взглянуть на его механизмы [31]. Исследовали провели анализ механизмов социального заражения на крупномасштабных данных собранных в социальной сети Facebook. Было установлено, что вероятность заражения определяется не размером социального окружения, а структурным разнообразием связей внутри него. Более того, масштабные данные позволили выявить ранее незаметные «структурные сигналы», критически важные для прогнозирования социального заражения. Глобальные феномены, возникающие в результате процесса заражения в сетях (где поведение в узле имеет нетривиальную зависимость от полного набора поведения в соседних узлах) можно включить в имитационные модели для изучения базовой вероятности заражения, например, основанной на количестве связанных компонентов, образованных/затронутых «соседями» узла. Тогда возможно найти понимание того, как меняются глобальные свойства процесса заражения. Авторы констатируют, что движущей силой заражения является не количество контактов, а количество социальных контекстов, которые эти контакты представляют. Этот вывод указывает на необходимость пересмотра базовых моделей, основанных на параметрических оценках к анализу структурной сложности сети. Полученные результаты открывают новые направления для математического

моделирования и переосмысления роли сетей в социальных процессах.

Анализ литературы показывает, что модели, используемые для выявления и моделирования социального заражения в онлайн-коммуникациях, можно разделить на два больших класса в зависимости от того, учитывается ли сетевая структура взаимодействий между индивидами. Первый класс – сетевые модели (микроуровень), к которым относятся каскадные и пороговые модели, где заражение распространяется по явно заданному графу связей [32; 33; 34; 35; 36; 37; 38]. Второй класс – компартментальные модели (макроуровень) [39; 40; 41], такие как SI, SIR, SIS, где динамика описывается через доли популяции в различных состояниях без явного учёта индивидуальных связей. Выбор между этими классами определяется доступностью данных о контактной сети и исследовательскими задачами. В таблице 1 приведено сравнение двух классов моделей с акцентом на их применимость к анализу цифровых следов и ключевые ограничения.

Процесс социального заражения в онлайн-коммуникациях, несмотря на значительный прогресс и достижения в области выявления его признаков и моделирования, не является до конца понятым и изученным. Известно, что на успех заражения, т.е. на положительное решение индивида принять новое убеждение или модель поведения влияют с неустановленной значимостью факторы, связанные с: (1) социальным контекстом (который может быть локальным и глобальным; ситуативным или постоянным) [42]; (2) представлениями о своих отношениях с другими участниками группы и своей роли в этой группе (могут быть мнимыми, т.е. не совпадать с оценками и точкой зрения группы в целом, а также не соответствовать результатам сторонних наблюдений и оценок) [12; 43]; (3) эмоциями, в том числе групповыми (эмоции также могут быть ситуативными или постоянными; направленными или нет и т.д.) [43; 44]; (4) информированно-

Таблица 1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БАЗОВЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗАРАЖЕНИЯ В ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯХ

Критерий для сравнения	**Сетевые модели** (микроуровень; например, каскадные, пороговые на графах)	**Компартментальные модели** (макроуровень; например, SI, SIR, SIS)
Базовый принцип	Распространение по известной сети связей. Решение (активация) передаётся от узла к узлу.	Распространение в однородно смешанной популяции без учёта индивидуальных связей. Динамика описывается через доли популяции в различных состояниях.
Ключевые допущения	1. Сеть взаимодействий известна (хотя бы частично). 2. Состояние бинарное (активен/неактивен)*. 3. Активация происходит однократно и мгновенно (или с порогом). 4. Вероятность передачи задаётся для пары узлов или зависит от числа активных соседей.	1. Отсутствие информации о контактной сети (или её нерелевантность). 2. Популяция считается однородной, контакты случайными. 3. Модель оперирует долями (или численностями) индивидов в состояниях (S, I, R). 4. Переходы между состояниями задаются вероятностными или детерминированными законами на популяционном уровне.

**Прим.: в рамках данной методики состояние пользователя рассматривается как бинарное (заражён/не заражён), что соответствует задаче выявления факта распространения темы или нарратива, градуальные изменения остаются за рамками предлагаемого подхода.*

Продолжение табл. 1

Критерий для сравнения	**Сетевые модели** (микроуровень; например, каскадные, пороговые на графах)	**Компартментальные модели** (макроуровень; например, SI, SIR, SIS)
Основные ограничения для анализа цифровых следов	1. Не учитывает содержание (вероятность передачи не зависит от смысла, эмоций или нарратива контента). 2. Идеализация данных (предполагает полную наблюдаемость сети, что противоречит фрагментарности данных, получаемых через API). 3. Игнорирует когнитивные процессы (индивидуальное принятие решений, колебания). 4. Жёсткие временны́е рамки (не отражают итеративное убеждение).	1. Несоответствие социальному агенту (люди – это не пассивные носители «вируса», они активно интерпретируют информацию, имеют «иммунитет» (убеждения) и разную восприимчивость). 2. Игнорирует сетевую структуру (не учитывает роль сильных/слабых связей, эхо-камер и сетевой топологии, критически важных для социальных медиа). 3. Проблема операционализации состояний (нет чётких критериев для отнесения пользователя к категории: восприимчивый, инфицированный или выздоровевший на основе цифровых следов (текстов, лайков). 4. Упрощённый механизм «иммунитета (социальная «вакцинация» (контр-нарративы) сама является сложным смысловым процессом, а не внешним параметром).

Окончание табл. 1

Критерий для сравнения	**Сетевые модели** (микроуровень; например, каскадные, пороговые на графах)	**Компартментальные модели** (макроуровень; например, SI, SIR, SIS)
Типичная область применения	Анализ распространения в ситуациях, когда известна или реконструируема сеть взаимодействий (подписки, друзья, репосты).	Анализ массовой диффузии, когда сеть неизвестна или нерелевантна, а фокус на агрегированной динамике в популяции.
Методологический вызов в контексте социологических исследований	Как ввести в параметры модели (вероятность активации) смысловые, эмоциональные и социальные атрибуты?	Как определить «состояния» и «вероятность заражения», чтобы они отражали социальные, а не биологические процессы?

стью, знаниями и опытом [45]; (5) предполагаемыми оценками вероятности ущерба или риска от принятия или не принятия нового убеждения или модели поведения [46].

Список факторов не является исчерпывающим. В ряде исследований выделяются также нейробиологические факторы как значимые в процессе социального заражения [47].

Несмотря на наличие большого числа математических и имитационных моделей распространения заражения или информационной диффузии, их практическое, прикладное применение сопряжено с рядом значительных трудностей. Наиболее значимой сложностью является вычисление значений используемых моделью переменных (например, вероятность столкновения зараженного и восприимчивого индивида; оценки восприимчивости или уязвимости и пр.). Следующая сложность связана с самими данными. Цифровые следы – это косвенные и фрагментарные данные об установках и поведении индивидов. Возникают проблемы эквифинальности (разные причины ведут к одинаковому цифровому следу) и мультифинальности (одинаковые исходные условия ведут к разному поведению в сети). Тот факт, что процесс социального заражения одновременно является экви- и мультифинальным, говорит об ограниченных возможностях наблюдателя, несмотря на имеющийся и поразительный объем доступных для анализа данных, а также средств их обработки и анализа. Социальное заражение – это не просто функция структуры сети или вероятности контакта, а эмерджентный результат взаимодействия обусловленный сетевой топологией, содержанием контента, алгоритмами платформы и психологическими, личностными особенностями пользователей.

Существующие модели необходимы, но недостаточны. Они задают математический каркас, но для социологического анализа требуется наполнение релевантными и измеримыми атрибутами (тематическими, эмоциональными, и др.) и разработки методики работы с неполными цифровыми следами.

Методика выявления социального заражения на основе цифровых следов

Выявленные методологические вызовы и ограничения базовых моделей позволяют утверждать, что применение готовых математических моделей к данным социальных медиа требует их существенной адаптации для работы с сырыми данными. В данном разделе мы представляем методику, ядром которой является адаптивный алгоритм: последовательность шагов по преобразованию сырых цифровых следов в обоснованное заключение о наличии и динамике заражения. Методика предусматривает два принципиальных сценария, исходя из полноты исходных данных. Её ключевая особенность – вариативность. Методика предусматривает два принципиальных сценария, исходя из полноты исходных данных.

Общая логика и элементы методики представлены в структурно-функциональной модели на рисунке 1.

Рис. 1. IDEF0-модель процесса выявления социального заражения в онлайн-коммуникациях

Наличие информации о прямых контактах пользователей при их сетевом взаимодействии позволяет использовать каскадные и пороговые модели для выявления и оценки динамики социального заражения (в том числе его составляющих: тематического и эмоционального заражения). К информации, указывающей на наличие возможности прямого сетевого взаимодействия относится любое наблюдаемое действие одного пользователя, явно адресованное другому пользователю или его контенту, которое потенциально способно передать тематический или эмоциональный импульс, в частности: наличие односторонних или взаимных подписок пользователей друг на друга; факты прямых реакций на контент (лайки, репосты, комментарии, ответы на комментарии); участие в одних и тех же сообществах, группах, чатах с возможностью публичного обмена сообщениями; явные упоминания другого пользователя (@username) в тексте поста или комментария. Отметим, что не все перечисленные типы взаимодействий равнозначны с точки зрения силы социального влияния. В рамках методики предусмотрена возможность дифференциации весов рёбер социального графа в зависимости от типа взаимодействия (например, репост может интерпретироваться как более сильный сигнал передачи влияния, чем лайк). Конкретный набор учитываемых взаимодействий и их весовые коэффициенты определяются исследователем исходя из специфики платформы, доступности данных и гипотез о механизме заражения.

Далее, рассмотрим два сценария: (1) при наличии информации о контактной сети; (2) при отсутствии данных о контактной сети.

Сценарий 1. Анализ при наличии данных о контактной сети. Данный сценарий актуален, когда доступны данные о подписках, дружеских связях или явных взаимодействиях между пользователями. Его логическая последовательность, представлена на рисунке 2. Декомпозиция процесса выявления социального заражения при наличии информации о контактной сети, включает

четыре ключевых этапа. **Первый этап** – это построение первичного социального графа, где пользователи и сообщества становятся узлами, а установленные связи – рёбрами.

Второй этап – это выявление сообществ (кластеров, клик[2]) внутри графа с помощью методов кластеризации, что позволяет перейти от точечных взаимодействий к анализу групповой динамики. Поскольку различные методы кластеризации дают несовпадающие разбиения, выбор результирующего осуществляется на основе комплекса критериев, релевантных задачам анализа социального заражения. Для этих целей используется метрика модулярности как мера качества разбиения, при которой предпочтение отдаётся алгоритму, максимизирующему данную величину, что соответствует более выраженной внутрикластерной связности и межкластерной разреженности [48]. Для крупных графов социальных медиа (десятки и сотни тысяч узлов) приоритет имеют масштабируемые методы кластеризации, в частности алгоритм Лувена и его модификации [49]. При необходимости может использоваться ансамблевый подход – усреднение или консенсус нескольких разбиений, что снижает зависимость от артефактов конкретного метода. Таким образом, выбор метода и итогового разбиения определяется сочетанием формальных метрик качества, вычислительной эффективности и содержательной валидности в контексте конкретной исследовательской задачи.

Третий, критически важный этап – это оценка силы и направленности связей между узлами. Направленность связи определяется асимметрией наблюдаемых взаимодействий. Если пользователь ***A*** подписан на пользователя ***B***, а обратная подписка отсутствует, то считается, что потенциальное влияние направлено от ***B*** к ***A*** (т.к. ***A*** добровольно включил контент ***B*** в свою инфор-

[2] *Прим. авторов:* Идеальная сплоченная подгруппа – это клика (clique) – максимально полный подграф, в котором все вершины связаны друг с другом.

мационную среду). Аналогично, если ***A*** регулярно комментирует или репостит записи ***B***, а последний не отвечает взаимными действиями, ребро графа считается ориентированным ***B*** → ***A***. При наличии взаимных подписок и симметричных взаимодействий ребро рассматривается как двунаправленное. В качестве базовой меры силы связи, основанной на сетевой топологии, используется коэффициент перекрытия соседей, который для пары узлов *u* и *v* вычисляется по формуле индекса Жаккара:

$$w_{uv}^{topol} = \frac{N(u) \cap N(v)}{N(u) \cup N(v)}, \quad (1)$$

Где *N(u)* и *N(v)* – множества соседних с u и v узлов соответственно. Значение w_{uv}^{topol} лежит в диапазоне [0,1]. Большее перекрытие социальных окружений, таким образом, трактуется как более значимая связь.

При наличии дополнительных данных сила связи может быть скорректирована или дополнена другими метриками:

- Сходство атрибутов профилей, вычисляемое, например, как косинусное сходство векторов признаков (демографических, географических, тематических интересов) умноженное на топологический вес (или как самостоятельная компонента).
- Временные паттерны взаимодействий, а именно частота и регулярность ответных действий (лайков, комментариев, репостов) за определённый временной интервал. В этом случае сила связи может быть определена как нормированная сумма взаимодействий:

  $$w_{uv}^{temp} = \frac{\sum I_{uv}(t)}{T},$$

  где $I_{uv}(t)$ – бинарный индикатор наличия взаимодействия в момент времени *t*, а *T* – общее число временных окон наблюдений.

Итоговый вес ребра w_{uv} может быть получен как линейная комбинация перечисленных компонент с коэффициентами,

определяемыми исследователем исходя из специфики данных и гипотез о механизме заражения. При отсутствии дополнительных данных рекомендуется использовать топологическую меру (индекс Жаккара) как базовую и интерпретируемую.

На этом же этапе структура сообществ, выявленная на предыдущем шаге, используется для агрегирования информации, поскольку связи между узлами рассматриваются в контексте принадлежности к одному или разным кластерам, а не изолированно. Это обеспечивает возможность различать внутрикластерное заражение (гомофильное распространение) и межкластерные «мосты», через которые заражение переходит в другие сегменты сети.

Четвёртый, итоговый этап заключается в выявлении признаков заражения через мониторинг динамики сети на двух уровнях. На микроуровне отслеживается рост ассортативности сети, то есть увеличение доли связей между узлами со сходными целевыми атрибутами (тематическими или эмоциональными профилями). На макроуровне, для анализа групповой динамики, сравниваются траектории распространения заражения внутри различных сообществ, оценивается скорость и полнота охвата каждого кластера, а также выявляются сообщества, выступающие в роли «источников» или «приёмников» заражения. Например, можно обнаружить, что эмоциональное заражение сначала консолидируется в одном сообществе с высокой внутренней связностью, а затем через узлы-мосты «перетекает» в соседние кластеры, что визуализируется как последовательное изменение атрибутов узлов в разных частях графа. Таким образом, обеспечивается возможность перехода от констатации факта заражения к пониманию его структурных механизмов и роли сетевой топологии в диффузии смыслов и эмоций.

Таким образом, практическая реализация Сценария 1 может быть представлена следующей обобщенной последовательностью действий:

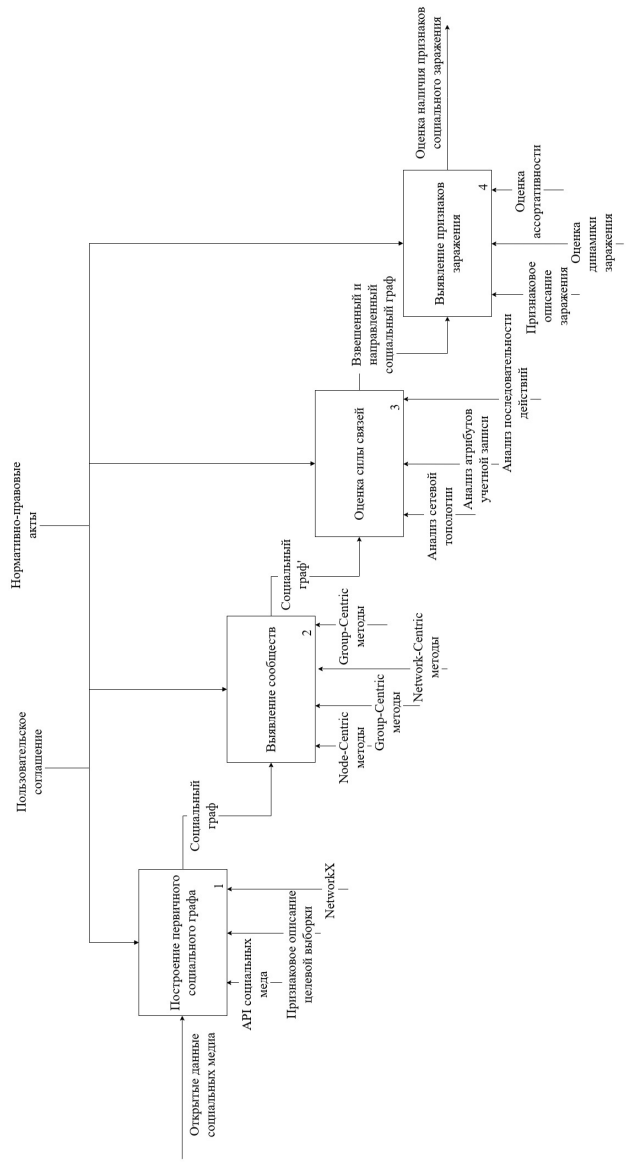

Рис. 2. Декомпозиция процесса выявления социального заражения при наличии информации о контактной сети

1. Построение социального графа:
   - Узлы графа представляют собой пользовательские учетные записи.
   - Рёбра добавляются при наличии хотя бы одного из следующих наблюдаемых взаимодействий за анализируемый период: подписка, репост, комментарий, лайк.
   - Для каждого типа взаимодействия может быть задан отдельный тип ребра или агрегированное бинарное ребро, указывающее на наличие любого контакта. Направление ребра определяется в соответствии с правилами, описанными выше.
   - Из графа исключаются изолированные вершины (не имеющие ни одного взаимодействия с другими узлами выборки), так как они не участвуют в процессе заражения.
2. Выявление сообществ:
   - Применяется алгоритм Лувена с максимизацией модулярности. Для повышения устойчивости рекомендуется выполнить несколько запусков алгоритма (например, 10) и выбрать разбиение с наибольшим значением модулярности. Дополнительно могут быть рассчитаны разбиения с помощью алгоритмов InfoMap и Label Propagation для сравнительной оценки. Если разбиения существенно различаются, используется ансамблевый метод консенсуса кластеризаций или выбирается разбиение Лувена как базовое.
   - Сообщества, содержащие менее 5 узлов, могут быть объединены с ближайшими по модулярности кластерами либо исключены из дальнейшего анализа групповой динамики (но их узлы сохраняются в графе).
3. Оценка силы и направленности связей:
   - Для каждого ребра (u,v) вычисляется вес w_{uv} по формуле (1). При наличии дополнительных атрибутов и

временных данных вес может быть модифицирован согласно описанной выше схеме.

- Для оценки направленности ребро считается ориентированным от v к u, если u проявляет активность по отношению к v (подписан, комментирует), а обратная активность отсутствует. В случае взаимных действий ребро разбивается на два противоположно направленных с одинаковым весом.

4. Выявление признаков заражения:
   - Анализ микроуровня (ассортативности). Для каждого временного среза (например, по неделям) вычисляется коэффициент ассортативности по целевому атрибуту (например, тематический профиль пользователя):

$$r = \frac{\sum e_{ii} - \sum a_i b_i}{1 - \sum a_i b_i},$$

   где e_{ii} – доля ребер между узлами с одинаковым значением атрибута i, а a_i и b_i – доли ребер, исходящих и входящих в узлы со значением i. Увеличение значения r со временем интерпретируется как усиление гомофилии по данному атрибуту, и, следовательно, является признаком заражения.
   - Анализ макроуровня (групповой динамики). Для каждого выявленного сообщества C_k на каждом временном срезе вычисляется: доля узлов, классифицированных как «заражённые» (имеющих целевой атрибут); среднее время перехода узла из состояния «восприимчивый» в «заражённый» внутри сообщества; количество межкластерных «мостов» (рёбер, соединяющих узлы сообщества с узлами других сообществ, по которым произошла передача атрибута).
   - Сообщества ранжируются по скорости распространения заражения. Выделяются «источники» – сообщества, в которых доля заражённых первой достигает

порогового значения (например, 20%), и «приёмники», куда заражение приходит с задержкой.

Отметим, что все приведённые пороговые значения и конкретные упомянутые алгоритмы носят рекомендательный характер и могут быть изменены в зависимости от условий и доступности данных в конкретной исследовательской задаче.

Сценарий 2. Анализ при отсутствии данных о контактной сети. В ситуации, когда информация о сетевых связях недоступна или нерелевантна, применяется альтернативный вариант, схема которого приведена на рисунке 3. Декомпозиция процесса выявления социального заражения в отсутствие информации о контактной сети сводится к задаче классификации пользователей на основе анализа их цифрового контента и статических атрибутов. **Первый шаг** – это определение анализируемой выборки по заданным критериям (демография, ключевые слова, активность).

Второй шаг – это извлечение значимых атрибутов из текстов публикаций и профилей, их векторизация для последующего сравнения. Отбор значимых атрибутов осуществляется в зависимости от типа изучаемого заражения и специфики предметной области. В общем случае процедура включает два этапа: (1) генерацию первичного множества признаков-кандидатов и (2) их фильтрацию на основе статистических или экспертных критериев. Для случаев тематического заражения из текстов публикаций извлекаются: ключевые слова и N-граммы (с помощью методов YAKE или KeyBERT); векторные представления документов (doc2vec, BERT-эмбеддинги); структурные элементы нарратива. Для эмоционального заражения признаками выступают вероятности принадлежности текста к эмоциональным категориям, получаемые от классификаторов на базе предварительно обученных моделей (например, Emotion English DistilRoBERTa-base). Из полученного множества признаков-кандидатов отбираются наиболее релевантные. Для этих целей могут применяться:

- Статистические метрики, в частности TF-IDF с пороговым отсечением по квантилю, взаимная информация с целевой переменной (если имеется размеченная выборка), анализ главных компонент для снижения размерности.
- Экспертный отбор, при котором исследователь на основе содержательного анализа предметной области вручную формирует список лексических маркеров или тематических фреймов, соответствующих проверяемой гипотезе о заражении.
- Автоматизированное тематическое моделирование с применением таких подходов как LDA (Latent Dirichlet Allocation) или BERTopic для выявления латентных тем, с последующей агрегацией на уровне доминирующей темы.

Например, при изучении распространения поляризованных реакций на инцидент с пощёчиной Уилла Смита во время церемонии вручения премии «Оскар-2022» в англоязычном сегменте социальных медиа значимыми атрибутами могут выступать:

- Тематические маркеры, а именно частота употребления (в том числе совместного) ключевых слов и хэштегов, таких как #WillSmith, #ChrisRock, #Oscars2022, #slapgate, #TeamWill, #TeamChris, #ProtectBlackWomen, #JusticeForChris, #CancelWillSmith. Дополнительно могут отслеживаться целевые N-граммы: «defended his wife», «violence is never okay», «joke went too far», «staged» и подобные. При этом отбор целевых маркером может быть осуществлен в два этапа. На первом этапе исследователь или группа экспертов, знакомых с содержанием и контекстом изучаемого информационного события, вручную составляет исходный список seed-маркеров, опираясь на ключевые для тематики заражения именованные сущности, характерные хэштеги в публикациях лидеров

мнений и иные лексические единицы, явно отражающие рассматриваемый конфликт. На втором этапе сформированный seed-набор используется для извлечения из корпуса публикаций всех текстов, содержащих хотя бы один из маркеров. Для полученной подвыборки вычисляются частоты N-грамм и хэштегов, а также меры ассоциации (например, PMI – Pointwise Mutual Information) между seed-маркерами и другими лексическими единицами, встречающимися в тех же контекстах. Маркеры-кандидаты, демонстрирующие высокую степень ассоциации с seed-набором (например, PMI> 3) и частоту выше установленного порога (например, встречаемость не менее чем в 1% документов подвыборки), проходят дополнительную экспертную проверку на релевантность кейсу и включаются в итоговый расширенный перечень.

- Принадлежность к тематическим кластерам, выявленным с помощью тематического моделирования (например, BERTopic): «осуждение насилия», «защита семьи/жены», «расовый контекст» «двойные стандарты», «постановка» и прочие.
- Эмоциональный профиль, определяемый через доминирующие эмоции, извлекаемые классификатором. При этом «гнев» будет характерен для пользователей, осуждающих Смита или Рока, «восхищение» – для поддерживающих Смита как защитника жены, «отвращение» – для негативно реагирующих на само насилие, а также «удивление» и «сарказм» – в сегментах обсуждающих теорию о постановочном характере скандала.

Третий шаг – это SI-классификация, в рамках которой каждый пользователь относится к категории «восприимчивых» (S) или «заражённых» (I) на основе сходства его вектора атрибутов с эталонным описанием заражения или с другими пользователями.

Пусть каждому пользователю u сопоставлен вектор признаков $x \in R^d$, полученный на предыдущем шаге. Исследователем задается эталонное описание заражение в виде вектора x_{ref}, который может быть определен, например, как усреднённый вектор признаков по подмножеству пользователей, вручную идентифицированных как «заражённые» (на основе экспертного анализа контента), или как вектор признаков, извлечённый из набора текстов, которые априорно считаются выражающими целевую тему или эмоцию (например, тексты новостных заголовков, манифестов, постов лидеров мнений). Для каждого пользователя определяется мера сходства $s(x_u, x_{ref})$ как косинусное сходство. Пользователь относится к зараженным (I), если значение сходства превышает порог τ:

$$status(u) = \begin{cases} I, s(x_u, x_{ref}) \geq \tau, \\ S, s(x_u, x_{ref}) < \tau. \end{cases}$$

Порог τ может быть определён эмпирически, например, как 0,7 (для нормированных векторов) или как значение, максимизирующее разделимость классов на основе анализа распределения сходств в пилотной выборке. При отсутствии априорной информации о распределении возможно применение адаптивного порога, например, медианы значений сходства по всей выборке. Также, если сформировать эталонный вектор не представляется возможным, классификация может выполняться на основе попарной оценки сходства между пользователями, при которой пользователь считается заражённым, если среднее сходство его вектора с векторами уже идентифицированных заражённых (I) превышает среднее сходство с векторами восприимчивых (S).

Заключительный шаг – это выявление признаков заражения через оценку положительной динамики доли пользователей класса «I» в выборке, с возможностью последующего моделирования распространения по правилам эпидемиологических моделей.

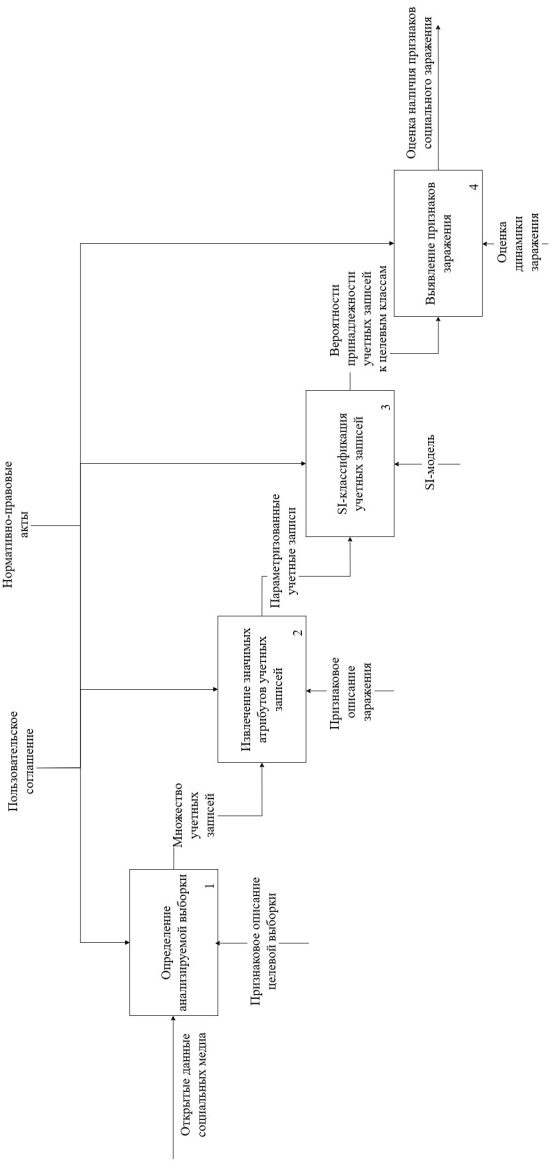

Рис. 3. Декомпозиция процесса выявления социального заражения в отсутствие информации о контактной сети

Таким образом, практическая реализация Сценария 2 может быть представлена следующей обобщенной последовательностью действий:

1. Определение анализируемой выборки:
- Задаются критерии включения пользователей в анализ, в частности: временной интервал публикаций (например, последние 30 дней); географическая привязка (если доступна); наличие в текстах публикаций заданных ключевых слов или хэштегов, минимальное количество постов (≥ 3) за рассматриваемый период.
- Из общего потока данных отбираются пользователи, удовлетворяющие критериям. Каждому пользователю сопоставляется совокупность его публичных текстовых сообщений за анализируемый период.

2. Извлечение значимых атрибутов учетных записей:
- Тематических (ключевые слова, N-граммы и векторные представления текстовых сообщений пользователя).
- Эмоциональных, отражающих вероятность принадлежности к основным эмоциональным категориям (гнев, страх, радость, печаль, удивление, отвращение, нейтрально).

3. SI-классификация учетных записей:
- Формируется эталонное описание заражения – вектор x_{ref}, получаемый одним из вышеописанных способов.
- Вычисляется косинусное сходство каждого пользователя u с эталонным вектором.
- Пользователь относится к классу I при превышении полученным значением косинусного сходства эмпирически определенного порога τ, иначе – к классу S.

4. Выявление признаков заражения:
- Анализируемая выборка разбивается на временные интервалы (например, по дням или неделям). Для каж-

дого интервала вычисляется доля пользователей класса I в выборке:

$$p_I(t) = {N_I(t)}\Big/{N_{total}(t)}.$$

- Признаком заражения считается устойчивый рост $p_I(t)$ на протяжении не менее трёх последовательных временных интервалов, превышающий фоновые колебания (определяемые, например, по дисперсии в контрольный период).
- Моделирование динамики через аппроксимацию полученных временных рядов $p_I(t)$ с помощью SI/SIR-моделей для чего подбираются параметры модели (скорость передачи β и скорость выздоровления γ).

Аналогично Сценарию 1 отметим, что все приведённые пороговые значения и конкретные упомянутые алгоритмы носят рекомендательный характер и могут быть изменены в зависимости от условий и доступности данных в конкретной исследовательской задаче

Оба сценария являются частными случаями единого исследовательского цикла. Их интеграция в целостную схему представлена на рисунке 4. Данная схема позволяет акцентировать внимание на том, что предлагаемая методика представляет собой не жесткий алгоритм, а адаптивный каркас. Выбор между сценариями, конкретными метриками и порогами принятия решений определяется исследовательским контекстом и характером доступных «цифровых следов», что обеспечивает гибкость и практическую применимость методики в условиях неполноты данных.

Блок «Признаковое описание заражения» представляет собой формализованное описание целевого состояния, на обнаружение которого направлена методика. Для тематического заражения оно может включать набор ключевых слов и N-грамм или векторное представление эталонного текста-манифеста. Для

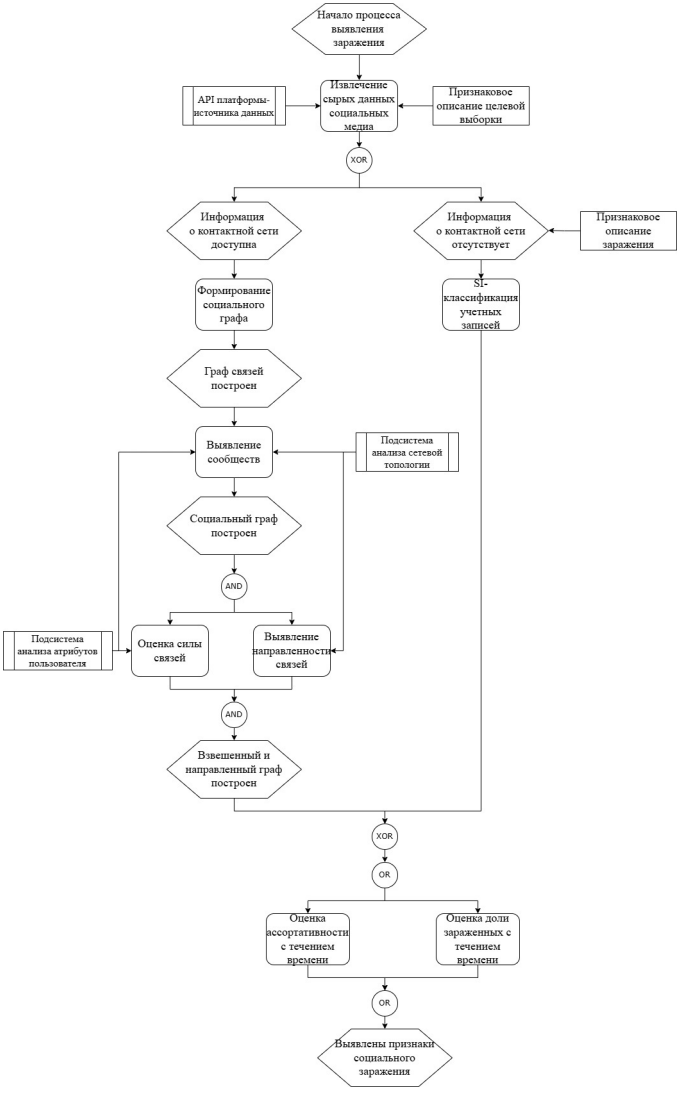

Рис. 4. Обобщенная последовательность выявления социального заражения в процессе сетевого взаимодействия

эмоционального заражения признаковое описание задаётся профилем распределения вероятностей по эмоциональным категориям (например, гнев – 0,7, страх – 0,2, нейтрально – 0,1. Данный блок служит входной информацией для процедуры классификации пользователей (Сценарий 2) или для расчёта ассортативности (Сценарий 1).

Процесс выявления социального заражения в онлайн-коммуникациях является вариативным. Применимость тех или иных подходов и методов для решения одних и тех же задач целиком зависит от таких факторов как: (1) спецификация доступных для автоматизированного извлечения и обработки данных, включая наличие информации о контактной сети; (2) наличие качественных проблемно-ориентированных признаковых описаний как целевых исходных данных, так и характеристик заражения; (3) доступность и точность (применительно к конкретной предметной области) предварительно обученных моделей для выявления эмоций, атрибутов нарратива, тематик и пр.; (4) наличие вычислительных мощностей для работы с большим объемом данных; (5) качество процессов верификации полученных результатов.

Операционализация атрибутов: метрики и инструменты для выявления тематического и эмоционального заражения

Представленная в предыдущем разделе общая методика задает алгоритмический каркас исследования. Его практическое наполнение и работоспособность обеспечивает этап операционализации, т.е. перевода теоретических понятий «тематическое заражение» и «эмоциональное заражение» в систему вычисляемых на цифровых следах показателей (атрибутов). Данный раздел посвящен описанию конкретных метрик и инструментов,

которые предлагается использовать для наполнения содержанием двух основных сценариев методики, исходя из определений, данных в теоретической части.

В соответствии с данным ранее определением тематического заражения как процесса распространения контента в форме идеи или рассуждения в границах тематического фрейма, операционализация направлена на выявление и измерение сходства смысловых паттернов между пользователями или сообществами. Для этого применяется три уровня анализа, различающиеся глубиной и вычислительной сложностью.

Первый, базовый уровень – это тематическое сходство, измеряемое через частоту и значимость ключевых слов и N-грамм в текстах. Для его оценки используются современные инструменты извлечения ключевых слов, такие как YAKE[3] или нейросетевые модели, подобные KeyBERT[4], которые позволяют выявить тематическое ядро дискурса без предварительного обучения на размеченных корпусах текстов. Этот уровень соответствует фиксации распространения ключевых идей.

Второй уровень – это контекстное сходство. Оно оценивается с помощью моделей векторных представлений документов (напри-

---

[3] *Прим. авторов:* YAKE (Yet Another Keyword Extractor) – это инструмент для извлечения ключевых слов и фраз, основанный на алгоритме, который анализирует текст и выделяет наиболее значимые слова и фразы. YAKE использует информацию о структуре текста и контексте слов для определения их важности.

[4] *Прим. авторов:* KeyBERT – это инструмент для извлечения ключевых слов и фраз, использующий преобразовательные модели BERT для создания ключевых слов и фраз, наиболее похожих на исходный документ. KeyBERT сначала извлекает вложения документа с помощью BERT для получения представления на уровне документа. Затем извлекаются вложения для N-грамм слов/фраз и используется косинусное сходство для нахождения слов/фраз, наиболее похожих на документ. Это позволяет идентифицировать слова, которые лучше всего описывают весь документ. За этапом извлечения ключевых слов из текстов узлов-учетных записей следует их группировка и кластеризация, например, на базе K-Means.

мер, doc2vec). Позволяет уловить более глубокие семантические связи, выходящие за рамки простой лексической статистики.

Наиболее комплексным является третий уровень – это нарративное сходство, предполагающее выявление и сопоставление структурных элементов истории (темы, действующие лица, события, оценки автора). Именно этот уровень наиболее полно коррелирует с исходным определением тематического заражения, так как позволяет измерять распространение целостных смысловых конструктов (фреймов), формирующих коллективные представления. Алгоритмические методы извлечения этих атрибутов, от мешка слов до моделей на основе «трансформеров» (BERT [50]), составляют инструментальную основу данного уровня.

Выявление эмоционального заражения опирается на иной класс атрибутов. Основываясь на теоретическом разграничении общего эмоционального заражения (как автоматической передачи аффективных состояний) и его цифровой специфики, операционализация фокусируется на инструментах для измерения аффективной тональности цифрового контента. Если классическое определение эмоционального заражения как «чисто аффективной реакции» требует выявления непреднамеренной передачи состояний, то в цифровой среде это достигается через анализ лингвистических паттернов. Классические подходы, основанные на словарях эмотивной лексики (например, LIWC), сегодня дополняются более точными и мощными инструментами, такими как предобученные нейросетевые модели для классификации эмоций в тексте. Такие модели, как Emotion English DistilRoBERTa-base[5], способны авто-

[5] *Прим. авторов:* Emotion English DistilRoBERTa-base – это предварительно обученные модели для распознавания эмоций, на основе трансформеров. Обучена распознаванию 28 различных эмоций в английских текстах. Она основана на архитектуре DistilRoBERTa и предназначена для использования в различных приложениях по анализу текстов. Модель способна распознавать такие эмоции, как радость, печаль, страх, удивление, отвращение и другие, которые и будут выступать в качестве атрибутов процесса заражения.

матически присваивать текстовым данным векторы вероятностей принадлежности к множеству дискретных эмоциональных категорий (гнев, радость, печаль и т.д.). Визуализация работы подобной модели, например, в виде диаграммы распределения эмоций в анализируемом корпусе текстов, служит наглядным инструментом первичной диагностики (рисунок 5: Визуализация результатов выявления эмоций на тестовом корпусе текстов).

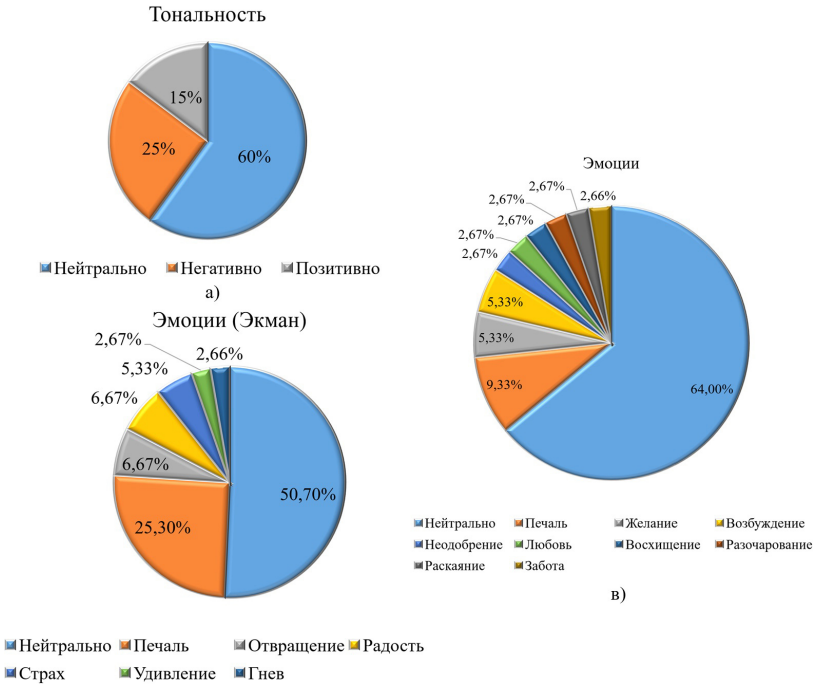

Рис. 5. Визуализация результатов выявления эмоций на тестовом корпусе текстов

Полученные эмоциональные профили пользователей или потоков контента становятся ключевыми атрибутами для последующего анализа:

- при работе по Сценарию 1 (с известной сетью) отслеживается рост ассортативности по схожим эмоциональным профилям;
- при работе по Сценарию 2 (без сети) анализируется динамика доли пользователей, доминирующие эмоции которых соответствуют гипотезе о заражении; при этом важно, что операционализация цифрового эмоционального заражения учитывает его специфику: опосредованность текстом/контентом, интенсивность воздействия и потенциальную роль алгоритмов платформ, через анализ динамики этих профилей в массовых потоках данных и сравнение с нейтральным эталонным корпусом для выявления аномальных эмоциональных «всплесков», указывающих на возможное заражение.

Таким образом, предложенный набор метрик и инструментов обеспечивает содержательное наполнение методики, напрямую вытекающее из теоретических определений. Операционализация через тематическое/нарративное и эмоциональное сходство позволяет преодолеть ключевое ограничение классических моделей – их «смысловую пустоту», и перейти к измерению конкретных феноменов, описанных в теории. Интеграция этих вычислимых атрибутов в общую схему исследования, представленную на рисунке 4, позволяет продемонстрировать полный цикл: от теоретического понятия через его операциональное определение к конкретному алгоритму обнаружения в массивах цифровых следов.

Границы применимости, ограничения и перспективы методики

Разработанная методика представляет собой системный конструкт, позволяющий перейти от теоретического знания социального заражения к его эмпирическому выявлению в цифровых средах. Однако, как и любой методологический инструмент,

она имеет определенные границы применимости и ограничения, осознание которых критически важно для её корректного использования и адаптации под предметную область и исследовательские задачи. Ключевые ограничения проистекают из природы исходных данных и эпистемологических вызовов работы с цифровыми следами.

Основные ограничения связаны с качеством и разрешающей способностью данных. Методика в своей основе опирается на информацию, которую исследователи получают в соответствии с ограничениями API платформ социальных медиа. Эти данные являются целенаправленно сконструированным и фундаментально неполным представлением о социальной реальности. Ограничения API (на количество запросов, глубину выборки, типы доступных взаимодействий) напрямую детерминируют возможности анализа, а также влияют на сопоставимость результатов. Более того, цифровые следы – это косвенные и фрагментарные индикаторы (убеждений, эмоций, мотивов, намерений и т.д.). Пользовательский контент и паттерны взаимодействий не тождественны внутренним психическим состояниям или реальным поступкам, что порождает классические методологические проблемы эквифинальности (разные причины приводят к одинаковым цифровым проявлениям) и мультифинальности (сходные исходные условия приводят к разным поведенческим паттернам в сети).

Методологические вызовы также проистекают из вычислительных инструментов. Использование предобученных нейросетевых моделей для классификации эмоций или тем, несмотря на их высокую эффективность, создает проблему «черного ящика»: исследователь зачастую не может интерпретировать, на каких именно лингвистических или контекстных признаках основано решение модели, что усложняет содержательную интерпретацию результатов. Кроме того, эффективность методики в части выявления тематического заражения сильно зависит от качества

и релевантности используемых словарей, тезаурусов или обучающих выборок для моделей векторизации текста.

Ещё одно важное ограничение связано с бинарной трактовкой состояния пользователя (заражён/не заражён). В действительности изменение убеждений и мнений в процессе социального заражения может носить градуальный характер, например, индивид может частично принять новую тему или колебаться между позициями. Модели динамики мнений оперируют непрерывными или порядковыми шкалами, что позволяет моделировать такие эффекты, как поляризация или постепенное убеждение. Предлагаемая методика не охватывает этот класс задач, фокусируясь на бинарном выявлении заражения по принципу «порогового перехода».

Перспективы развития методики лежат в нескольких плоскостях. Во-первых, это повышение комплексности за счет комбинирования тематических и эмоциональных атрибутов в единых аналитических моделях, что позволит изучать, как распространяются эмоционально окрашенные нарративы. Во-вторых, важным направлением является разработка и валидация специфичных и контекстно-зависимых инструментов (например, моделей для анализа эмоций на русском языке с учетом интернет-диалекта), что повысит точность операционализации. В-третьих, перспективным представляется интеграция предложенного конструкта с экспериментальными и качественными методами (онлайн-эксперименты, глубинные интервью) для триангуляции данных и преодоления ограничений, присущих исключительно пассивному анализу цифровых следов.

Несмотря на указанные ограничения, разработанная методика выполняет свою ключевую задачу – предлагается структурированный и прозрачный каркас для исследовательского дизайна, позволяя системно подходить к анализу социального заражения в социальных медиа. Методика не является «готовым решением», а служит основой для адаптации к конкретным исследовательским

вопросам и доступным данным, внося вклад в развитие методологического арсенала современной цифровой социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

2. *Le Bon G.* The crowd: A study of the popular mind. Criminology series. London: T. Fisher Unwin, 1903. 239 p.

3. *Тард Г.* Законы подражания / Пер. с фр. М.: Академический проект, 2011. 302 с. ISBN 978-5-8291-1329-2.

4. *Blumer H.* Collective Behavior // Principles of Sociology / ed. by R.E. Park. New York: Barnes & Noble, 1939. P. 219-288.

5. *Кравченко С. А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Издательство Астрель; Издательство АСТ; Транзиткнига, 2004. 511 с. ISBN 5-17-024321-9.

6. *Liou H., Lee H.* Social contagion and associative diffusion in multilayer network // arXiv (Cornell University). 2020. DOI: 10.48550/arxiv.2011.07746.

7. *Woo J., Kang S. W., Kim H. K., Park J.* Contagion of cheating behaviors in online social networks // IEEE Access. 2018, vol. 6. P. 29098–29108. DOI: 10.1109/access.2018.2834220.

8. *Sprague D. A., House T.* (2017). Evidence for complex contagion models of social contagion from observational data // PLoS ONE, vol. 12, № 7, e0180802. DOI: 10.1371/journal.pone.0180802.

9. *Chiba-Okabe H., Plotkin J. B.* Social learning with complex contagion // arXiv (Cornell University). 2024. DOI: 10.48550/arxiv.2406.14922.

10. *Andres E., Ódor G., Iacopini I., Karsai M.* Distinguishing mechanisms of social contagion from local network view // arXiv (Cornell University). 2024.

11. *Blanco G., Lourenço A.* A multilayered graph-based framework to explore behavioural phenomena in social media conversations // International Journal of Medical Informatics. 2023, vol. 179, 105236. DOI: 10.1016/j.ijmedinf.2023.105236.

12. *Bosse T., Hoogendoorn M., Klein M. C. A., Treur J., Van Der Wal C. N., Van Wissen A*. Modelling collective decision making in groups and crowds: Integrating social contagion and interacting emotions, beliefs and intentions // Autonomous Agents and Multi-Agent Systems. 2012, vol. 27, № 1. P. 52–84. DOI: 10.1007/s10458-012-9201-1.

13. *Kozitsin I. V.* A general framework to link theory and empirics in opinion formation models // Scientific Reports. 2022, vol. 12, № 1, 5543. DOI: 10.1038/s41598-022-09468-3.

14. *Friedkin N. E.* Choice shift and group polarization // American sociological review. 1999, vol. 64, № 6. P. 856–875.

15. *Bartal A., Pliskin N., Tsur O.* Local/ Global contagion of viral/non-viral information: Analysis of contagion spread in online social networks // PLoS ONE. 2020, vol. 15, № 4, e0230811. DOI: 10.1371/journal.pone.0230811.

16. *Hatfield E., Cacioppo J. T., Rapson R. L.* Emotional contagion // Current Directions in Psychological Science. 1993, vol. 2, № 3. P. 96–100. DOI: 10.1111/1467-8721.ep10770953.

17. *Marx A. K. G., Frenzel A. C., Fiedler D., Reck C.* Susceptibility to positive versus negative emotional contagion: First evidence on their distinction using a balanced self-report measure // PLoS ONE. 2024, vol. 19, № 5, e0302890. DOI: 10.1371/journal.pone.0302890.

18. *Goldenberg A. Gross J.* Digital Emotion Contagion // OSF. 2019. DOI: 10.31219/osf.io/53bdu.

19. *Mittal T. Mathur P. Chandra R. Bhatt A. Gupta V. Mukherjee D. Bera A. Manocha D.* Preprint. Estimating Emotion Contagion on Social Media via Localized Diffusion in Dynamic Graphs // arXiv (Cornell University). 2022. DOI: 10.48550/arXiv.2207.07165.

20. *Wilson T. D., Gilbert D. T.* Explaining Away: A model of affective adaptation // Perspectives on Psychological Science. 2008, vol. 3, № 5. P. 370–386. DOI: 10.1111/j.1745-6924.2008.00085.x.

21. *Crockett M. J.* Moral outrage in the digital age // Nature Human Behaviour. 2017, vol. 1. P. 769–771. DOI: 10.1038/s41562-017-0213-3.

22. *Cummings J. N., Butler B., Kraut R. E.* The quality of online social relationships // Communications of the ACM. 2002, vol. 45, № 7. P. 103–108. DOI: 10.1145/514236.514242.

23. *Schiffrin H., Edelman A., Falkenstern M., Stewart C.* The associations among computer-mediated communication, relationships, and well-being // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2010, vol. 13, № 3. P. 299–306. DOI: 10.1089/cyber.2009.0173.

24. *Christakis N. A., Fowler J. H.* Social contagion theory: examining dynamic social networks and human behavior // Statistics in Medicine. 2013, vol. 32, № 4. P. 556–577. DOI: 10.1002/sim.5408.

25. *Granovetter M. S.* The Strength of Weak Ties // The American Journal of Sociology. 1973, vol. 78, № 6. P. 1360–1380.

26. *Kiogothe M. W.* Factors influencing adoption of mobile banking in Kenya: a case of commercial banks' customers in Nairobi County. Nairobi: Strathmore University, 2018. 73 p.

27. *Chaouali W., El Hedhli K.* Toward a contagion-based model of mobile banking adoption // International Journal of Bank Marketing. 2018, vol. 37, № 1. P. 69–96. DOI: 10.1108/IJBM-05-2017-0096.

28. *Schlaile M. P., Knausberg T., Mueller M., Zeman J.* Viral ice buckets: A memetic perspective on the ALS Ice Bucket Challenge's diffusion // Cognitive Systems Research. 2018, vol. 52. P. 947–969. DOI: 10.1016/j.cogsys.2018.09.012.

29. *Chu M., Song W., Zhao Z., Chen T., Chiang Y.* Emotional contagion on social media and the simulation of intervention strategies after a disaster event: a modeling study // Humanities and Social Sciences Communications. 2024, vol. 11, № 1. P. 1-15. DOI: 10.1057/s41599-024-03397-4.

30. *Thomas H. F.* Modeling contagion in policy systems // Cognitive Systems Research. 2017, vol. 44. P. 74–88. DOI: 10.1016/j.cogsys.2017.03.003.

31. *Ugander J., Backstrom L., Marlow C., Kleinberg J.* Structural diversity in social contagion // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2012, vol. 109, № 16. 5962-5966. DOI: 10.1073/pnas.1116502109.

32. *Rabb N., Cowen L., De Ruiter J. P.* (2023). Investigating the effect of selective exposure, audience fragmentation, and echo-chambers on polarization in dynamic media ecosystems // Applied Network Science. 2023, vol. 8, № 1. DOI: 10.1007/s41109-023-00601-3.

33. *Kobayashi T.* Social contagion induced by uncertain information // Physical Review E. 2023, vol. 107, № 6. DOI: 10.1103/physreve.107.064301.

34. *Liang H.* Decreasing social contagion effects in diffusion cascades: Modeling message spreading on social media // Telematics and Informatics. 2021, vol. 62, № 6. 101623. DOI: 10.1016/j.tele.2021.101623.

35. *Davis C. A., Heiman J. R., Menczer F.* A role for Network Science in Social Norms intervention // Procedia Computer Science. 2015, vol. 51. P. 2217–2226. DOI: 10.1016/j.procs.2015.05.499.

36. *Chang H. H., Fu F.* Co-contagion diffusion on multilayer networks // Applied Network Science. 2019, vol. 4, № 1. DOI: 10.1007/s41109-019-0176-6.

37. *Ren J., Yang Q., Zhu Y., Zhu X., Tian H., Wang W., Cai S.* Complex social contagions on weighted networks considering adoption threshold heterogeneity // IEEE Access. 2020, vol. 8. P. 61905–61914. DOI: 10.1109/access.2020.2984615.

38. *Caliò A., Tagarelli A.* Complex influence propagation based on trust-aware dynamic linear threshold models // Applied Network Science. 2019, vol. 4, № 1. DOI: 10.1007/s41109-019-0124-5.

39. *Ковалев С. В., Рюмин Н. Н., Ковалева О. А., Сидляр М. Ю., Хромова Т. А.* Мультиагентное моделирование распространения эпидемий // Вестник Технологического университета. 2021, т. 24, № 1. С. 91-97. EDN: ZKILDU.

40. *Nie Y., Zhong X., Wu T., Liu Y., Lin T., Wang W.* Effects of network temporality on coevolution spread epidemics in higher-order network // Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences. 2022, vol. 34, № 6. P. 2871–2882. DOI: 10.1016/j.jksuci.2022.04.004.

41. *Pechlivanoglou T., Li J., Sun J., Heidari F., Papagelis M.* Epidemic spreading in trajectory networks // Big Data Research. 2022, vol. 27, 100275. DOI: 10.1016/j.bdr.2021.100275.

42. *Zhang L., Chen Y., Wei Y., Leng J., Kong C., Hu P.* Kick cat effect: Social context shapes the form and extent of emotional contagion // Behavioral Sciences. 2023, vol. 13, № 7, 531. DOI: 10.3390/bs13070531.

43. *Wang D., Liu C., Chen W.* The role of self-representation in emotional contagion // Frontiers in Human Neuroscience. 2024, vol. 18. DOI: 10.3389/fnhum.2024.1361368.

44. *Kane A. A., Van Swol L. M., Sarmiento-Lawrence I. G.* Emotional contagion in online groups as a function of valence and status // Computers in Human Behavior. 2023, vol. 139, № 3, 107543. DOI: 10.1016/j.chb.2022.107543.

45. *Blanco G., Lourenço A.* A multilayered graph-based framework to explore behavioural phenomena in social media conversations // International Journal of Medical Informatics. 2023, vol. 179, 105236. DOI: 10.1016/j.ijmedinf.2023.105236.

46. *De Kemmeter J., Gallo L., Boncoraglio F., Latora V., Carletti T.* Complex contagion in social systems with distrust // Advances in Complex Systems. 2024, vol. 27, № 04n05. DOI: 10.1142/s0219525924400010.

47. *Deldoost M., Khosrowabadi R., Kamiński M.* Exploring the neuropsychological basis of behavioral contagion during learning about another agent's social preferences: Evidence from an ERP study // Acta Neurobiologiae Experimentalis. 2024, vol. 84, № 2. DOI: 10.55782/ane-2024-2500.

48. *Newman M. E. J.* Modularity and Community Structure in Networks // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2006, vol. 103, № 23. P. 8577-8582. DOI: 10.1073/pnas.0601602103.

49. *Blondel V. D., Guillaume J.-L., Lambiotte R., Lefebvre E.* Fast unfolding of communities in large networks // Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment. 2008, № 10. DOI: 10.1088/1742-5468/2008/10/P10008.

50. *Lin X., Huang H., Li Z., Jin H.* Media power measuring via emotional contagion // Journal of Social Computing. 2024, vol. 5, № 1. P. 15–35. DOI: 10.23919/jsc.2024.0004.

Сведения об авторах

Карпова Анна Юрьевна
Доктор социологических наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет
AuthorID: 507861
SPIN-код: 9274-2660
Researcher ID: R-4472-2016
Scopus ID: 57195979782

Савельев Алексей Олегович
Кандидат технических наук, доцент отделения информационных технологий Инженерной Школы информационных технологий и робототехники, Национальный исследовательский Томский политехнический университет
AuthorID: 753578
SPIN-код: 7576-7564
Researcher ID: E-9905-2017
Scopus ID: 57221834098

Статья поступила в редакцию: 10.02.2026 г.
Статья принята к публикации: 09.06.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.2

FROM DIGITAL FOOTPRINTS TO METRICS: A METHODOLOGY FOR DETECTING SOCIAL CONTAGION IN SOCIAL MEDIA

Karpova Anna Yu.
National Research Tomsk Polytechnic University (National Research Tomsk Polytechnic University), Tomsk, Russia
belts@tpu.ru
ORCID: 0000-0001-7854-1438

Savelev Alexey O.
National Research Tomsk Polytechnic University (National Research Tomsk Polytechnic University), Tomsk, Russia
sava@tpu.ru
ORCID: 0000-0002-7466-6142

For citation: Karpova A.Yu., Savelev A.O. From Digital Footprints to Metrics: A Methodology for Detecting Social Contagion in Social Media. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 2(63), p. 41-90. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.2.

Abstract. The active development of computer-mediated communication is transforming the classical mechanisms of social contagion, giving them a massive and viral character. At the same time, a methodological gap persists between the theoretical understanding of the phenomenon and the possibilities of its empirical study based on «digital traces»—social media data. The purpose of this article is to develop and substantiate a methodology for the comprehensive detection of two key forms of social contagion: thematic and emotional. The methodological construct offers two adaptive scenarios for analysis depending on the availability of data on the network structure of interactions: using threshold models on a constructed graph, or using epidemiological models via the classification of users into 'susceptible' (S) and 'infected' (I) categories with subsequent modeling of contagion dynamics (SI/SIR schemes). The key contribution of the work lies

in the detailed operationalization of contagion attributes. For the thematic component, metrics of thematic, contextual, and narrative similarity are proposed; for the emotional component, a toolkit based on pre-trained neural network models for emotion classification in text is presented. The article discusses the boundaries of the methodology's applicability, related to the fragmentary nature of digital traces and the problems of equifinality and multifinality, and outlines prospects for its development through integration with qualitative methods. The result is a universal framework for research design that contributes to the methodological apparatus of digital sociology and enables a transition from conceptual models to verifiable analysis of the diffusion of meanings and emotions in online environments.

Keywords: social contagion, digital traces, social media, thematic contagion, emotional contagion, operationalization, computational methods, network analysis

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 25-28-01153).

References

1. Durkheim E. *Suicide: A Sociological Study* (transl., in Russian), ed. by V.A. Bazarov. Moscow: Mysl', 1994. 399 p.
2. Le Bon G. *The Crowd: A Study of the Popular Mind*. London: T. Fisher Unwin, 1903. 239 p.
3. Tarde G. *The Laws of Imitation* (transl., in Russian). Moscow: Akademicheskii Proekt, 2011. 302 p. ISBN 978-5-8291-1329-2.
4. Blumer H. "Collective Behavior", in: *Principles of Sociology*, ed. by R.E. Park. New York: Barnes & Noble, 1939, p. 219–288.
5. Kravchenko S.A. *Sociology: Paradigms through the Lens of Sociological Imagination* (in Russian). Moscow: Astrel'; AST; Tranzitkniga, 2004. 511 p. ISBN 5-17-024321-9.
6. Liou H., Lee H. *Social contagion and associative diffusion in multilayer network, arXiv (Cornell University),* 2020. DOI: 10.48550/arxiv.2011.07746.
7. Woo J., Kang S.W., Kim H.K., Park J. *Contagion of cheating behaviors in online social networks, IEEE Access*, 2018, vol. 6, p. 29098–29108. DOI: 10.1109/access.2018.2834220.

8. Sprague D.A., House T. *Evidence for complex contagion models of social contagion from observational data, PLoS ONE*, 2017, vol. 12, no. 7, art. no. e0180802. DOI: 10.1371/journal.pone.0180802.
9. Chiba-Okabe H., Plotkin J.B. *Social learning with complex contagion, arXiv (Cornell University),* 2024. DOI: 10.48550/arxiv.2406.14922.
10. Andres E., Ódor G., Iacopini I., Karsai M. *Distinguishing mechanisms of social contagion from local network view, arXiv (Cornell University),* 2024.
11. Blanco G., Lourenço A.*A multilayered graph-based framework to explore behavioural phenomena in social media conversations, International Journal of Medical Informatics*, 2023, vol. 179, art. no. 105236. DOI: 10.1016/j.ijmedinf.2023.105236.
12. Bosse T., Hoogendoorn M., Klein M.C.A., Treur J., Van Der Wal C.N., Van Wissen A. *Modelling collective decision making in groups and crowds: Integrating social contagion and interacting emotions, beliefs and intentions, Autonomous Agents and Multi-Agent Systems*, 2012, vol. 27, no. 1, p. 52–84. DOI: 10.1007/s10458-012-9201-1.
13. Kozitsin I.V. A general framework to link theory and empirics in opinion formation models, *Scientific Reports*, 2022, vol. 12, no. 1, 5543. DOI: 10.1038/s41598-022-09468-3.
14. Friedkin N.E. Choice shift and group polarization, *American sociological review*, 1999, vol. 64, no. 6, p. 856–875.
15. Bartal A., Pliskin N., Tsur O. *Local/Global contagion of viral/non-viral information: Analysis of contagion spread in online social networks, PLoS ONE*, 2020, vol. 15, no. 4, art. no. e0230811. DOI: 10.1371/journal.pone.0230811.
16. Hatfield E., Cacioppo J.T., Rapson R.L*. Emotional contagion, Current Directions in Psychological Science*, 1993, vol. 2, no. 3, p. 96–100. DOI: 10.1111/1467-8721.ep10770953.
17. Marx A.K.G., Frenzel A.C., Fiedler D., Reck C. *Susceptibility to positive versus negative emotional contagion: First evidence on their distinction using a balanced self-report measure, PLoS ONE*, 2024, vol. 19, no. 5, art. no. e0302890. DOI: 10.1371/journal.pone.0302890.
18. Goldenberg A., Gross J.J. *Digital Emotion Contagion, OSF,* 2019. DOI: 10.31219/osf.io/53bdu.
19. Mittal T., Mathur P., Chandra R., Bhatt A., Gupta V., Mukherjee D., Bera A., Manocha D. *Estimating Emotion Contagion on Social Media*

via Localized Diffusion in Dynamic Graphs, arXiv (Cornell University), 2022. DOI: 10.48550/arXiv.2207.07165.
20. Wilson T.D., Gilbert D.T. *Explaining Away: A model of affective adaptation, Perspectives on Psychological Science*, 2008, vol. 3, no. 5, p. 370–386. DOI: 10.1111/j.1745-6924.2008.00085.x.
21. Crockett M.J. *Moral outrage in the digital age, Nature Human Behaviour*, 2017, vol. 1, p. 769–771. DOI: 10.1038/s41562-017-0213-3.
22. Cummings J.N., Butler B., Kraut R.E. *The quality of online social relationships, Communications of the ACM*, 2002, vol. 45, no. 7, p. 103–108. DOI: 10.1145/514236.514242.
23. Schiffrin H., Edelman A., Falkenstern M., Stewart C. *The associations among computer-mediated communication, relationships, and well-being, Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2010, vol. 13, no. 3, p. 299–306. DOI: 10.1089/cyber.2009.0173.
24. Christakis N.A., Fowler J.H. Social contagion theory: examining dynamic social networks and human behavior, *Statistics in Medicine*, 2013, vol. 32, no. 4, p. 556–577. DOI: 10.1002/sim.5408.
25. Granovetter M.S. *The Strength of Weak Ties, The American Journal of Sociology*, 1973, vol. 78, no. 6, p. 1360–1380.
26. Kiogothe M.W. *Factors influencing adoption of mobile banking in Kenya: a case of commercial banks' customers in Nairobi County*. Nairobi: Strathmore University, 2018. 73 p.
27. Chaouali W., El Hedhli K. *Toward a contagion-based model of mobile banking adoption, International Journal of Bank Marketing*, 2018, vol. 37, no. 1, p. 69–96. DOI: 10.1108/IJBM-05-2017-0096.
28. Schlaile M.P., Knausberg T., Mueller M., Zeman J. *Viral ice buckets: A memetic perspective on the ALS Ice Bucket Challenge's diffusion, Cognitive Systems Research*, 2018, vol. 52, p. 947–969. DOI: 10.1016/j.cogsys.2018.09.012.
29. Chu M., Song W., Zhao Z., Chen T., Chiang Y. *Emotional contagion on social media and the simulation of intervention strategies after a disaster event: a modeling study, Humanities and Social Sciences Communications*, 2024, vol. 11, no. 1, p. 1-15. DOI: 10.1057/s41599-024-03397-4.
30. Thomas H.F. *Modeling contagion in policy systems, Cognitive Systems Research*, 2017, vol. 44, p. 74–88. DOI: 10.1016/j.cogsys.2017.03.003.

31. Ugander J., Backstrom L., Marlow C., Kleinberg J. *Structural diversity in social contagion, Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2012, vol. 109, no. 16, p. 5962–5966. DOI: 10.1073/pnas.1116502109.
32. Rabb N., Cowen L., De Ruiter J.P. *Investigating the effect of selective exposure, audience fragmentation, and echo-chambers on polarization in dynamic media ecosystems, Applied Network Science*, 2023, vol. 8, no. 1. DOI: 10.1007/s41109-023-00601-3.
33. Kobayashi T. *Social contagion induced by uncertain information, Physical Review E*, 2023, vol. 107, no. 6. DOI: 10.1103/physreve.107.064301.
34. Liang H. *Decreasing social contagion effects in diffusion cascades: Modeling message spreading on social media, Telematics and Informatics*, 2021, vol. 62, no. 6, art. no. 101623. DOI: 10.1016/j.tele.2021.101623.
35. Davis C.A., Heiman J.R., Menczer F. *A role for Network Science in Social Norms intervention, Procedia Computer Science*, 2015, vol. 51, p. 2217–2226. DOI: 10.1016/j.procs.2015.05.499.
36. Chang H.H., Fu F. *Co-contagion diffusion on multilayer networks, Applied Network Science*, 2019, vol. 4, no. 1. DOI: 10.1007/s41109-019-0176-6.
37. Ren J., Yang Q., Zhu Y., Zhu X., Tian H., Wang W., Cai S. *Complex social contagions on weighted networks considering adoption threshold heterogeneity, IEEE Access*, 2020, vol. 8, p. 61905–61914. DOI: 10.1109/access.2020.2984615.
38. Calio A., Tagarelli A. *Complex influence propagation based on trust-aware dynamic linear threshold models, Applied Network Science*, 2019, vol. 4, no. 1. DOI: 10.1007/s41109-019-0124-5.
39. Kovalev S.V., Ryumin N.N., Kovaleva O.A., Sidlyar M.Yu., Khromova T.A. *Multi-agent modeling of epidemic spread* (in Russian), *Bulletin of the Technological University*, 2021, vol. 24, no. 1, p. 91–97.
40. Nie Y., Zhong X., Wu T., Liu Y., Lin T., Wang W. *Effects of network temporality on coevolution spread epidemics in higher-order network, Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 2022, vol. 34, no. 6, p. 2871–2882. DOI: 10.1016/j.jksuci.2022.04.004.
41. Pechlivanoglou T., Li J., Sun J., Heidari F., Papagelis M. *Epidemic spreading in trajectory networks*, *Big Data Research*, 2022, vol. 27, art. no. 100275. DOI: 10.1016/j.bdr.2021.100275.

42. Zhang L., Chen Y., Wei Y., Leng J., Kong C., Hu P. Kick cat effect: Social context shapes the form and extent of emotional contagion, *Behavioral Sciences*, 2023, vol. 13, no. 7, 531. DOI: 10.3390/bs13070531.
43. Wang D., Liu C., Chen W. The role of self-representation in emotional contagion, *Frontiers in Human Neuroscience*, 2024, vol. 18. DOI: 10.3389/fnhum.2024.1361368.
44. Kane A.A., Van Swol L.M., Sarmiento-Lawrence I.G. Emotional contagion in online groups as a function of valence and status, *Computers in Human Behavior*, 2023, vol. 139, no. 3, art. no. 107543. DOI: 10.1016/j.chb.2022.107543.
45. Blanco G., Lourenço A. A multilayered graph-based framework to explore behavioural phenomena in social media conversations, *International Journal of Medical Informatics*, 2023, vol. 179, art. no. 105236. DOI: 10.1016/j.ijmedinf.2023.105236.
46. De Kemmeter J., Gallo L., Boncoraglio F., Latora V., Carletti T. Complex contagion in social systems with distrust, *Advances in Complex Systems*, 2024, vol. 27, no. 04n05. DOI: 10.1142/s0219525924400010.
47. Deldoost M., Khosrowabadi R., Kamiński M. Exploring the neuropsychological basis of behavioral contagion during learning about another agent's social preferences: Evidence from an ERP study, *Acta Neurobiologiae Experimentalis*, 2024, vol. 84, no. 2. DOI: 10.55782/ane-2024-2500.
48. Newman M.E.J. Modularity and Community Structure in Networks, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2006, vol. 103, no. 23, p. 8577-8582. DOI: 10.1073/pnas.0601602103.
49. Blondel V.D., Guillaume J.-L., Lambiotte R., Lefebvre E. Fast unfolding of communities in large networks, *Journal of Statistical Mechanics: Theory and Experiment*, 2008, no. 10. DOI: 10.1088/1742-5468/2008/10/P10008.
50. Lin X., Huang H., Li Z., Jin H. *Media power measuring via emotional contagion, Journal of Social Computing*, 2024, vol. 5, no. 1, p. 15–35. DOI: 10.23919/jsc.2024.0004.

Information about the authors

Anna Yu. Karpova
Doctor of Social Sciences, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, School of Social Sciences, National Research Tomsk Polytechnic University (National Research Tomsk Polytechnic University)
AuthorID: 507861
SPIN-code: 9274-2660
Researcher ID: R-4472-2016
Scopus ID: 57195979782

Alexey O. Savelev
PhD, Associate Professor, Department of Information Technology, School of Information Technology and Robotics, National Research Tomsk Polytechnic University (National Research Tomsk Polytechnic University)
AuthorID: 753578
SPIN-code: 7576-7564
Researcher ID: E-9905-2017
Scopus ID: 57221834098

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.3
EDN: ECAZHI

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ… СЕМЬЕ? ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ *ОБОСНОВАННОЙ ТЕОРИИ*

Бесчасная Альбина Ахметовна
Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия
Эл. почта: beschasnaya-aa@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-9432-043X

Фишева Анастасия Александровна
Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия
Эл. почта: fisheva-aa@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-1432-0828

Щербакова Дарья Васильевна
Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия.
Эл. почта: shcherbakova-dv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0003-0422-3968

Для цитирования: Бесчасная А. А., Фишева А. А., Щербакова Д. В. Быть или не быть… семье? Опыт построения обоснованной теории // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 2(63). С. 91-130. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.3. EDN: ECAZHI

Целью исследования и написания статьи было определение факторов влияющих на формирование и реализацию намерений молодежи в отношении создания семьи и рождения детей, и формирующих противоречие между позитивными установками на семью и детность, фиксируемыми опросами, и негативными статистическими трендами брачности и рождаемости в России. Дизайн исследования состоял из проведения фокус-групп среди студентов вузов Санкт-Петербурга и дальнейшем построении *обоснованной теории (grounded theory)* на основе анализа их речевых высказываний. Данный качественный подход позволил реконструировать логику и смыслы, стоящие за декларациями молодых людей, и выявить связи между установками, контекстом и потенциальными действиями. Анализ высказываний молодых респондентов выявил устойчивую ценность семьи и двух-трехдетной модели в сознании молодежи. Семья конструируется молодежью как пространство эмоциональной близости, поддержки и ключевой проект самореализации. Однако их намерения не воплощаются в немедленные действия из-за комплекса взаимосвязанных условий. Ключевыми каузальными условиями реализации планов, с точки зрения респондентов, выступают не только достижение материальной и жилищной стабильности, но, в первую очередь, личностная готовность и нахождение «идеального» партнера, соответствующего высоким требованиям к ответственности, надежности и психологической зрелости. Государственная поддержка воспринимается как необходимая, но неосновная; акцент делается на личных усилиях и партнерской модели отношений.

Ключевые слова: семья, рождение детей, молодежь, репродуктивный мотив, фокус-группа, осевое кодирование, обоснованная теория.

Благодарности: авторы статьи выражают признательность коллегам – Л. Блинову, Ю.А. Тюриной, Т.А. Флягиной за содействие в проведении фокус-групп в образовательных учреждениях, а также всем участникам фокус-групп за проявленные искренность и доверие. Отдельно авторы статьи благодарят В.С. Незнанову за проведение трех (из восьми) фокус-групп.

Введение

В течение последних десятилетий ученые и политики российского и мирового уровня выражают озабоченность снижением рождаемости, сокращением численности населения и его «старением». Помимо очевидной депопуляции, последствия данных тенденций могут привести к ослаблению экономики и угрожать безопасности государств. Повышение стандартов и качества жизни населения, ориентированность государственной социальной политики на заботу об иждивенцах приводит к усилению трудовой и налоговой нагрузки на трудоспособное население. Поэтому рост его численности – это не только демографический показатель, но и условие экономического роста.

После утверждения Указом Президента РФ «Основных направлений семейной политики» (1996 г.) следующим эпохальным документом стал Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (2006 г.), предусматривающий выплаты «материнского капитала». В 2014 г. началась реализация «Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года», к окончанию срока действия которой была принята «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». Вектор развития государственной семейной политики в России показывает, что фокус работы с семьями расширился от материальных аспектов к морально-нравственным, от оказания инструментальной помощи в выполнении функций к формированию основ брачно-семейных отношений, супружества и родительства, а институт семьи и брака в последнем политическом документе рассматривается в контексте решения демографических проблем.

Несмотря на пристальное внимание государственной власти к положению семьи в России, оказание ей существенной матери-

альной помощи не отразилось на стабилизации демографических показателей. Статистика последних лет является неутешительной и свидетельствует об устойчивой тенденции к сокращению количества заключаемых браков при одновременном росте числа разводов, что в 2024 г. привело к соотношению – на 10 заключенных браков приходится 8 разводов [1; 2]. Негативная статистика бракоразводных процессов закономерно отразилась на ухудшении показателей рождаемости. В 2021 г. родилось 1,4 млн малышей, в 2022 г. – 1,3 млн, а в 2023 г. на свет появилось уже 1,26 млн младенцев [3]. В первые 6 месяцев 2024 г. в России родилось 599,6 тысяч младенцев, что на 16,6 тысяч меньше, чем за тот же период 2023 г. Статистика по смертности населения делает демографическую ситуацию еще более тревожной.

Однако, несмотря на эту негативную статистику, опросы ВЦИОМ свидетельствуют, что в 2024 г. россиян, как и в прежние годы, больше привлекает создание семьи, нежели одиночество (84% vs. 8%). У большинства опрошенных сохраняется ориентация на двух (38%) и трехдетную (39%) семью – именно такое количество детей должно быть в семье, по мнению наших сограждан. Десять лет назад в 2014 г. мнение о детности было иным – в большей степени россияне ориентировались на рождение двоих детей (53%) и реже на трех (28%). Также с 2014 г. заметно сократилась и доля тех, кто считает достаточным рождение одного ребенка (2014 г. – 10%, 2024 г. – 3%). Можно сделать вывод, что в последнее десятилетие в общественном сознании россиян наблюдается сдвиг в сторону ориентации на многодетность. В 2014 г. представление о семье с тремя и более детьми как о желательной норме было у 34% опрошенных, а в 2024 г. – у 48%. Но модель многодетной семьи в большей степени одобряется россиянами среднего и старшего возраста (54-61%). Среди представителей поколений «зумеров» и «миллениалов» таких 41-42%. При этом число сторонников традиционного зарегистрированного брака увеличивается по мере взросления [4; 5].

При возрастающем положительном отношении к семье именно молодое поколение проявляет инертность в принятии решений по ее созданию и рождению детей. Зачастую реализация таких решений откладывается на неопределенный срок.

В связи с наблюдаемым противоречием между результатами опросов населения и негативными статистическими данными, характеризующими брачно-семейное положение и рождаемость в российском обществе, возникает необходимость поиска причин, создающих разрыв между общественным мнением и фактическим положением дел. Наблюдаемый дисбаланс указывает на наличие препятствий к созданию семьи и рождению детей особенно в молодом возрасте. Поэтому основной целью исследования стал поиск факторов, влияющих на отношения молодежи к семье, на формирование у молодых людей намерения создать семью и завести детей или не делать этого.

Теоретические основы изучения отношения молодежи к созданию семьи и рождению детей

Теоретико-методологической основой предпринятого исследования явилась феноменология Э. Гуссерля и А. Щюца, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, концепции современного общества З. Баумана, Э. Гидденса.

Социальное действие индивида – центральный концепт понимающей социологии М. Вебера. Встраивание социальных действий в социальную реальность и социальные отношения формирует социальный опыт и жизненный мир человека. Согласно А. Щюцу, опыт человека в мире есть часть его опыта жизни в мире совместно с другими людьми, из чего складывается повседневность. Приобретение человеком социального опыта сопровождается переживаниями и выработкой отношения к соответствующим ситуациям. Это является исходным пунктом в «конструировании мира сознанием и конструировании чело-

веком своего мира» [6, с. 78]. Конструирование мира индивидом проявляется в упорядочивании окружающего и отношения к нему, в формировании определенных ожиданий от него, опережающих социальные действия. А. Щюц данные ожидания называет проектом социального действия. Следовательно, сознание связывает опыт прошлого с поступком, который должен осуществиться в будущем на основе этого опыта [6, с. 79].

Как отмечали П. Бергер и Н. Луман, со временем то, что было создано человеком в его субъективном мире, переходит в мир объективный, а отношения приобретают институциональный характер [7, с. 42]. Внешним выражением этого процесса является социализация. Если в рамках первичной социализации у индивида выкристаллизовывается свой личный жизненный мир, то в рамках вторичной социализации он сталкивается с «подмирами» других членов социума и «интернализует» их в свой «жизненный мир». Таким образом, человек встраивается в систему социальных отношений и крупинками своих действий трансформирует их.

Обстоятельства жизни и социализации человека в современном мире описаны З. Бауманом и Э. Гидденсом [8; 9]. Первый характеризует современное общество как индивидуализированное и неопределенное, для него характерны: «утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов; возрастающая в связи с этим неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом неконтролируемых ею перемен; возникающее в таких условиях стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов» [8, с. XIII]. Эти обстоятельства вызывают у человека стремление к независимости от объективных обстоятельств и отказу от достижения долгосрочных целей и задач. Для общества это чревато потерей устойчивости и разрушением подчинения индивида общим интересам. По мнению Э. Гидденса, ускорение процессов и событий на индивидуаль-

ном и социальном уровне создает у человека мироощущение «ускользания», потери и обесценивания сущностных компонентов социальной жизни – отношений с другими людьми, семьи, свободы, духовно-нравственных ценностей. Стабилизация «ускоряющегося мира» возможна с помощью традиций, которые предоставляют индивиду определенные ценностные ориентиры и план жизни [9, с. 59, 61].

Представленный теоретический фундамент позволяет утверждать, что решение о создании семьи и рождении детей в современном обществе является не автоматическим следованием норме, а результатом сложного процесса индивидуального конструирования смысла семейственности и родительства, сознательным «проектом социального действия» (А. Щюц), который индивид разрабатывает, опираясь на прошлый опыт и ожидания от будущего в условиях нарастающей неопределенности, утраты четких ориентиров и давления краткосрочных целей (З. Бауман, Э. Гидденс), заставляющего человека ценить мобильность и независимость, а долгосрочные обязательства в виде родительства воспринимать как серьезный риск.

Парадоксально, но именно это «давление краткосрочных целей» в результате делает семью особенно ценной. В «ускоряющемся мире» она может быть сознательно сконструирована как убежище – источник стабильности, интимности и базовых смыслов. Таким образом, решение завести ребенка становится экзистенциальным выбором, актом сопротивления фрагментации жизни.

Следовательно, успех в планирование семьи сегодня требует от молодых людей не только оценки своих материальных ресурсов, но и умения рефлексировать, договариваться с партнером и эмоциональной зрелости для сознательного создания и поддержания устойчивого «жизненного мира» для себя и будущего ребенка.

Эмпирический опыт изучения отношения молодежи к созданию семьи: разнообразие методов

В настоящее время накоплен богатый опыт научных исследований по вопросу отношения молодежи к семье и деторождению, в том числе с использованием разнообразных социологических методов.

В исследовании А.О. Тындыка на основе опроса фиксируется несоответствие между декларируемыми установками на желаемое число детей и их практической реализацией. Применение количественных методов и кросс-анализа позволяет показать, как внутренние ценности сталкиваются с внешними социально-экономическими ограничениями [10]. С помощью метода семантического дифференциала А.И. Антонов и В.М. Карпова установили, что интерес к многодетности снижается, а рождение детей воспринимается как важная, но не обязательная часть семейных ценностей. Молодежь сохраняет приверженность к разнообразию в моделях семьи, связывая семейность с будущей стабильностью, но откладывает практическую реализацию этих планов [11]. На основе методики выбора противоположных ценностных утверждений О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова выявили вариативность установок на брак и ответственное родительство в зависимости от личного опыта подростков [12]. Однако наряду с этим обнаружены прагматизм и осторожность при принятии решений о деторождении. И.Б. Назарова и М.П. Зеленская, используя метод виньеток, отмечают, что студенческая молодежь ориентирована на создание семьи и рождение детей, но чаще откладывает эти шаги до завершения образования и достижения профессиональной устойчивости. При этом значимой остается помощь родственников, способствующая принятию решения о рождении ребенка [13].

В целом, анализ отечественной литературы демонстрирует: установки молодежи относительно семьи и деторождения неоднородны и зависят от сочетания экономической стабильности, культурных норм и личных жизненных приоритетов, а использование разнообразного инструментария позволяет находить полярные мнения о семье как части своей будущей жизни.

В зарубежных исследованиях также подчеркивается сложная динамика установок молодежи в отношении брака и деторождения. Так, исследование на основе описательных и сравнительных методов анализа J. Yu показало, что в Китае, несмотря на рост среднего возраста вступления в брак, сохраняется высокая ценность семьи и положительное отношение к рождению детей. Однако идеальная численность детей постепенно снижается, особенно среди городских жителей и более образованных слоев населения, и наблюдается рост распространенности предварительного совместного проживания. При этом политика «второго ребенка» способствовала увеличению числа вторых рождений [14]. Сравнительный анализ данных переписей и социологических опросов, проведенный M. Djundeva и др., демонстрирует, что для Китая и Европы характерны схожие тенденции – откладывание заключения брака и снижение рождаемости обусловлены ростом уровня образования, экономическими изменениями и усилением гендерного равенства в обществе. При этом в китайском контексте сохраняются следование патриархальным ценностям и толерантность к семейным компромиссам. В Европе же на первый план выходят индивидуализм и роль государства в поддержке населения [15]. Многоуровневый анализ последовательности жизненных событий (multichannel sequence analysis), проведенный Ch. Liu и H. Kulu, был посвящен изучению установок молодежи иммигрантского происхождения в Германии. Результаты показали, что этническая принадлежность и поколение миграции существенно влияют на семейные модели. Молодежь турецкого происхождения придерживается более традиционных установок

(ранний брак, высокая брачность), тогда как выходцы из Восточной Европы демонстрируют индивидуализм и либеральные практики, характерные для немецкого большинства [16].

Таким образом, зарубежные исследования подтверждают, что молодежь в разных странах продолжает ценить семью и брак, но реальные практики трансформируются под влиянием экономики, образования, урбанизации, миграции и культурных различий.

Дизайн исследования

Фактология, представленная во «Введении», показывает, что результаты исследований ВЦИОМ о положительном отношении российского населения, в том числе молодежи, к семье и детям не соответствуют результатам выкладок РОССТАТа о количестве заключенных браков и числе рожденных детей как показателях реализации намерений. Данные расхождения демонстрируют, что декларация намерений и их практическая реализация далеки друг от друга, особенно в условиях неопределенности, рисков, фрагментации социума и т.д. [17]. Кроме того, массовый опрос как количественный метод исследования дает обобщенную информацию, полученную на основе формализованной анкеты, и отвечает на вопрос «сколько?» [18, с. 86]. Но поиск причин в изменениях фамилистических намерений молодых людей надо искать в ответах на вопрос «почему?», что соответствует в социологии качественной методологии, которая опирается на анализ реального опыта индивида, имплементированного в глубинные личностные структуры и отраженного в его речи и действиях. Поэтому качественные методы в социологии способны помочь понять и снять противоречие между декларируемым мнением и реальным выбором человека в действии и, как говорят исследователи, перевести «”язык в действие”: язык, используемый что-то сделать и что-то значить, язык, созданный и истолкованный в контексте реального мира» [19, с. 32].

Обнаружение расхождений между положительным отношением к семье, к семейному образу жизни, деторождению и реальными сдержанными действиями индивидов в этих вопросах [20, с. 60], а также избыточная множественность гипотез, объясняющих отказ или откладывание создания семьи и рождения детей обусловило выбор в пользу построения *обоснованной теории*. Она позволяет сформулировать объяснение социального феномена в процессе самого исследования, не закрепощая его предварительно построенными гипотезами [18, с. 159; 21, с. 21].

Эти теоретико-методологические особенности *обоснованной теории* определили дизайн эмпирической части исследования отношения молодежи к семье, к ее созданию и рождению детей. *Обоснованная теория* в интерпретации А. Страусса и Дж. Корбин, предполагает процедуру выстраивания категориальной структуры на основе постоянного сравнительного анализа [21, с. 70]. При этом осуществленное исследование не стремилось к созданию универсальной формальной теории, а было направлено на реконструкцию логики формирования фамилистических намерений молодежи в конкретном социальном контексте, выраженных в речевых высказываниях. Речевые высказывания стали источником информации для формирования *осевого кодирования* как одного из способов формулирования *обоснованной теории*. Сочетание фокус-группы и *обоснованной теории* комплементарно дополняют друг друга и создают органичный монолит исследования, так как, во-первых, массив информации фокус-групп образуется речевыми высказываниями участников. Речевые высказывания – это вербальные акты, состоящие из слов, наделенные определенными смыслами, которые в свою очередь порождены опытом и соответствующими контекстами. В значениях слов, как отмечает А. Лурия, одновременно отражены специфичные и общие черты предметов и явлений, знание о которых приобретается человеком в результате опыта, взаимодействия с социумом [22, с. 42]. Значение слова определяется «смысловым

полем» [22, с. 50] жизни, а «понимание смысла текста протекает в определенном контексте…» [22, с. 227]. Следовательно, с одной стороны, речевое высказывание как одна из форм текста само выступает контекстом для содержащихся внутри него слов, а с другой стороны, речевое высказывание вплетено в контекст повседневных событий жизни индивида и общества, что наполняет его соответствующим смыслом и содержанием.

Во-вторых, на основании *осевого кодирования обоснованная теория* позволяет выделить значимые взаимосвязи и представить их в виде систематизированного описания. Описание происходит через компоненты *осевого кодирования*: *каузальные условия, феномен, контекст, промежуточные условия, действие (взаимодействие), следствие*, что в целом отвечает цели исследования – определить отношение молодежи к созданию семьи и рождению детей с учетом личных и общественных обстоятельств жизни. Следовательно, центральными понятиями *осевого кодирования* явились *феномены* семьи и детей со всем набором ценностей и комплексом внутрисемейных социальных ролей, благодаря исполнению которых происходит трансформация намерения (замысла) создать семью в *стратегию. Каузальные условия* предшествуют ее созданию, а *контекст и промежуточные условия* сопровождают существование и функционирование семьи. Реализация феномена возможна при определенных *промежуточных условиях,* следовании цели и осуществлении процесса *(стратегии действий/взаимодействий).* Итогом всего этого комплекса *осевого* анализа является *следствие* (создание или несоздание семьи) как результат действия намерений, которые в контексте изучаемой проблемы приобретают перспективно-вероятностный характер.

Таким образом, итогом претворения данного дизайна эмпирического исследования является формулирование *обоснованной теории*, объясняющей источники и условия реализации фамилистических намерений и репродуктивных планов представителей молодого поколения.

Параметры эмпирического исследования

С марта по май 2025 г. в учебных заведениях Санкт-Петербурга было проведено 8 фокус-групп. Характеристика фокус-групп: 2 группы – среди обучающихся СПО, 4 группы – среди студентов бакалавриата, 1 группа – среди студентов магистратуры (мужская, запись женской фокус-группы не сохранилась). В каждой параллели были поровну представлены мужские и женские группы (кроме магистрантов). Всего в групповых интервью приняли участие 23 девушки и 35 юношей, средний возраст которых 18,2 и 21,6 года соответственно. Гайд-лист состоял из 11 вопросов, которые соответствуют компонентам *осевого кодирования* (табл. 1).

Таблица 1

ЭКСПЛИКАЦИЯ *ОСЕВОГО КОДИРОВАНИЯ* В ПРОБЛЕМАТИКУ ИССЛЕДОВАНИЯ

Компонент *осевого кодирования* и его характеристика[1]	**Отражение компонента *осевого кодирования* в проблематике исследования, т.е. категория конкретного эмпирического исследования**
Каузальные условия – события/случаи, которые предшествуют возникновению *феномена*	Выявление отношения и намерений молодежи по созданию семьи и рождению детей, факторов их реализации как центральной идеи данного исследования – «быть или не быть семье?»

[1] Определения компонентов осевого кодирования построены на основе описаний, представленных в работах: [21, с. 83-89; 23, с. 355].

Продолжение табл. 1

Компонент *осевого кодирования* и его характеристика[1]	**Отражение компонента *осевого кодирования* в проблематике исследования, т.е. категория конкретного эмпирического исследования**
Феномен – центральная идея, событие, случай, в связи с которым и для управления которым предпринимается ряд действий или взаимодействий	Определение базовых представлений о семье – ее ценность, смысл, необходимость и основание для целеполагания
Контекст – определенный ряд условий, в рамках которого принимаются *стратегии действия/взаимодействия* для управления определенным *феноменом*, его реализации	Выявление условий реализации намерений молодежи по созданию семьи и рождению детей на индивидуальном и общественном уровнях. *Контекст* создания семьи в современном обществе плотно интегрирован в *промежуточные условия*, а *стратегия* создания семьи учитывает как индивидуальные обстоятельства («жизненный мир»), так и мезо-, макроуровни жизни личности.
Промежуточные условия – широкие и общие условия, влияющие на *стратегии действий/взаимодействий* (время, пространство, культура, экономический статус, карьера, личная биография)	

Окончание табл. 1

Компонент *осевого кодирования* и его характеристика[1]	**Отражение компонента *осевого кодирования* в проблематике исследования, т.е. категория конкретного эмпирического исследования**
Стратегия действия/ взаимодействия – процессуальное и целевое условие, отражающее *стратегии и тактики*, предназначенные для того, чтобы справиться с определенным условием, управлять им в определенных условиях	Создание долговременных отношений и семьи предполагает выработку модели взаимодействий, которая включает взаимные ожидания, поиск партнера, отвечающего этим ожиданиям, уверенность в способности совместно решать проблемы, а также общность ценностей и интересов, отношения к позитивным и негативным сторонам жизни
Следствия – итоги и результаты действия и взаимодействия	Значимым положительным итогом реализации намерений молодежи является рост числа семей.

Единицами анализа явились речевые высказывания, сгруппированные по половой принадлежности респондентов[2] и по тематическому принципу [20, с. 262]. На основе тематического деления вопросов была построена структура *осевого кодирования*. Отбор речевых высказываний производился по принципу их типичности или, наоборот, уникальности. Далее из этих высказываний вычленялись субкатегории *осевого кодирования*. Уникальность высказываний свидетельствовала о зарождении единичных мнений, которые могут стать основой для формирования будущих альтернативных позиций большинства.

[2] С целью соблюдения требований к объему статьи, но с обязательным сохранением смысла, в нарративах респондентов были удалены вводные слова, слова-паразиты, некоторые междометия и др. речевые формы.

Интерпретация результатов исследования

Каузальные условия. *Центральным феноменом* исследования выступает намерение молодежи *создать семью и родить детей*, а также факторы, влияющие на реализацию этого намерения. Создание семьи и рождение детей – судьбоносное жизненное решение, поэтому важно понять, насколько оно встроено в жизненные планы молодых людей и какие обстоятельства способствуют либо препятствуют его принятию. В качестве *каузальных условий* выделена категория *«планирование создания семьи»*, объединяющая личные и ситуационные факторы, от которых зависит решение вступить в брак и завести ребенка. Анализ речевых высказываний показал, что большинство юношей и девушек планируют обзавестись семьей после завершения обучения и обретения самостоятельности. Молодые мужчины чаще называли конкретный возраст (около 25–30 лет) для вступления в брак, тогда как девушки подчеркивали необходимость достижения определенных условий: окончание учебы, наличие стабильной работы и дохода, собственного жилья, а главное – *«подходящего человека»*[3]. Мнения респондентов совпали в том, что начинать семейную жизнь следует, *«когда есть на что жить и с кем жить»*. Например, одна 18-летняя участница фокус-группы подчеркнула: *«планирую состояться в жизни, построить карьеру, потому что заводить семью, когда ничего нет, – это немного неправильно»*. Ее мнению созвучны слова 18-летнего юноши: *«без финансовой составляющей планировать бессмысленно»*. Материальную и жилищную обеспеченность в качестве непременного условия для создания и существования семьи назвали все участники фокус-группы. Вместе с тем молодежь так же высоко оценила и личные качества будущего партнера: надежность, общие ценности, ментальное здоровье, взаимопо-

[3] Здесь и далее из массива речевых высказываний были отобраны выражения, отражающие ключевой смысл.

нимание и любовь. Иными словами, финансовая стабильность и личностная совместимость рассматриваются молодыми людьми на равных как база для создания семьи. Таким образом, категориальный анализ выявил, что благоприятные *каузальные условия* выражаются в субкатегориях: *стабильный достаток, жилье, образование и ответственность*, а препятствующие *каузальные условия* в субкатегориях: *неуверенность в партнере, отсутствие дохода, недоверие и другие признаки неготовности*.

Центральный феномен. Чтобы глубже раскрыть сущность семейных устремлений, необходимо понять, зачем молодые люди хотят иметь семью и детей. В представлениях респондентов семья обладает высокой ценностью, объединяя эмоциональные и социальные смыслы и отражаясь категориях *«дети»* и *«детность»*. Анализ высказываний позволил выделить два ключевых аспекта *центрального феномена*: во-первых, семья осмысляется как средство продолжения рода, передачи культурного опыта и своего рода «проект будущего», а во-вторых – как пространство любви, поддержки и взаимопонимания, необходимое для счастья человека. Молодые люди охарактеризовали семью как *«убежище от всех проблем… единое пространство с близким человеком»*, где их *«понимают и поддерживают», а* цель ее создания определили как *«не быть одиноким»* и *«почувствовать себя нужным»*. Одновременно респонденты отметили традиционную роль семьи – *«продолжение рода»*, *«развитие своего наследия»*. Таким образом, *центральный феномен* построен на семейных ценностях и включает в себя личностно-эмоциональный (любовь, забота, чувство безопасности) и социо-генетический (рождение детей, передача себя в будущее) компоненты. Примечательно, что респонденты отметили рождение ребенка как неотъемлемый смысл семьи. По их мнению, именно дети придают браку полноценность и формируют семью. Обсуждая альтернативу – добровольную бездетность, участники почти не видят в ней ценности и смысла. Они идентифицировали отсутствие детей

с одиночеством и «остановкой развития». Лишь 2-3 респондента упомянули некоторую свободу и независимость как «плюсы» от отсутствия детей, но эти выгоды меркнут на фоне убеждения, что ребенок – *«это часть тебя и любимого человека, продолжение вас, поддержка в старости»*. Таким образом, большинство молодых респондентов считает семью немыслимой без детей, а родительство – важнейшей жизненной ценностью. Категории *центрального феномена* включают представления *о семье как о любящем союзе* и одновременно как о реализации родительской роли, а субкатегории отражают такие понятия, как «*любовь», «поддержка», «общность», «продолжение рода», «ответственность», «опора» «близость».*

Контекст и промежуточные условия. Установки молодежи формируются не в вакууме – на них влияют как личный опыт, так и социальная среда. Поэтому следующим шагом стало выявление *контекста*, в котором молодые люди принимают решения о создании семьи, и *промежуточных условий*, связывающих индивидуальные планы с общественными факторами. В данной категории (условия создания семьи и рождения детей) отражены как благоприятные внешние условия, так и барьеры, с которыми сталкивается молодежь. Респонденты отметили, что современная семья во многом зависит от мер государственной поддержки: доступного образования, медицины, детских садов, жилищных программ и пособий для родителей. Многие участники положительно оценили текущую семейную политику государства, признавая, что *«государство и так сейчас хорошо помогает»* молодым семьям льготными ипотеками, выплатами и материнским капиталом. В то же время почти все назвали дополнительные желательные меры – от повышения пособий и материнского капитала до улучшения инфраструктуры для детей. Это указывает на скрытую тревожность – даже признавая помощь извне, молодые люди опасаются материальных трудностей, с которыми может столкнуться семья. Финансовая нестабиль-

ность и проблемы с жильем упоминались как главные объективные риски: *«без денег далеко не уйти – это первостепенно… работу можно потерять в любой день»*. Помимо экономики, отмечались и макросоциальные факторы – политическая и общественная нестабильность, климат неопределенности (например, страх будущего в условиях кризиса). Отдельные юноши связали нежелание спешить с семьей с нестабильной ситуацией в стране, считая, что *«когда в государстве плохо, смысла заводить детей нет»*. Однако, несмотря на влияние внешнего контекста, молодежь не снимает с себя ответственности за собственную жизнь. Так, некоторые респонденты отметили важность самостоятельности и достатка, считая, что рассчитывать нужно в первую очередь на собственные силы, а не только на поддержку со стороны родителей и государства – *«нужно самим построить фундамент жизни»*. Ключевые благоприятные *контекстуальные условия* для семьи в их представлениях – это экономическая и политическая стабильность, доступность жилья, финансовая поддержка при рождении детей, а препятствия – низкий доход, отсутствие жилья, нерешительность и недоверие между будущими родителями. При ответе на вопрос о факторах, которые мешали бы родить ребенка, большинство сосредоточилось на личных причинах: неуверенность в партнере (боязнь предательства, разводов), страх не справиться с воспитанием, психологическая неготовность. Таким образом, респонденты разграничивают общественные факторы и индивидуальные, среди которых главными помехами при создании семьи они назвали именно субъективную неготовность и отсутствие подходящего партнера, а не недостатки государственной поддержки. В этом мы видим повышение требовательности молодежи к самим себе и своему избраннику, или, другими словами, приняв помощь государства как данность, молодые люди и девушки фокусируются на том, что неурядицы в семье можно предотвратить только личными усилиями и правильным выбором спутника жизни.

Стратегии действий/взаимодействий. Понимание того, как молодежь собирается реализовывать свои семейные намерения, раскрывается через *стратегию действий* – то есть через конструирование ролевых моделей будущих супругов. Анализ речевых высказываний показал, что решающим фактором для успешного создания и сохранения семьи молодые люди считают выбор партнера и выстраивание с ним правильных отношений. Данный компонент *осевого кодирования* представлен категорией *«супруг/супруга»*, отражающей ожидаемые *качества и роли будущего мужа/жены, отца/матери*. Практически все респонденты были единодушны в том, что брак – это совместный проект двух людей, требующий распределения обязанностей и взаимной ответственности: *«для молодых создание семьи – дело ответственное»*, поэтому им важно найти такого избранника, который разделит эту ответственность на равных. Девушки описали идеального мужа как человека, способного быть опорой: *«ответственный… честный… добрый, проявляет любовь и заботу… готов нести ответственность за меня и будущих детей»*. Юноши охарактеризовали качества будущей жены: «*заботливая, понимающая, поддержка, верная»*. Характерно, что обе стороны подчеркнули: современный брак строится не на жестком разделении ролей, а на партнерстве: *«мы выбрали этот путь вместе, и вместе пройдем его»*, отвергая стереотип *«ты – жена, сиди с ребенком, а я пошел работать»*. Молодые люди описали идеальную жену как единомышленницу и друга, с которой *«у нас общие цели и развитие»*, но при этом и *заботливая мать*. В целом портрет «второй половины» в представлениях молодежи включает целый спектр черт: ответственность, честность, доброта, внимательность, умение поддержать – то есть все то, что является проявлением любви и уважения в действии. Примечательно, что наряду с нематериальными качествами (характер, интеллект, эмоциональная зрелость) респонденты не забыли про материальную обеспеченность партнера. И девушки,

и юноши хотят, чтобы спутник жизни был трудолюбивым и умел обеспечивать семью. Таким образом, *стратегия* создания семьи у современной молодежи сводится к совместному планированию жизни с надежным, любящим и разделяющим ценности партнером, с которым можно преодолеть возникающие сложности жизни. Реализация этой стратегии, по мнению участников, зависит от того, насколько ожидания относительно личных качеств супруга совпадут с реальностью. Если партнер не оправдает надежд (не будет ответственным, честным, готовым к появлению детей), то планы могут так и остаться нереализованными. Поэтому молодые люди могут откладывать свадьбу, пока не встретят «того самого» человека, соответствующего их высоким требованиям. *Стратегии действий* и взаимодействий раскрываются через категории «*супруг/супруга»* в субкатегориях «*ответственность», «честность», «надежность», «верность», «искренность», «доброта», «понимание», «поддержка», «вместе развиваться», «забота», «внимание», «любовь», «материальная обеспеченность».*

Следствия. Логичным итогом проведенного анализа отношения молодежи к созданию семьи и встраивания ее в планы своего будущего является ответ на вопрос: к чему приведут упомянутые *стратегии* молодежи, и при каких условиях намерение иметь семью будет реализовано? В терминах *осевого кодирования следствие* выражается в категориях «*создание семьи»* и *«рождение детей»*, отражающих ожидаемый результат фамилистических и репродуктивных установок. Можно сказать, что *центральный феномен* (ценность семьи и детей) при наличии благоприятных *контекста и промежуточных условий* трансформируется в конкретный план – каким представляется создание семьи и рождение желательного количества детей. Описывая образ желаемого будущего и «идеальной» семейной ситуации, большинство участников рассуждали о семье с двумя или тремя детьми. Лишь в единичных высказываниях была установка огра-

ничиться одним ребенком. В то же время семья с 4-5 детьми уже видится респондентам труднодостижимым идеалом, достижение которого возможно *«при максимально благоприятных обстоятельствах, когда жизнь прекрасна»*. Так, один из участников (35 лет) заявил: *«если все хорошо и все обеспечено, хотел бы пятерых»*, но тут же оговорился, что речь идет о гипотетических идеальных условиях. В целом же оптимальным сценарием считается семья с двумя-тремя детьми при условии наличия крепкого фундамента – *здоровье, финансовое положение, комфорт и надежный партнер*. Количество детей молодежь связала с наличием необходимых ресурсов, т.е. нужно сначала добиться *«прекрасной жизни»* (встать на ноги самому, наладить отношения с супругом) и лишь после этого можно будет реализовать идеал многодетной семьи.

Таким образом, модель формирования намерений молодежи по созданию семьи и рождению детей и их реализации, полученная в ходе осевого кодирования, раскрывается следующим образом:

- *каузальные условия* (личностная и материальная готовность) определяют возникновение феномена позитивного отношения к семье;
- в конкретном *контексте* современного российского общества эти намерения преломляются через поддержку государства и индивидуальные барьеры;
- молодежь выбирает определенную *стратегию* действий, делая акцент на выборе надежного супруга(и) и совместном планировании;
- в идеале это приводит к желаемому *следствию* – созданию семьи и рождению нескольких детей.

Взаимосвязи между компонентами носят условный характер. Если необходимые условия не будут удовлетворены (например, не найден «правильный» партнер или не достигнута стабильность), то и итог (рождение детей) откладывается или не будет

достигнут вовсе. Подобное структурирование результатов позволяет сформировать матрицу категорий осевого кодирования (см. табл. 2), где каждому компоненту соответствуют выделенные в речи категории и субкатегории.

Таблица 2

КАТЕГОРИИ И СУБКАТЕГОРИИ *ОСЕВОГО КОДИРОВАНИЯ* КОНКРЕТНОГО ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Компонент *осевого кодирования*	**Категории, отражающие компонент *осевого кодирования***	**Субкатегории, входящие в состав категории**
Каузальные условия	Планирование создания семьи	Финансовая обеспеченность, стабильность, жилплощадь, работа, достаток, ответственность, взаимопонимание, здоровье, дети.
Феномен	Дети, детность.	Продолжение, развитие, реализация, любимый человек, часть, будущее, спасение от одиночества, старость, ответственность, новое, опора, близость, отношения, роль родителя

Продолжение табл. 2

Компонент *осевого кодирования*	**Категории, отражающие компонент *осевого кодирования***	**Субкатегории, входящие в состав категории**
Контекст и промежуточные условия	Благоприятные условия для создания семьи и рождения детей	Субкатегории, характеризующие благоприятные условия для создания семьи и рождения детей: материальная помощь, жилье, льготы, доступные медицинские услуги, образовательные услуги для детей, инфраструктура, экономическая и политическая стабильность, доступная ипотека, государственные гарантии, уверенность в партнере, взаимопонимание, стабильная работа, стабильный заработок
	Условия, препятствующие созданию семьи и рождению детей	Субкатегории, характеризующие условия, препятствующие созданию семьи и рождению детей: низкий доход, разногласия и обман со стороны партнера, нерешительность, недоверие в отношениях, неуверенность

Окончание табл. 2

Компонент *осевого кодирования*	**Категории, отражающие компонент *осевого кодирования***	**Субкатегории, входящие в состав категории**
Стратегия действия / взаимодействия	Супруг/супруга	Ответственность, честность, надежность, верность, искренность, доброта, понимание, поддержка, вместе развиваться, забота, внимание, любовь, материальная обеспеченность
Следствия	Создание семьи и рождение детей	Двое, трое, много детей, благоприятные условия, здоровье, финансовое положение, партнер, комфорт, идеальные условия, прекрасная жизнь

Результаты построения *обоснованной теории*. Проведенное эмпирическое исследование с помощью фокус-групп подтверждает результаты опросов. Действительно, семья как часть будущей жизни вызывает положительный отклик у девушек и юношей. В нарративах большинства опрошенных, семья является основным условием рождения детей, опорой, местом совместного с супругой/супругом развития, спасением от одиночества, средством формирования близких отношений и самореализации себя в новых социальных ролях. Молодые люди планируют создать семью после окончания обучения, обретения профессионального статуса и финансовой самостоятельности. Это, по мнению участников опроса, стабилизирует их положение, положение семьи и позволит взять на себя ответственность за рождение детей. Однако реализация данных «совместных»

планов возможна при условии соответствия ожиданиям избранника на роль жены или мужа. У молодежи есть стойкий запрос на определенные психические и морально-нравственные качества будущего супруга/супруги и отца/матери своего ребенка. Поэтому в качестве препятствий к созданию и существованию семьи респонденты зачастую упоминают факторы, обусловленные личностью человека. Как конструирование своего будущего, в которое имплементировано создание собственной семьи, так и выработку стратегии действий по ее сохранению, девушки и юноши мыслят совместно со «второй половиной», в которой важны личностные качества, независимые от внешних объективных обстоятельств, что позволяет уравновесить нестабильность внешней среды. Молодые люди признают, что материальные и жилищные условия необходимы для семьи, что государство в настоящее время прилагает достаточные усилия в материальной помощи семьям. Поэтому юноши выражают интерес к самореализации себя в социальной роли мужа и отца, способного к решению вопросов, важных для жизни семьи. Косвенно это свидетельствует о желании молодых людей обрести уверенность в собственных силах и снизить зависимость семьи от внешней неустойчивости. Привлекательность семьи и брака, потребность в доверительных и близких отношениях способны изменить модель «отложенного брака» в стратегии выстраивания жизненных планов молодежью.

Таким образом, откладывание создания семьи, сокращение рождаемости – это одна из сторон индивидуализированности и атомизации современного общества и молодежи. Политическая и социально-экономическая изменчивость, вероятность проблемных отношений в семье, увеличение ожиданий и обязанностей в рамках исполнения супружеских и родительских социальных ролей, государственный контроль за их исполнением ставят человека перед выбором, обременять ли себя созданием семьи и обязанностями по воспитанию детей в условиях стремитель-

ных трансформаций, неопределенности, рисков. Инструментом противодействия пагубным социальным изменениям является социокультурный фундамент общества, который образуется через ценности – ценности человека, ценности семьи, ценности жизни. В начале жизненного пути молодежь особенно нуждается одновременно в надежных и разделяемых социумом ценностях и в предоставлении ей возможностей конструировать собственную жизнь с учетом личных интересов.

Обсуждение: сопоставление результатов построения *обоснованной теории* с предыдущими исследованиями. Полученные результаты в целом согласуются с выводами предыдущих российских и зарубежных работ, но обнаруживаются и различия. Во-первых, наши данные подтверждают выявленную ранее тенденцию откладывать вступление в брак и рождение детей ради достижения материальной стабильности. Например, в упомянутом исследовании И.Б. Назаровой и М.П. Зеленской [13] установлено, что студенческая молодежь настроена на создание семьи, но чаще откладывает этот шаг до окончания образования и начала карьеры. Наши респонденты прямо указали на образование, работу и собственное жилье как предварительные условия для брака, что практически дословно соответствует выводам этих авторов. Зарубежные исследования фиксируют схожую динамику. Как показали M. Djundeva и соавт. [15], в европейских странах высокий уровень образования и экономические изменения ведут к более поздним бракам и снижению рождаемости. Мы наблюдаем ту же причинно-следственную связь в российском контексте – молодые люди не торопятся с созданием семьи под влиянием тех же факторов.

Во-вторых, наши результаты подтверждают высокую ценность семьи в глазах молодежи, что отмечается повсеместно. По данным опросов ВЦИОМ, абсолютное большинство россиян (включая молодежь) предпочитает семейную жизнь одиночеству, а идеалом считают семью с двумя-тремя детьми. Качественные

данные фокус-групп конкретизируют эту картину: практически все участники декларируют положительное отношение к браку и родительству, что созвучно результатам А.И. Антонова и В.М. Карповой [11]. Данные ученые зафиксировали, что молодежь по-прежнему связывает семью со стабильностью в общественной и личной жизни, хотя интерес к многодетности снижается. Наши участники также в массе ориентированы на 2–3 детей, считая большее число детей желательным лишь при идеальных условиях. Таким образом, очевидно, что идеал семьи у современной молодежи – умеренно традиционный (брак с детьми), но без стремления к экстремальной многодетности. Более того, как и в работе А.О. Тындик [10], выявившей разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей, в наших группах прослеживается осторожное соотношение мечты и реальности – респонденты называли предпочтительное число детей, одновременно оговаривая зависимость от жизненных обстоятельств.

В-третьих, наш анализ выявил акцент опрошенных на личностных качествах партнера и *личной ответственности за свою жизнь*, что несколько отличает результаты нашего исследования от некоторых предыдущих выводов. Так, согласно работе И.Б. Назаровой и М.П. Зеленской [13], немаловажную роль в решении родить ребенка играет помощь родственников. В данных нашего исследования подобный фактор почти не фигурировал. Наоборот, молодые люди подчеркивали стремление к самостоятельности в семейных делах и решении семейных проблем. Это различие может объясняться особенностями выборки, так как наши респонденты – студенты из мегаполиса, и поэтому, возможно, меньше зависят от родительской поддержки. Кроме того, выявленная нами требовательность к партнеру дополняет результаты исследования О.Н. Безруковой и В.А. Самойловой [12]. Эти авторы отмечали противоречивое сочетание прагматизма и идеализма в установках молодежи: с одной стороны, близкие отношения с родителями (в частности, с отцом) формируют ценно-

сти брака и ответственного родительства, с другой – проявляется осторожность и расчет в принятии решений о детях. Наши данные развивают эту тему: молодежь хочет любви и доверия в браке, но при этом трезво оценивает партнера по множеству критериев (от моральных качеств до финансовых возможностей). Таким образом, выявленный нами «портрет идеального супруга(и)» отражает тот самый прагматичный идеализм – любовь и поддержка обязательны, но материальная обеспеченность и психологическая зрелость партнера – базовые условия для создания семьи и рождения детей.

Наконец, сопоставление с зарубежными исследованиями показывает как универсальные, так и специфические моменты. Универсальным является сохранение высокой ценности семьи среди молодежи разных стран. Например, Yu (2021) сообщает [14], что в Китае, несмотря на рост среднего возраста вступления в брак, семья и дети по-прежнему высоко ценятся – точно так же и российская молодежь в нашем исследовании говорит о семье как о приоритете. Однако трансформация практик тоже налицо: в Китае снижается идеальное число детей у молодых поколений, и возрастает распространенность сожительства без брака; в Европе молодежь все более открыта к бездетности или неполным семьям на фоне индивидуализации ценностей. В нашем исследовании респонденты в большинстве своем отрицательно отнеслись к идее бездетности и ориентируются на традиционную последовательность «брак – дети». Это может быть связано как с российским культурным контекстом, где семья остается базовой ценностью, так и с определенной консервативностью выборки. Тем не менее, присутствие более современных установок тоже прослеживается: например, многие девушки настаивали на равноправном распределении семейных ролей, что перекликается с усилением гендерного равенства, отмеченным Djundeva и коллегами для Запада и Китая. Более того, в немецком исследовании Liu и Kulu (2023) подчеркивается, что

у молодых поколений мигрантов разных культур происходит сближение ценностей и укладов – усиливается индивидуалистическая модель семьи. Российская городская молодежь, судя по нашим данным, тоже демонстрирует элементы индивидуализма: прежде всего, ставит на первое место личное развитие и самореализацию, а уже потом семейные обязанности. Однако в отличие от европейских сверстников, наши респонденты не одобряли пожизненное безбрачие или сознательную бездетность – даже самые ориентированные на карьеру информанты видят себя в будущем супругами и родителями. Таким образом, можно заключить, что выявленные в среде российского студенчества тенденции вписываются в общую канву второго демографического перехода (отсрочка брака, снижение рождаемости), но имеют национальные особенности: сильный символический статус семьи и детей сохраняется, и молодежь стремится соединить современные устремления к самореализации с традиционными семейными ценностями.

Заключение

Во введении к статье указывалось на очевидный разрыв между декларируемыми установками и реальным поведением молодых людей: при высоком общественном одобрении семьи и желании иметь детей наблюдается сокращение брачности и рождаемости в молодом поколении. Поэтому была выбрана стратегия качественного исследования на основе фокус-группы и *обоснованной теории.* Фокус-групповое взаимодействие создаёт условия для артикуляции коллективно разделяемых представлений, а процедуры кодирования и интерпретации позволяют реконструировать скрытые логические и смысловые структуры этих представлений. Предпринятое исследование было нацелено на объяснение этого противоречия – и полученные результаты позволяют предложить его разрешение. Ответ на исследователь-

ский вопрос состоит в выявлении комплекса причин, по которым позитивное отношение молодежи к семье не сразу воплощается в практику.

Качественный анализ показал, что молодые люди действительно хотят иметь семью и детей, однако их решения *опосредованны*: вступление в брак откладывается *«до лучших времен»* – до достижения личной готовности и необходимых условий. Таким образом, противоречие между установками и практикой во многом носит мнимый характер. С одной стороны, ценностно-нормативный слой (то, что фиксируется массовыми опросами) остается традиционным – молодежь искренне считает семью важнейшей жизненной ценностью и планирует рано или поздно реализоваться в браке. С другой стороны, поведенческая реализация этих установок затруднена объективными и субъективными барьерами. Наши респонденты раскрыли, *почему* высокая ценность семьи не приводит автоматически к ранним бракам: они боятся нестабильности (внешней – экономической, и внутренней – в отношениях), стараются избежать риска развода или неблагополучия, поэтому предпочитают повременить. Иначе говоря, молодежь примиряет противоречие между желаемым и действительным с помощью стратегии отложенного старта: сначала добиться самостоятельности, накопить ресурсы, найти "правильного" партнера – и лишь затем выполнить свои семейные устремления. В результате может создаться впечатление, что декларируемые семейные ценности не реализуются, но фактически их реализация *переносится на более поздний срок*. Такой вывод согласуется с теорией индивидуализации (З. Бауман), согласно которой современный человек откладывает долгосрочные обязательства в условиях неопределенности.

Кроме того, наши данные проливают свет на природу самого противоречия. Частично разрыв между «словами и делами» обусловлен методологическими моментами: как отмечают классики, нередко респонденты во время анкетирования дают

социально одобряемые ответы, не задумываясь о практической стороне вопроса. Фокус-группы же позволили молодым людям *самим назвать причины*, почему их будущие действия могут не совпасть с декларациями. Выяснилось, что это не столько лицемерие или изменение мнения, сколько трезвая оценка реалий: говорить о желании иметь семью и несколько детей – общее место, но, когда дело доходит до действий, каждый индивидуально взвешивает, потянет ли он эту ответственность. Таким образом, на исследовательский вопрос о факторах, влияющих на отношение молодежи к созданию семьи, получен ответ: ключевыми факторами оказались долгосрочная стратегия самореализации и требования к качеству семейной жизни. Молодежь не отвергает семейные ценности – напротив, она даже расширяет их рамки, предъявляя высокие стандарты к тому, *как* должна быть устроена семья (любовь, доверие, материальная обеспеченность, личностное развитие в браке). Но именно повышение стандартов ведет к тому, что реальные шаги делаются осторожно и поздно. В итоге противоречие между установками и практикой можно рассматривать как *противоречие между идеалом и компромиссами реальной жизни*. Наши респонденты фактически стремятся избежать компромиссов с идеалом – они хотят создать семью один раз и *«правильно»*, поэтому не спешат. Отсюда и результаты статистики – браков и рождений мало, но это не равносильно отказу от семьи, скорее – это отсрочка для подготовки. Таким образом, полученные результаты помогли «снять» обнаруженное противоречие: выяснилось, что молодые люди по-прежнему привержены семье, но действуют в соответствии с логикой разумного выбора времени и партнера. Это важный нюанс, который не был очевиден из одних лишь количественных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. В 2024 году в России распадались восемь из 10 браков // Forbes [сайт]. 18 декабря 2024 г. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/527483-v-2024-godu-v-rossii-raspadalis-vosem-iz-10-brakov?ysclid=m8x72tz8i690359523 (дата обращения 02.02.2025).

2. Статистика браков и разводов в России по годам (Таблица) // Infotables [сайт]. URL: https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/787-statistika-brakov-i-razvodov (дата обращения 05.02.2025).

3. Доклад Росстата: показатели рождаемости в России упали до исторического минимума // Vesti [сайт]. URL: https://www.vesti.ru/article/4134282 (дата обращения 11.02.2025).

4. Разводы в России: мониторинг // ВЦИОМ [сайт]. 24 октября 2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring (дата обращения 05.02.2025).

5. Сколько детей нужно для счастья? // ВЦИОМ [сайт]. 30 мая 2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja (дата обращения: 13.02.2025).

6. *Абельс Х.* Интеракция. Идентичность. Презентация. Введение интерпретативную социологию / Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 2000. 272 с. ISBN 5-89329-164-6:62.50.

7. Б*ергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с. ISBN: 5-85691-036-2.

8. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с. ISBN 5-98704-075-2.

9. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 120 с. ISBN 978-5-7777-0304-0.

10. Тындик А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012, т. 10, № 3. С. 361–376.

11. *Антонов А. И., Карпова В. М.* Опыт применения метода семантического дифференциала в фамилистическом исследовании // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2024, № 58. С. 81–129. DOI: 10.19181/4m.2024.33.1.4 EDN: GRLKRI.

12. *Безрукова О. Н., Самойлова В. А.* Как вовлеченное отцовство и близкие отношения с отцом влияют на благополучие подростков // Социологические исследования. 2025, № 6. С. 92-104. DOI: 10.31857/S0132162525060086.

13. *Назарова И. Б., Зеленская М. П.* Ценностные приоритеты и репродуктивные установки студенческой молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2021, т. 9, № 2. С. 177-189. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8110.

14. *Yu J.* Union formation and childbearing among Chinese youth: Trends and socioeconomic differentials // Chinese Journal of Sociology. 2021, vol. 7, № 4. P. 593–618. DOI: 10.1177/2057150X211040936.

15. *Djundeva M., Dykstra P. A., Emery T.* Family dynamics in China and Europe in the last half-century // Chinese Journal of Sociology. 2019, vol. 5, № 2. P. 143–172. DOI: 10.1177/2057150X19836368.

16. *Liu Ch., Kulu H.* Competing Family Pathways for Immigrants and Their Descendants in Germany // International Migration Review. 2023, vol. 59, № 1. P. 411–443. DOI: 10.1177/01979183231161600.

17. *Кравченко С. А.* Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. 2019, № 10. С. 48–57. DOI: 10.31857/S013216250006186-7.

18. *Кравченко А. И.* Анализ и обработка социологических данных. М.: Кнорус, 2020. 498 с. ISBN 978-5-406-08876-0.

19. *Кэмерон Д.* Разговорный дискурс. Интерпретация и практики. Харьков: «Гуманитарный центр», 2015. 316 с. ISBN: 978-617-7022-41-0.

20. *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2000. 352 с. ISBN 978-5-91419-185-3.

21. *Страусс А., Кобрин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с. ISBN 5-8360-0299-1.

22. *Лурия А.* Язык и сознание. СПб.: Питер, 2019. 336 с. ISBN 978-5-4461-1325-5.

23. Методология и методы социологического исследования / Под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой. СПб.: Издательство СПбГУ, 2014. 388 с. ISBN 978-5-288-05537-9.

Сведения об авторах

Бесчасная Альбина Ахметовна
Доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
AuthorID: 497213
SPIN-код: 6116-3981
Researcher ID: AAI-3680-2021

Фишева Анастасия Александровна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
AuthorID: 836241
SPIN-код: 2058-0344
Researcher ID: D-7477-2019

Щербакова Дарья Васильевна
Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
AuthorID: 765413
SPIN-код: 1887-4660
Researcher ID: JED-9147-2023

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026 г.
Статья принята к публикации: 11.06.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.3

TO BE OR NOT TO BE... A FAMILY? THE EXPERIENCE OF BUILDING *A GROUNDED THEORY*

Beschasnaya Albina A.
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation
beschasnaya-aa@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-9432-043X

Fisheva Anastasiya A.
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation
fisheva-aa@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-1432-0828

Shcherbakova Daria V.
North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. St. Petersburg, Russian Federation
shcherbakova-dv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0003-0422-3968

For citation: Beschasnaya A.A., Fisheva A.A., Shcherbakova D.V. To be or not to be... a family? The experience of building a grounded theory. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 2(63), p. 91-130. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.3

Abstract. The purpose of the study and writing of the article was to identify factors, identify factors that influence the formation and realization of young people's intentions regarding starting a family and having children, and form a contradiction between positive attitudes towards family and childhood, recorded by surveys, and negative statistical trends in marriage and fertility

in Russia. The design of the study consisted of conducting focus-groups among students of St. Petersburg universities, discourse analysis and the construction of *a grounded theory*. This qualitative approach made it possible to reconstruct the logic and meanings behind the declarations of young people, and to identify the connections between attitudes, context, and potential actions. An analysis of the statements of young respondents revealed the stable value of the family and the two- and three-child model in the minds of young people. The family is constructed by young people as a space of emotional intimacy, support and a key project of self-realization. However, their intentions do not translate into immediate action due to a complex of interrelated conditions. From the respondents' point of view, the key causal conditions for the implementation of plans are not only the achievement of material and housing stability, but, first of all, personal readiness and finding an "ideal" partner who meets the high requirements for responsibility, reliability and psychological maturity. Government support is perceived as necessary, but not essential; the emphasis is on personal efforts and a partnership model of relations.

Keywords: family, childbirth, youth, reproductive motive, focus-group, discourse analysis, pivotal coding, grounded theory.

Acknowledgments: The authors of the article express their gratitude to colleagues L. Blinov, Yu.A. Tyurina, T.A. Fleagina for their assistance in conducting focus groups in educational institutions, as well as to all participants of the focus groups for their sincerity and trust. The authors of the article would like to thank V.S. Neznanova for conducting three (out of eight) focus groups.

References

1. In 2024 eight out of 10 marriages in Russia ended in divorce (in Russian), *Forbes* [site]. 18.12.2024. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/527483-v-2024-godu-v-rossii-raspadalis-vosem-iz-10-brakov?ysclid=m8x72tz8i690359523 (date of access 02.02.2025).
2. Statistics of marriages and divorces in Russia by year (in Russian), *Infotables* [site]. 20.06.2023. URL: https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/787-statistika-brakov-i-razvodov (date of access 05.02.2025).

3. Rosstat report: birth rates in Russia have fallen to a historic low (in Russian), *Vesti* [site] 09.09.2024. URL: https://www.vesti.ru/article/4134282 (date of access 05.02.2025).
4. Divorces in Russia: Monitoring (in Russian), *VTsIOM* [site]. 24.10.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring (date of access 05.02.2025).
5. How Many Children Does It Take to Be Happy? (in Russian)? *VTsIOM* [site]. 30.05.2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja (date of access 13.02.2025).
6. Abels H. *The interaction. Identity. Presentation. Introduction to interpretive Sociology* (in Russian). St. Petersburg: Aleteya, 2000. 272 p. ISBN 5-89329-164-6:62.50.
7. Berger P., Lukman T. *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge* (in Russian). Moscow: Medium, 1995. 323 p. ISBN: 5-85691-036-2.
8. Bauman Z. *Individualized society* (in Russian). Moscow: Logos, 2005. 390 p. ISBN 5-98704-075-2.
9. Giddens E. *The Elusive World: how globalization is changing our lives* (in Russian). Moscow: The Whole World Publishing House, 2004. 120 p. ISBN 978-5-7777-0304-0.
10. Tyndik A.O. Reproductive attitudes and their implementation in modern Russia (in Russian), *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [Journal of Social Policy Research]*, 2012, vol. 10, no. 3, p. 361-376.
11. Antonov A.I., Karpova V.M. Experience of applying the semantic differential method in familistic teaching (in Russian), *Sotsiologiya 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling), 2024, no. 58, p. 81-129.* DOI: 10.19181/4m.2024.33.1.4.
12. Bezrukova O.N., Samoilova V.A. How involved fatherhood and close relationships with father affect the well-being of adolescents (in Russian), *Sotsiologicheskiye issledovaniya (Sociological studies)*, 2025, no. 6, p. 92-104. DOI: 10.31857/S0132162525060086.
13. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Value priorities and reproductive attitudes of student youth (in Russian), *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika (Sociological science and social practice)*, 2021. vol. 9, no. 2, p. 177-189. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8110.

14. Yu J. Union formation and childbearing among Chinese youth: Trends and socioeconomic differentials, *Chinese Journal of Sociology*, 2021, vol. 7, no. 4, p. 593–618. DOI: 10.1177/2057150X211040936.
15. Djundeva M., Dykstra P.A., Emery T. Family dynamics in China and Europe in the last half-century, *Chinese Journal of Sociology*, 2019, vol. 5, no. 2, p. 143–172. DOI: 10.1177/2057150X19836368.
16. Liu Ch., Kulu H. Competing Family Pathways for Immigrants and Their Descendants in Germany, *International Migration Review*, 2023, vol. 59, no. 1, p. 411–443. DOI: 10.1177/01979183231161600.
17. Kravchenko S.A. Digital risks, metamorphoses and centrifugal tendencies among young people in Russian) (in Russian), *Sotsiologicheskiye issledovaniya (Sociological studies)*, 2019, no. 10, p. 48–57. DOI: 10.31857/S013216250006186-7.
18. Kravchenko A.I. *Analysis and processing of sociological data* (in Russian). Moscow: Knorus, 2020. 498 p. ISBN 978-5-406-08876-0.
19. Cameron D. *Conversational Discourse. Interpretation and Practices* (in Russian). Kharkov: Humanitarian Center, 2015. 316 p. ISBN: 978-617-7022-41-0.
20. Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. *Qualitative methods. Field sociological research* (in Russian). St. Petersburg: Aleteya, 2000. 352 p. ISBN 978-5-91419-185-3.
21. Strauss A., Kobrin J. *Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques* (in Russian. Moscow: Editorial URSS, 2001. 256 p. ISBN 5-8360-0299-1.
22. Luria A. *Language and Consciousness (*in Russian). St. Petersburg: Piter, 2019. 336 p. ISBN 978-5-4461-1325-5.
23. *Methodology and methods of sociological research*, ed. by V.I. Dudina, E.E. Smirnova (in Russian). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2014. 388 p. ISBN 978-5-288-05537-9.

Information about the authors

Albina A. Beschasnaya
Doctor of Sociology, Professor of the Chair of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
AuthorID: 497213
Researcher ID: AAI-3680-2021

Anastasiya A. Fisheva
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
AuthorID: 836241
Researcher ID: D-7477-2019

Daria V. Shcherbakova
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Customs Administration, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
AuthorID: 765413
Researcher ID: JED-9147-2023

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.4
EDN: AGWVGZ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЫДЕННЫХ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ О ВОЙНЕ

Гаджиев Акиф
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
Эл. почта: akifka21@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6273-3398

Для цитирования: *Гаджиев А.* Аналитический обзор экспериментальных исследований обыденных моральных суждений о войне // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. т. 35, № 2(63). С. 131-163. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.4. EDN: AGWVGZ

В статье представлен обзор экспериментальных исследований, сопоставляющих обыденные моральные суждения о войнах с нормативными моделями (международным гуманитарным правом и теорией справедливой войны). На основе анализа работ данного направления, предложена типология исследовательских планов по четырем ключевым параметрам: объект оценки, степень реалистичности сценария, способ предъявления условий и роль нормативных моделей в дизайне. Предложенная типология выступает аналитическим инструментом, позволяющим объяснить противоречивость выводов исследований относительно характеристик обыденных моральных суждений о войнах. Выявлены преимущества экспериментального подхода в установлении детерминант суждений, а также его ограничения, связанные с искусственностью сценариев и фокусом на расхождения с норматив-

ными теориями. Обозначены перспективы преодоления ограничений за счет методологического плюрализма и обращения к неэкспериментальным исследовательским стратегиям.

Ключевые слова: обыденные моральные суждения, нормативные модели, экспериментальные исследования, техника виньеток, социология морали, моральная психология, международное гуманитарное право, теория справедливой войны.

Введение

Вопрос о том, какие войны считать справедливыми, и какие методы их ведения морально допустимыми, имеет две разные традиции осмысления. Первая – нормативно-доктринальная: это международное гуманитарное право и этические теории, развиваемые на протяжении столетий [1; 2]. Вторая – дескриптивная и объяснительная: это изучение моральных суждений обычных людей о войнах, устройство и детерминанты которых до недавнего времени редко становились предметом систематического социологического анализа [3]. В то же время, на суждения обычных людей о допустимом и желательном ориентируются политические лидеры, принимая решения относительно инициации конфликтов; исходя из этих суждений формулируются публичные легитимации войн; к ним могут апеллировать международные суды и парламенты в дискуссиях о военных конфликтах [4; 5].

Несмотря на растущий интерес к этой теме, исследования обыденных моральных суждений о войнах остаются фрагментированными. Они разрознены дисциплинарно (политология, социальная психология, социология) и за редким исключением [6; 3] не образуют единого исследовательского поля. Наряду с качественными исследованиями дискурса [7; 8] и изучением динамики общественного мнения [9; 5], существует пласт работ, использующих экспериментальный подход и тех-

нику виньеток для сопоставления обыденных моральных суждений с нормативными моделями – международным гуманитарным правом и этической теорией справедливой войны. Интерес к такому сопоставлению не случаен: эти модели выступают авторитетным источником норм, транслируются через публичный дискурс и служат обоснованием политических решений, что делает их значимым контекстом формирования обыденной морали [8; 10]. Однако конкретные исследовательские планы, реализуемые в рамках этого подхода, существенно различаются, результатом чего являются противоречия в выводах исследований на одни и те же темы (так, исследования приходят к противоположным выводам о степени приверженности обычных людей (не обладающих экспертным знанием) нормам международного права [11; 12]). Как следствие, сегодня отсутствует систематическое понимание того, в какой мере выявленные эффекты устойчивы, а в какой обусловлены выбором определенного исследовательского плана.

Цель настоящего аналитического обзора – систематизация и критический анализ исследовательских планов, используемых в экспериментальных исследованиях, сопоставляющих обыденные моральные суждения о войне с нормативными моделями, а также выявление того, как различия в исследовательских планах влияют на выводы о детерминантах обыденных суждений. Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи: дается концептуализация феномена обыденных моральных суждений о войнах как предмета исследований и описывается его соотношение с нормативными моделями; предлагается типология исследовательских планов, используемых в экспериментальных работах; на основе типологии описывается зависимость выявленных исследователями характеристик обыденных суждений от типа исследовательского плана; выявляются методологические ограничения существующих работ и намечаются пути их преодоления.

Обыденные моральные суждения и их связь с нормативными моделями

В данном разделе мы дадим социологическую концептуализацию обыденных моральных суждений, а также кратко охарактеризуем нормативные модели (международное гуманитарное право и теория справедливой войны) как объект сравнения, поставив вопрос о характере их соотношения. Описав ключевые концепты, мы перейдем к следующей части статьи – обзору ключевых исследований обыденных моральных суждений.

В социологии морали, восходящей к работам Эмиля Дюркгейма, моральные феномены рассматриваются не как абстрактные философские конструкции, а как социальные факты – разделяемые членами сообщества представления о должном, обладающие принудительной силой и укорененные в коллективных практиках [13]. Развивая эту традицию, современные исследователи проводят различие между нормативными этическими теориями (философскими доктринами о том, какой мораль должна быть) и обыденными моральными суждениями – теми имплицитными оценочными схемами, которые люди фактически используют в повседневной жизни при оценке действий [14; 15]. Именно обыденные моральные суждения выступают объектом нашего исследования.

Мы концептуализируем обыденные моральные суждения о войнах как контекстно-зависимые убеждения обычных людей о моральности войн, формирующиеся под влиянием множества разнородных факторов. К ним относятся когнитивные процессы интуитивного и рационального характера [3; 16]; аффективные реакции и моральные эмоции, способные предшествовать рациональному обоснованию [14]; групповая идентичность и связанные с ней основания лояльности [17; 18]; культурные представления и нарративные ресурсы, доступные носителям конкретных традиций [3; 19]; а также индивидуально-биографический опыт,

в том числе опыт столкновения с насилием [20]. Приведенный перечень не претендует на исчерпывающий характер, но позволяет обозначить гетерогенную природу детерминант, делающую обыденные суждения принципиально несводимыми к какому-либо одному источнику и обусловливающую их внутреннюю сложность. Обладая определенной устойчивостью по отношению к публичному дискурсу [5; 19], обыденные моральные суждения выполняют функцию классификации мира с точки зрения обывателя. Моральные суждения представляют собой реактивный когнитивный процесс, запускаемый событиями, которые маркируются как отклонение от ожидаемого нормативного порядка [21; 14]. Таким образом, обыденные моральные суждения носят реактивный характер, актуализируясь в ситуациях, требующих моральной квалификации.

Как и понятие общественного мнения, понятие обыденных моральных суждений относится к высказываниям обычных людей, причём оба явления, как показывают исследования эффектов вординга и «сплочения вокруг флага», в контексте войн демонстрируют контекстную чувствительность [4; 5]. Различие лежит в исследовательской рамке и связанном с ней методическом инструментарии. Опросные исследования общественного мнения ориентированы на фиксацию агрегированных распределений ответов на стандартизированные вопросы, что диктует их ключевое ограничение в контексте войн – неприспособленность к реконструкции детерминант и логики суждения. Подход исследований обыденных моральных суждений, напротив, ставит в фокус именно эти характеристики: контекстную зависимость, внутреннюю противоречивость, не сводимую к статистическим распределениям [21]. Соответственно, в этой рамке используются методы, позволяющие исследовать структуру и логику суждений, а не их распределение, такие как эксперимент и техника виньеток.

Одним из распространенных подходов для исследования обыденных суждений на тему морали является их сопоставление

с нормативными моделями – институционально или дискурсивно закрепленными системами моральных принципов (философскими, этическими, религиозными, профессиональными). Эксплицитные нормативные модели и имплицитные теории обычных людей связаны между собой: содержание интуитивных оценок, выносимых людьми без обращения к нормативным теориям, систематически совпадает с принципами, сформулированными в рамках этих теорий [22; 23; 24]. Механизм этого совпадения это не рациональное выведение суждения, а общий источник: философско-правовые нормативные теории исторически возникли как эксплицитная систематизация тех же моральных паттернов, которые существуют в обыденном сознании в имплицитной форме [23; 25]. Нормативные модели имеют практическое измерение: они служат дискурсивным обоснованием правовых норм и политических решений, транслируются через публичный дискурс и тем самым становятся частью культурного контекста [8; 10]. Вместе с тем, обыденные моральные суждения могут не совпадать с предписаниями нормативных моделей [14]. Эмпирические исследования справедливости [26] и восприятия на разных уровнях социальной реальности [27] указывают, что обыденные суждения имеют свою собственную логику (например, основанную на заслугах или нуждаемости), которая может конфликтовать с философскими моральными принципами [18]. Именно наличие расхождений и взаимного влияния [15] делает релевантным обращение к нормативным моделям для исследования обыденных суждений, позволяя исследователям выявлять их специфические характеристики. Вместе с тем, задача исследований не оценивать «компетентность» этих суждений с точки зрения философской этики, а выявлять их структуру, характеристики и закономерности функционирования.

В эмпирических исследованиях обыденных суждений о войнах ученые обращаются к международному гуманитарному праву как к нормативной системе, задающей критерии допустимого поведения в военных конфликтах. Обращение к междуна-

родному праву обусловлено несколькими причинами. Во-первых, его положения (неприкосновенность гражданских лиц и военнопленных, запрет на применение ядерного оружия) можно операционализировать в экспериментальных виньетках [17; 28]. Во-вторых, отдельные нормы международного права транслируются через СМИ, образование и политические нарративы, что делает их потенциально знакомыми обычным людям даже при отсутствии специальных знаний [8]. Вместе с тем, исследователи не ограничиваются сугубо правовыми формулировками и нередко обращаются к этическим теориям, лежащим в основе международного права, в первую очередь к теории справедливой войны. Эта теория, восходящая к работам античных и средневековых мыслителей (Аристотель, Августин, Фома Аквинский) и развитая в современных исследованиях [29; 30], предлагает более широкую нормативную рамку, включающую как критерии справедливого вступления в войну (jus ad bellum), так и принципы ее ведения (jus in bello). Политики активно используют заимствованную из теории справедливой войны терминологию («гуманитарная интервенция», «право на самооборону») для мобилизации поддержки [10; 8], что также делает эту теорию частью публичного дискурса, потенциально доступного обыденному сознанию. В зависимости от исследовательских задач ученые могут сопоставлять обыденные суждения как с конкретными правовыми нормами (например, с запретом на нападения на гражданских лиц), так и с более общими моральными принципами, вытекающими из теории справедливой войны (например, с идеей морального равенства комбатантов).

Таким образом, перед исследователями встает вопрос: совпадают ли интуиции обычных людей с предписаниями международного права и этических теорий? Если нет, то какие факторы оказываются более значимыми? Именно эти вопросы находятся в фокусе экспериментальных работ, рассматриваемых в данном обзоре [28; 11; 31; 6; 32; 17].

Типология исследовательских планов в экспериментальных исследованиях

В данном разделе мы охарактеризуем общую логику экспериментального подхода в изучаемой области, а также предложим типологию исследовательских планов по четырем ключевым параметрам: объект оценки, степень реалистичности виньеток, способы варьирования независимых переменных и специфика работы с нормативными моделями.

Доминирующим подходом в исследовании обыденных моральных суждений о войне является использование экспериментального подхода и техники виньеток для оценки моральной оправданности различных гипотетических ситуаций с точки зрения обычных людей. Исследователи предлагают респондентам описания (виньетки) гипотетических ситуаций военных конфликтов для оценки действий ключевых акторов (чаще всего государств-инициаторов войн) этих ситуаций [28; 11; 31; 33; 6]. Систематически варьируя условия в этих описаниях, исследователи оценивают влияние различных факторов на эти оценки. Исследования фокусируются на ряде ключевых тем: моральное поведение на войне, ядерное табу и условия его нарушения, моральное равенство комбатантов, соотношение рационального и морального в оценке допустимости военных конфликтов. Следует отметить, что большинство из исследований зачастую затрагивают широкий ряд тем, а не фокусируются на какой-то одной. Чаще всего количественные выборки в этих исследованиях репрезентируют население стран, активно вовлеченных в дискурсы о национальной безопасности – Израиля [17], Великобритании [34] и США [12; 35].

Ниже нами предложена типология планов исследований по ряду параметров: объект оценки, степень реалистичности описаний, способы варьирования переменных и специфика работы с нормативными моделями. Выделенные параметры не явля-

ются произвольными: каждый из них непосредственно связан с возможными источниками вариации в ответах респондентов в разных исследованиях. Параметры выступают как независимые измерения: одна и та же работа фигурирует в разных строках таблицы, отражая комбинацию её дизайнерских характеристик. Полнота типологии обеспечивается тем, что выделенные категории охватывают все встречающиеся в проанализированном корпусе дизайны. Взаимоисключаемость обеспечивается тем, что внутри каждого параметра категории определены через несовместимые признаки. Некоторые работы представляют результаты нескольких полевых исследований [17; 36], что обуславливает их упоминание в нескольких категориях одних и тех же параметров. Как будет показано в следующем разделе, различия в исследовательских планах оказывают влияние на результаты исследований и выводы исследователей относительно характеристик обыденных суждений, что значимо для корректной интерпретации и сопоставления выводов работ на эту тему.

Таблица 1

ТИПОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПЛАНОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЫДЕННЫХ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ О ВОЙНЕ

Параметр	**Категория**	**Эмпирические исследования**
Объект оценки	Собственная страна vs. реальное государство	[6]; [11]; [28]; [34]; [36]
	Собственная страна vs. вымышленное государство	[12]; [33]; [35]; [17]; [36]
	Исключительно вымышленные/ абстрактные стороны	[31]; [36]

Окончание табл. 1

Параметр	**Категория**	**Эмпирические исследования**
Степень реалистичности сценария	Высокая (реальные страны, актуальные события)	[11]; [28]; [34]; [6]; [36]; [17]
	Низкая (абстрактные обозначения, отсутствие исторических отсылок)	[12]; [31]; [33]; [35]; [36]; [17]
Способ предъявления условий	Межгрупповой план	[11]; [28]; [31]; [33]; [6]; [34]; [36]
	Внутригрупповой план	[17]; [35]; [36]
Роль нормативных моделей	Эталон для сравнения	[11]; [28]; [31]; [17]; [34]
	Варьируемое условие	[6]; [12]; [35]; [33]; [36]
	Фон для описания	[33]; [36]

Одним из ключевых параметров, определяющих конструкцию эксперимента, выступает объект моральной оценки – чьи именно действия и относительно кого предстоит оценивать респондентам. Наиболее распространены эксперименты, которые предлагают респондентам оценить действия собственной страны в гипотетическом или исторически окрашенном конфликте с другой реальной страной [11; 6]. Другой тип экспериментов – когда респондентам предлагается оценить действия собственной страны в конфликте с вымышленным государством [12; 35; 33]. Менее всего распространены сценарии с участием исключительно вымышленных стран, лишенных какой-либо привязки к реальным политическим акторам [31; 36]. Внутри данного параметра выделенные категории являются взаимоисключающими: каждый конкретный исследовательский план однозначно квалифицируется по признакам наличия или отсутствия в сценарии собственной страны респондента и реалистич-

ности или вымышленности противника. Полнота категорий обеспечена тем, что они покрывают все типы конфигураций, представленные в рассмотренном корпусе литературы. Таким образом, в рамках исследовательских планов варьируется объект оценки, что, как будет показано далее, оказывает значимое влияние на результаты оценивания.

Другим значимым измерением, по которому различаются экспериментальные исследования, является степень реалистичности описываемого конфликта. Многие эксперименты максимально приближены к актуальной политической повестке: в них фигурируют реальные страны и события, например угроза ядерного удара США по Ирану [28; 34]. Меньшее число работ используют абстрактные описания, где страны обозначены нейтрально, а конфликт лишен исторических отсылок [33; 35]. В некоторых случаях исследователи намеренно проводят ряд экспериментов с разным уровнем реалистичности описываемых событий [17]. Классификация по этому параметру строится на ключевом признаке: присутствуют ли в сценарии конкретные названия реальных государств и/или отсылки к актуальным событиям. Это обеспечивает взаимоисключаемость категорий: каждое исследование однозначно относится к высокореалистичному или низкореалистичному. Выделенные категории покрывают весь наблюдаемый в рассмотренном корпусе работ диапазон. Таким образом, исследователи используют как дизайны с преимущественно абстрактными и отдаленными от реальности описаниями, так и предельно приближенными к ней.

Помимо содержательных характеристик сценария, исследования различаются по способу предъявления экспериментальных условий респондентам. В межгрупповом плане разные группы респондентов получают разные версии виньетки: например, одна группа оценивает сценарий с ядерным ударом по военной базе, другая с ударом по городу [28; 11]. Это позволяет изолированно оценить влияние каждого фактора, исключая эффекты

повтора, но требует больших выборок. В внутригрупповом плане один и тот же респондент последовательно оценивает несколько сценариев, которые как могут включать в себя нарушение международного права, так могут и не включать его [35; 17]. Такой подход позволяет контролировать индивидуальные различия и увеличивает статистическую мощность при меньших выборках, однако создает риск эффектов порядка, когда предыдущие оценки влияют на последующие. Данный параметр соответствует стандартному методологическому разграничению между межгрупповыми и внутригрупповыми дизайнами. Каждый из этих типов однозначно определяется на основании одного признака, что обеспечивает взаимоисключаемость категорий. Полнота параметра обеспечена тем, что он покрывает все логически возможные решения в рамках классической логики экспериментального плана. Таким образом, исследования предлагают разную логику предъявления виньеток, что также может оказывать влияние на получаемые ответы.

Наконец, важным параметром плана выступает роль, отводимая в эксперименте нормативным моделям – теории справедливой войны и международному праву. В ряде исследований они выступают как эталон для сравнения: исследователи проверяют, соответствуют ли обыденные суждения нормативным предписаниям, например, спрашивая респондентов, считают ли они допустимыми действия, нарушающие принцип неприкосновенности гражданских лиц или идею морального равенства комбатантов [31; 17]. В таких экспериментах зачастую условием нарушения принципов нормативных моделей является успех в военной операции, либо сохранение жизней соотечественников. В иных исследованиях элементы теории справедливой войны и международного права включаются в виньетки как часть описания либо варьируемое условие, а фокус исследования смещается на иные детерминанты, такие как ретрибутивные установки, партийную принадлежность или инструментальные соображения [33; 6; 28].

Взаимоисключаемость категорий определяется вопросом «является ли предъявление/непредъявление нормативной информации намеренным варьированием условий». Полнота категорий обеспечена тем, что они покрывают все функциональные решения, зафиксированные в рассмотренном корпусе.

Предложенная типология задает аналитическую рамку для рассмотрения результатов: она позволяет зафиксировать, как декларируемые результаты исследований обыденных моральных суждений о войнах зависят от параметров исследовательских планов, чему посвящен следующий раздел.

Связь противоречий в результатах исследований обыденных моральных суждений с типами исследовательских планов: критический анализ

Предложенная типология исследовательских планов позволяет выдвинуть объяснения противоречий в результатах экспериментальных работ, сопоставляющих обыденные моральные суждения о войне с нормативными моделями. Поскольку настоящий обзор является аналитическим, а не систематическим, и не сопровождается метаанализом количественных эффектов, обнаруживаемые соответствия между параметрами исследовательских планов и характеристиками фиксируемых суждений следует трактовать как гипотезы. Эти гипотезы опираются на содержательную логику типологии и на сопоставление результатов рассмотренных работ. Выводы исследований, касающиеся приверженности нормам международного права, выраженности ретрибутивизма, соотношения деонтологической и консеквенциалистской логик, а также степени партикуляризма, могут меняться в зависимости от описанных выше параметров исследовательских планов. При этом одни характеристики

выступают как устойчивые предикторы, сила влияния которых варьируется в зависимости от плана; другие как вариативные характеристики, чувствительные к конкретным методическим решениям.

Приверженность нормам гуманитарного права и положениям теории справедливой войны, фиксируемая в экспериментах, предположительно зависит от параметров исследовательского плана. Сама по себе интернализация этих норм подтверждается тем, что даже не информированные о праве респонденты склонны их придерживаться [12], однако степень этой приверженности варьируется. Выводы исследований относительно приверженности обычных людей нормам гуманитарного права могут зависеть от способа предъявления условий: в внутригрупповых дизайнах, где респондент последовательно оценивает несколько сценариев и получает правовую справку, знание о том, что действие является военным преступлением, значимо снижает его одобрение [35; 6]. В межгрупповых планах, где правовая информация отсутствует, исследователи чаще фиксируют готовность обычных людей нарушать нормы [11]. Также значима роль, отводимая нормативным моделям в дизайне эксперимента. В исследованиях, где международное право и теория справедливой войны выступают преимущественно как эталон для сравнения, исследователи чаще фиксируют исключительно степень расхождения обыденных суждений с нормативными предписаниями [11]. Когда же нормы включаются в дизайн как варьируемое условие (например, информация о правовом статусе действия присутствует в одних версиях виньетки и отсутствует в других), их влияние опосредуется дополнительными факторами [35]. Также может сказываться объект оценки: в экспериментах, где фигурирует собственная страна, исследователи чаще фиксируют готовность нарушать нормы ради «своих», тогда как в сценариях с вымышленными акторами приверженность нормам, напротив, возрастает [12; 31]. Также, предполо-

Таблица 2

ГИПОТЕЗЫ О ВЛИЯНИИ ПАРАМЕТРОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПЛАНОВ НА ФИКСИРУЕМЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЫДЕННЫХ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ (НА ОСНОВАНИИ СОПОСТАВЛЕНИЯ РАССМОТРЕННЫХ РАБОТ)

Характеристика суждений	**Объект оценки**	**Степень реалистичности**	**Способ предъявления условий**	**Роль нормативных моделей**
Приверженность нормам международного гуманитарного права	Снижается при оценке действий собственной страны [11; 28; 6]; повышается в сценариях с вымышленными сторонами [12; 31]	Выше при низкой реалистичности [12; 31]	Усиливается во внутригрупповых дизайнах с правовой справкой [35; 17; 6]	Видимое расхождение усиливается, когда модели эталон [11; 28]; ослабевает, когда нормы выступают варьируемым условием и тестируются их триггеры [6; 35; 12]
Партикуляризм	Максимален при оценке действий собственной страны [11; 6; 28]; ослаблен при оценке вымышленных сторон [31; 35]	Усиливается в реалистичных сценариях [11; 28; 6]; ослаблен в абстрактных [31; 35]	Слабо чувствителен или не проверялся, фиксируется устойчиво [11; 28; 33]	Проявляется при любой роли моделей [6; 11; 28]

Окончание табл. 2

Характеристика суждений	**Объект оценки**	**Степень реалистичности**	**Способ предъявления условий**	**Роль нормативных моделей**
Ретрибутивизм	Смягчается в отношении соотечественников [17; 28]; жестче по отношению к реальным противникам [11]; еще жестче в отношении вымышленных «несправедливых» сторон [31; 36]	Жёстче в абстрактных сценариях [31]; смягчается в реалистичных с участием своей страны [17; 28]	Слабо чувствителен или не проверялся	Усиливается, когда «справедливость причины» включена в виньетку как варьируемое условие [31; 17]
Деонтологизм vs. консеквенциализм	Сдвиг к консеквенциализму при оценке своей страны [28; 6; 11]	Сдвиг к консеквенциализму в реалистичных сценариях [28; 34; 17]; деонтологические установки преобладают в абстрактных [12; 36]	Слабо чувствителен или не проверялся	Сдвиг к деонтологизму при использовании моделей как эталона [31]; сдвиг к консеквенциализму при варьируемом дизайне с инструментальными условиями [12; 33]

жительно, значима степень реалистичности сценария: в описаниях, лишённых реального контекста, нормы международного гуманитарного права поддерживаются устойчивее [33; 35], даже когда речь идет об оценке действий собственной и вполне реальной страны. Таким образом, поддержка гуманитарного права не является константой: будучи в целом интернализованной, она предположительно может проявляться или ослабевать в зависимости от того, как именно сконструирован исследовательский план.

Важным предиктором обыденных моральных суждений о войнах выступает партикуляризм – глубокая асимметрия в моральной оценке «своих» и «чужих». Примечательно, что партикуляризм является единственной из рассматриваемых характеристик, практически нечувствительной к таким параметрам плана как способ предъявления условий и роль нормативных моделей: он фиксируется устойчиво вне зависимости от того, используется ли межгрупповой или внутригрупповой дизайн [11; 28; 31], и проявляется при любой функции нормативных моделей в эксперименте [6; 11; 28]. Однако сила его проявления предположительно может зависеть от иных характеристик исследовательского плана. В экспериментах, где респонденты оценивают реалистичные сценарии в актуальном геополитическом контексте партикуляризм выражен сильнее: американцы готовы жертвовать жизнями чужих мирных жителей ради снижения потерь среди своих солдат [11; 6] и даже предпочитают ядерный удар по столице противника дипломатическому решению, если это позволит избежать неуспеха военной операции [28]. Напротив, в сценариях с участием вымышленных государств (в том числе в роли оппонентов своей страны), лишенных исторических и культурных коннотаций, партикуляристские установки ослабевают: успех военной операции перестает доминировать над соображениями о ценности человеческой жизни, а суждения тяготеют к универсалистским принципам [35; 33]. Таким образом,

партикуляризм выступает устойчивым предиктором, но его сила предположительно может быть результатом не только самой установки, но и того, в каком контексте делается оценка.

Для обыденных суждений на тему войн в целом характерен ретрибутивизм – идея, согласно которой лучшим ответом на преступление является сопоставимое по размеру наказание; вместе с тем, степень ретрибутивизма может зависеть от характеристик исследовательского плана. Ретрибутивизм это не просто месть, а стремление к восстановлению морального баланса, который нарушен несправедливой войной. Оценка справедливости цели войны служит ярлыком, который модулирует оценку всех последующих действий. Обычные люди чаще считали действия солдат этичными, если те сражались за справедливую причину, чем за несправедливую, даже если их поведение на поле боя было идентичным [17; 31; 32]. Вместе с тем солдаты, сражающиеся на «несправедливой» стороне, считались заслуживающими тюремного наказания и даже казни даже за простое участие в войне [31]. Проявление ретрибутивизма может быть чувствительно к степени реалистичности сценария и объекту оценки (идет ли речь о своей, или о чужой стране). В абстрактных гипотетических сценариях с участием вымышленных стран исследователи чаще фиксируют жесткую ретрибутивную логику [31]. В реалистичных сценариях в актуальном контексте с участием реальных стран ретрибутивизм по отношению к противнику ослабевает [11]. В сценариях же, где предлагается оценка действий собственной страны, ретрибутивные реакции могут смягчаться, что, вероятно, связано с партикуляризмом [17]. Таким образом, степень ретрибутивизма в обыденных моральных суждениях предположительно варьируется в зависимости от степени реалистичности сценария и объекта оценки, что необходимо учитывать при интерпретации результатов.

В исследованиях фиксируются противоречивые данные относительно того, какая моральная логика, деонтологическая

или консеквенциалистская, доминирует у респондентов. Это противоречие может объясняться различиями в исследовательских планах. В абстрактных сценариях, где респонденты оценивают гипотетические ситуации, исследователями чаще выявляются деонтологические установки: нормы поддерживаются «в принципе», а инструментальные соображения играют менее значимую роль [36; 12]. Напротив, в реалистичных сценариях, когда речь идет о действиях собственной страны, на первый план выходит консеквенциалистская логика: респонденты готовы жертвовать нормами ради таких целей как сохранение жизней соотечественников [28; 34; 17]. Когда нормативные модели используются как эталон для сравнения, логика дизайна фокусирует суждение на принципах, что смещает ответы в деонтологическую сторону [31]; напротив, когда дизайн варьирует инструментальные условия (потери, военные успехи), на первый план выходит консеквенциалистская логика оценки [12; 33]. Таким образом, фиксируемое соотношение деонтологических и консеквенциалистских ориентаций предположительно зависит от того, насколько конкретен и эмоционально насыщен предложенный сценарий.

Анализ показывает, что выделяемые в литературе характеристики обыденных суждений о войне – партикуляризм, ретрибутивизм, условная поддержка норм, смешение деонтологической и консеквенциалистской логик – не являются неизменными свойствами обыденной морали. Их выраженность и даже направленность может зависеть от параметров исследовательского плана: объекта оценки, степени реалистичности сценария, способа предъявления условий и роли нормативных моделей. Именно эта зависимость может объяснить многие противоречия в выводах экспериментальных работ. Тем самым анализ исследовательских планов позволяет перейти от констатации фрагментированности поля к пониманию ее причин.

Методологические возможности и границы исследований экспериментального подхода

Опираясь на предложенную типологию, в данном разделе мы рассмотрим, какие возможности дает экспериментальный подход для изучения обыденных моральных суждений о войне и с какими ограничениями он сталкивается.

Экспериментальный подход позволяет систематически выявлять и классифицировать сходства и расхождения обыденной морали и этических теорий, а также ставить вопрос об их детерминантах. Систематическая вариация условий в виньетках позволяет исследовать изолированное влияние конкретных факторов. Именно так, например, установлена доминирующая роль партикуляризма над нормативными принципами, выявлена сила ретрибутивизма, показана контекстная природа следования нормам гуманитарного права [28; 11; 31]. Таким образом, основной вклад исследований с экспериментальным подходом заключается в их эмпирическом подтверждении и точном измерении силы воздействия детерминант обыденных суждений.

Кроме того, экспериментальный подход позволяет раскрыть сложное взаимодействие детерминант обыденных суждений. Экспериментальный подход позволяет выйти за рамки простых корреляций и показать, как одни факторы модулируют действие других. Использование данного подхода позволило верифицировать существование устойчивой структуры суждений, в которой различные характеристики обыденных суждений, такие как партикуляризм и ретрибутивизм, образуют иерархическую систему. Данные демонстрируют, например, что воспринимаемая справедливость причины войны (ретрибутивизм) служит «моральной индульгенцией», ослабляющей действие норм в отношении противника [32]. Это указывает на способность метода реконструировать логику обыденного мышления, показывая, как в конкретных суждениях сочетаются разные, порой противоречивые, моральные принципы.

Вместе с тем, несмотря на очевидные достоинства экспериментального подхода в исследовании моральных суждений о войнах, можно выделить и ряд ограничений таких исследований. Опираясь на предложенную нами типологию исследовательских планов, мы покажем, что многие из этих ограничений не случайны, а закономерно связаны с конкретными параметрами исследовательских планов.

В большинстве исследований нормативные модели (международное гуманитарное право и теория справедливой войны) вводятся в дизайн прежде всего как эталон для сравнения, что задает асимметричную оптику: в фокусе оказываются отклонения обыденных суждений от нормативных предписаний, тогда как зоны интуитивной поддержки этих норм остаются в тени. Причина подобной оптики может заключаться в том числе в искаженном восприятии нормативных моделей как стандарта для оценки моральности обыденных оценок. Поскольку нормативные теории сложились как эксплицитная систематизация тех же моральных паттернов, которые существуют в обыденном сознании в имплицитной форме [23; 25], расхождения между обыденной моралью и нормативными моделями может трактоваться не как свидетельство «отклонения» обыденной морали от желательного стандарта (как это рассматривается в некоторых исследованиях [6]), а указывать на частичность нормативных моделей, не охватывающих факторы, чувствительные для реального морального опыта.

Фокус на различиях и рассмотрение нормативных моделей как стандарта не только создает искаженное представление о тотальной оппозиции обыденной морали и права, но и способствует недорефлексированности «фоновых» параметров эксперимента – степени реалистичности сценария, объекта оценки, способа предъявления условий. Поскольку эти параметры сами по себе не являются предметом изучения, их вариации воспринимаются как технические детали, хотя, как показано в пред-

ложенной типологии, именно они систематически модулируют силу проявления партикуляризма, ретрибутивизма и соотношения деонтологической и консеквенциалистской логики. Таким образом, существующий фокус создает несколько искаженную картину тотальной оппозиции суждений обычных людей и гуманитарного права и препятствует рефлексии влияния «фоновых» характеристик планов.

Несмотря на возможность четко верифицировать влияние выделенных детерминант, исследования обыденных моральных суждений о войнах с экспериментальным подходом не предназначены для индуктивного выявления новых факторов и не дают доступа к субъективным смыслам, которые придают респонденты своим оценкам. На суждения о морали войны влияют устойчивые индивидуальные установки [33] и культурные ресурсы, отличные в разных контекстах [19] – факторы, которые остаются за рамками экспериментального дизайна. Более того, исследования, ограничивающиеся экспериментальным подходом, как правило, фиксируют наличие тех или иных характеристик обыденных суждений (например, расхождения с нормами международного права), но не объясняют причин их возникновения. В отличие от них, работы, использующие смешанные стратегии, способны выявлять более сложные взаимосвязи – в частности, показывать, как одобрение нарушения гуманитарного права связано с восприятием противника [28]. Таким образом, опора исключительно на экспериментальный метод сужает объяснительные возможности исследования и ограничивает понимание факторов, формирующих обыденные моральные суждения о войне.

Еще одно системное ограничение экспериментального подхода в исследовании обыденных моральных суждений о войнах касается экологической валидности гипотетических сценариев и генерализуемости полученных результатов за пределы лабораторных условий и ограниченного культурного контекста. Суждения о гипотетических сценариях могут отличаться от тех, что

формируются в условиях реального конфликта: абстрактные и реалистичные виньетки активируют разные механизмы морального оценивания, а испытуемые могут давать социально ожидаемые ответы или, наоборот, хуже контролировать свои импульсы в абстрактной ситуации [31]. В реальности люди принимают решения в условиях информационной перегрузки, эмоционального стресса и группового давления [37], что не всегда улавливается чистым экспериментальным подходом. Влияние группового давления, в частности, уже продемонстрировано на примере отношения к нарушению законов войны [6]. К этому добавляется проблема ограниченного характера выборок: большинство исследований базируется на американских респондентах и привязано к американскому историческому контексту, что описывает прежде всего решения граждан США в ситуациях, актуальных для американских военных операций [28; 6].

Таким образом, часть ограничений описываемых исследований, такие как фокус на расхождениях с нормативными моделями и ограниченность культурного контекста, закономерно вытекают из параметров исследовательских планов, выделенных в предложенной типологии. Другие ограничения, такие как неспособность экспериментального подхода индуктивно выявлять новые факторы и интерпретировать субъективные смыслы, а также проблема экологической валидности, укоренены в природе самого метода и не могут быть преодолены исключительно за счет варьирования параметров исследовательских планов. Возможные пути преодоления описываемых ограничений будут подробнее рассмотрены в выводах.

Выводы

Экспериментальные исследования обыденных моральных суждений о войне, несмотря на дисциплинарную и методическую разрозненность, могут быть систематизированы через типоло-

гию исследовательских планов, охватывающую объект оценки, степень реалистичности сценария, способ предъявления условий и роль нормативных моделей. На основании сопоставления результатов рассмотренных работ мы выдвигаем гипотезу о том, что фиксируемые характеристики обыденных суждений (приверженность нормам гуманитарного права, партикуляризм, ретрибутивизм и баланс деонтологической и консеквенциалистской логик) не являются устойчивыми свойствами обыденной морали, а систематически модулируются параметрами исследовательского плана. Этот тезис носит характер обоснованной гипотезы, и его проверка требует систематического обзора с метаанализом количественных эффектов. Нами выявлены ограничения экспериментального подхода, такие как асимметричная оптика „расхождений“, ограниченная объяснительная способность относительно субъективных смыслов и культурных ресурсов, низкая экологическая валидность и узость культурной базы выборок.

Преодоление выявленных методологических ограничений видится на пути обращения к альтернативным и смешанным исследовательским подходам. Так, ограниченная объяснительная сила экспериментального подхода в трактовке причин обнаруженных расхождений требует активного заимствования концептуального аппарата и гипотез из области моральной психологии [3; 16], изучающей когнитивные и аффективные основы моральных оценок. Ограниченность экспериментального подхода в выявлении новых детерминант обыденных суждений может быть компенсирована использованием качественных методов и индуктивного анализа, направленных на реконструкцию культурных ресурсов и имплицитных логик обоснования [20; 7; 19]. Расширение кросс-культурной базы исследований за счёт межстрановых сравнений и обращения к разнообразным выборкам позволит выявить универсальные характеристики обыденных суждений о морали в войнах [36; 9] за пределами конкретных культурных контекстов. Наконец, проблема искусственности

и оторванности гипотетических сценариев от реальности требует смещения фокуса на изучение суждений непосредственных участников и свидетелей военных конфликтов, чей опыт предоставляет уникальный материал для анализа моральных дилемм в условиях экстремального стресса и ответственности [38].

Таким образом, проведенный анализ не только вносит вклад в систематизацию и осмысление развивающейся области исследований, но и намечает конкретные пути ее методологического обогащения. Дальнейший прогресс в этой области связан с методологическим плюрализмом и готовностью к интеграции разнообразных исследовательских перспектив, что позволит преодолеть существующие объяснительные тупики и построить более полную модель формирования обыденных моральных суждений о войне. Понимание того, как обычные люди осмысляют моральность войн, имеет прямое практическое значение: оно позволяет прогнозировать общественную поддержку или сопротивление военным операциям, выявлять зоны потенциального конфликта между общественным мнением и международно-правовыми обязательствами, а также корректировать стратегии легитимации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гроций Г.* О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Пер. с лат. А. Л. Саккетти; под общ. ред. С. Б. Крылова. Репринт. воспроизведение изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с. ISBN 5-86218-149-0.

2. *Милль Д. С.* Несколько слов о невмешательстве / Пер. с англ. А. Куманькова, Д. Чагановой // Социологическое обозрение. 2020, т. 19, № 3. С. 281–299. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-281-299. EDN: HCLSEY.

3. *Watkins H. M.* The Morality of War: A Review and Research Agenda // Perspectives on Psychological Science. 2020, vol. 15, № 2. P. 231–249. DOI: 10.1177/1745691619885872.

4. *Baum M. A., Groeling T.* Reality asserts itself: Public opinion on Iraq and the elasticity of reality // International Organization. 2010, vol. 64, № 3. P. 443–479. DOI: 10.1017/S0020818310000172.

5. *Bloch-Elkon Y.* Studying the media, public opinion, and foreign policy in international crises: The United States and the Bosnian crisis, 1992–1995 // Harvard International Journal of Press/Politics. 2007, vol. 12, № 4. P. 20–51. DOI: 10.1177/1081180X07307184.

6. *Carpenter C., Montgomery A. H., Nylen A.* Breaking Bad? How Survey Experiments Prime Americans for War Crimes // Perspectives on Politics. 2021, vol. 19, № 3. P. 912–924. DOI: 10.1017/S1537592720002376.

7. *Smith P.* Codes and conflict: Toward a theory of war as ritual // Theory and Society. 1991, vol. 20, № 1. P. 103–138. DOI: 10.1007/BF00160735.

8. *Maxey S.* The Power of Humanitarian Narratives: A Domestic Coalition Theory of Justifications for Military Action // Political Research Quarterly. 2020, vol. 73, № 3. P. 680–695. DOI: 10.1177/1065912919852169.

9. *Stein R. M.* War and Revenge: Explaining Conflict Initiation by Democracies // American Political Science Review. 2015, vol. 109, № 3. P. 556–573. DOI: 10.1017/s0003055415000301.

10. *Cooper Drury A., Marvin Overby L., Ang A., Yitan Li.* "Pretty Prudent" or Rhetorically Responsive? The American Public's Support for Military Action // Political Research Quarterly. 2010, vol. 63, № 1. P. 83–96. DOI: 10.1177/1065912908327230.

11. *Sagan S. D., Valentino B. A.* Not Just a War Theory: American Public Opinion on Ethics in Combat // International Studies Quarterly. 2018, vol. 62, № 3. P. 548–561. DOI: 10.1093/isq/sqy033.

12. *Dill J., Schubiger L. I.* Attitudes toward the Use of Force: Instrumental Imperatives, Moral Principles, and International Law // American Journal of Political Science. 2021, vol. 65, № 3. P. 612–633. DOI: 10.1111/ajps.12635.

13. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с. ISBN 978-5-88873-036-1.

14. *Haidt J.* The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // Psychological Review. 2001, vol. 108, № 4. P. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295x.108.4.814.

15. Брукмайер К. Реконфигурация форм обыденного и научного знания об обществе: дискурс трансдисциплинарности // Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации: монография / Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 121–146.

16. *Guglielmo S.* Moral judgment as information processing: An integrative review // Frontiers in Psychology. 2015, vol. 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01637.

17. *Benbaji Y., Falk A., Feldman Y.* Commonsense Morality and the Ethics of Killing in War: An Experimental Survey of the Israeli Population (SSRN Scholarly Paper 2094022) // Social Science Research Network, 2014. DOI: 10.2139/ssrn.2094022.

18. *Graham J., Haidt J., Nosek B. A.* Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. 2009, vol. 96, № 5. P. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141.

19. *Гаджиев А., Даутова Т. Е.* Нарративные жанры и культурные ресурсы обыденных обоснований войны в Афганистане (1979–1989) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025, т. 17, № 1. С. 42–62. DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.3.

20. *Bourke J.* An Intimate History of Killing: Face to Face Killing in Twentieth Century Warfare. New York: Basic Books, 2010. 509 p.

21. *Malle B. F.* Moral Judgments // Annual Review of Psychology. 2021, vol. 72. P. 293–318. DOI: 10.1146/annurev-psych-072220-104358.

22. *Cushman F., Young L., Hauser M.* The Role of Conscious Reasoning and Intuition in Moral Judgment: Testing Three Principles of Harm // Psychological Science. 2006, vol. 17, № 12. P. 1082–1089. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2006.01834.x.

23. *Mikhail J.* Elements of Moral Cognition: Rawls' Linguistic Analogy and the Cognitive Science of Moral and Legal Judgment. Cambridge University Press, 2011. 432 p. ISBN 9781107377165.

24. Experimental Philosophy / ed. by J. Knobe, S. Nichols Oxford University Press, 2008. 244 p. ISBN 978-0195323269.

25. *Hauser M. D.* Moral Minds: How Nature Designed Our Universal Sense of Right and Wrong. Ecco/HarperCollins, 2006. 512 p. ISBN 978-0060780708.

26. *Konow J.* Which Is the Fairest One of All? A Positive Analysis of Justice Theories // Journal of Economic Literature. 2003, vol. 41, № 4. P. 1188–1239. DOI: 10.1257/002205103771800013.

27. *Девятко И. Ф.* О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной реальности // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2009, № 29. С. 10–29. EDN: KNOYLR.

28. *Sagan S. D., Valentino B. A.* Revisiting Hiroshima in Iran: What Americans Really Think about Using Nuclear Weapons and Killing Noncombatants // International Security. 2017, vol. 42, № 1. P. 41–79. DOI: 10.1162/ISEC_a_00284.

29. *Walzer M.* Arguing about War. New Haven & London: Yale University, 2006. 208 p. ISBN 978-0300109788.

30. *Cuce X.* Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах / Пер. с норв. М.: Весь Мир, 2007. 176 с. ISBN 978-5-7777-0379-8.

31. *Sagan S. D., Valentino B. A.* Just War and Unjust Soldiers: American Public Opinion on the Moral Equality of Combatants // Ethics & International Affairs. 2019, vol. 33, № 4. P. 411–444. DOI: 10.1017/S0892679419000431.

32. Do Moral Judgments of War Support the Principle of Combatant Equality? What Empirical Studies Tells Us A Moral Psychology Study of Just War Theory // Just

Security [site]. 2019. URL: https://www.justsecurity.org/65997/do-moral-judgments-of-war-support-the-principle-of-combatant-equality-what-empirical-studies-tells-us/ (date of access: 25.09.2025).

33. *Lee C. A.* Polarization, casualty sensitivity, and military operations: Evidence from a survey experiment // International Politics (Hague, Netherlands). 2022, vol. 59, № 5. P. 981–1003. DOI: 10.1057/s41311-022-00378-9.

34. *Dill J., Sagan S. D., Valentino B. A.* Kettles of Hawks: Public Opinion on the Nuclear Taboo and Noncombatant Immunity in the United States, United Kingdom, France, and Israel // Security Studies. 2022, vol. 31, № 1. P. 1–31. DOI: 10.1080/09636412.2022.2038663.

35. *Chilton A.* The Laws of War and Public Opinion: An Experimental Study (SSRN Scholarly Paper 2439428) // Social Science Research Network, 2015. DOI: 10.2139/ssrn.2439428.

36. *Ginges J., Atran S.* War as a moral imperative (not just practical politics by other means) // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2011. DOI: 10.1098/rspb.2010.2384.

37. *Lewandowsky S., Ecker U. K. H., Cook J.* Beyond misinformation: Understanding and coping with the "post-truth" era // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. 2017, vol. 6, № 4. P. 353–369. DOI: 10.1016/j.jarmac.2017.07.008.

38. *Frankfurt S. B., Coady A.* Judgments of Morality in War: Commentary on Watkins (2020) // Perspectives on Psychological Science. 2021, vol. 16, № 6. P. 1456–1460. DOI: 10.1177/1745691621991881.

Сведения об авторе

Гаджиев Акиф

Аспирант кафедры анализа социальных институтов
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

SPIN-код: 9575-1732

AuthorID: 1080965

Статья поступила в редакцию: 20.03.2026 г.

Статья принята к публикации: 05.06.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.4

ANALYTICAL REVIEW OF EXPERIMENTAL STUDIES OF ORDINARY MORAL JUDGMENTS ABOUT WAR

Gajiyev Akif
HSE University, Moscow, Russia
akifka21@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6273-3398

For citation: Gajiyev A. Analytical review of experimental studies of ordinary moral judgments about war. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling),* 2026, vol. 35, no. 2(63), p. 131-163. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.4.

Abstract. This article presents an overview of experimental studies comparing ordinary moral judgments about wars with normative models (international humanitarian law and just war theory). Based on an analysis of works in this area, a typology of research designs is proposed based on four key parameters: the object of assessment, the degree of scenario realism, the method of presenting conditions, and the role of normative models in design. The proposed typology serves as an analytical tool for explaining the inconsistency of research findings regarding the characteristics of ordinary moral judgments about wars. The advantages of the experimental approach in establishing the determinants of judgments are identified, as well as its limitations associated with the artificiality of the scenarios and the focus on discrepancies with normative theories. Prospects for overcoming these limitations through methodological pluralism and an appeal to non-experimental research strategies are outlined.
Keywords: ordinary moral judgments, normative models, experimental research, vignette technique, sociology of morality, moral psychology, international humanitarian law, just war theory.

References

1. Grotius H. *O prave vojny i mira: tri knigi, v kotoryh ob”yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava*

[On the Law of War and Peace: Three Books Explaining Natural Law and the Law of Nations, and the Principles of Public Law] (transl., in Russian), ed. by S. B. Krylov. Reprinted from the 1956 edition. Moscow: Ladomir, 1994. 868 p. ISBN 5-86218-149-0.

2. Mill D.S. A Few Words on Non-Intervention (transl., in Russian), *Russian Sociological Review*, 2020, vol. 19, no 3, p. 281–299. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-281-299.
3. Watkins H.M. The Morality of War: A Review and Research Agenda, *Perspectives on Psychological Science*, 2020, vol. 15, no. 2, p. 231–249. DOI: 10.1177/1745691619885872.
4. Baum M.A., Groeling T. Reality asserts itself: Public opinion on Iraq and the elasticity of reality, *International Organization*, 2010, vol. 64, no. 3, p. 443–479. DOI: 10.1017/S0020818310000172.
5. Bloch-Elkon Y. Studying the media, public opinion, and foreign policy in international crises: The United States and the Bosnian crisis, 1992–1995, *Harvard International Journal of Press/Politics*, 2007, vol. 12, no. 4, p. 20–51. DOI: 10.1177/1081180X07307184.
6. Carpenter C., Montgomery A.H., Nylen A. Breaking Bad? How Survey Experiments Prime Americans for War Crimes, *Perspectives on Politics*, 2021, vol. 19, no. 3, p. 912–924. DOI: 10.1017/S1537592720002376.
7. Smith P. Codes and conflict: Toward a theory of war as ritual, *Theory and Society*, 1991, vol. 20, no. 1, p. 103–138. DOI: 10.1007/BF00160735.
8. Maxey S. The Power of Humanitarian Narratives: A Domestic Coalition Theory of Justifications for Military Action, *Political Research Quarterly*, 2020, vol. 73, no. 3, p. 680–695. DOI: 10.1177/1065912919852169.
9. Stein R.M. War and Revenge: Explaining Conflict Initiation by Democracies, *American Political Science Review*, 2015, vol. 109, no. 3, p. 556–573. DOI: 10.1017/s0003055415000301.
10. Cooper Drury A., Marvin Overby L., Ang A., Yitan Li. “Pretty Prudent” or Rhetorically Responsive? The American Public’s Support for Military Action, *Political Research Quarterly*, 2010, vol. 63, no. 1, p. 83–96. DOI: 10.1177/1065912908327230.
11. Sagan S.D., Valentino B.A. Not Just a War Theory: American Public Opinion on Ethics in Combat, *International Studies Quarterly*, 2018, vol. 62, no. 3, p. 548–561. DOI: 10.1093/isq/sqy033.
12. Dill J., Schubiger L.I. Attitudes toward the Use of Force: Instrumental Imperatives, Moral Principles, and International Law, *American Journal*

of Political Science, 2021, vol. 65, no. 3, p. 612–633. DOI: 10.1111/ajps.12635.
13. Durkheim E. *The Division of Labor in Society* (transl., in Russian), notes by V. V. Sapov. Moscow: Kanon, 1996. 432 p. ISBN 978-5-88873-036-1.
14. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment, *Psychological Review*, 2001, vol. 108, no. 4, p. 814–834. DOI: 10.1037/0033-295x.108.4.814.
15. Bruckmeyer K. "Rekonfiguraciya form obydennogo i nauchnogo znaniya ob obshchestve: diskurs transdisciplinarnosti [Reconfiguring the forms of everyday and scientific knowledge about society: the discourse of transdisciplinarity]" (in Russian), in: *Obydennoe i nauchnoe znanie ob obshchestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguracii: monografiya [Everyday and scientific knowledge about society: mutual influences and reconfigurations: monograph]*, ed by I. F. Devyatko, R. N. Abramov, I. V. Katerny. Moscow: Progress-Tradiciya, 2015, p. 121–146.
16. Guglielmo S. Moral judgment as information processing: An integrative review, *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. 6. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01637.
17. Benbaji Y., Falk A., Feldman Y. Commonsense Morality and the Ethics of Killing in War: An Experimental Survey of the Israeli Population (SSRN Scholarly Paper 2094022), *Social Science Research Network*, 2014. DOI: 10.2139/ssrn.2094022.
18. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations, *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, vol. 96, no. 5, p. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141.
19. Gajiyev A., Dautova T.E. Narrative Genres and Cultural Resources of Ordinary Justification of the Soviet War in Afghanistan (1979–1989) (in Russian), *Interaction. Interview. Interpretation*, 2025, vol. 17, no. 1, p. 42–62. DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.3.
20. Bourke J. *An Intimate History of Killing: Face to Face Killing in Twentieth Century Warfare*. New York: Basic Books, 2010. 509 p.
21. Malle B.F. Moral Judgments, *Annual Review of Psychology*, 2021, vol. 72, p. 293–318. DOI: 10.1146/annurev-psych-072220-104358.
22. Cushman F., Young L., Hauser M. The Role of Conscious Reasoning and Intuition in Moral Judgment: Testing Three Principles of Harm,

Psychological Science, 2006, vol. 17, no. 12, p. 1082–1089. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2006.01834.x.

23. Mikhail J. *Elements of Moral Cognition: Rawls' Linguistic Analogy and the Cognitive Science of Moral and Legal Judgment*. Cambridge University Press, 2011. 432 p. ISBN 9781107377165.
24. *Experimental Philosophy*, ed. by J. Knobe , S. Nichols. Oxford University Press, 2008. 244 p. ISBN 978-0195323269.
25. Hauser M.D. *Moral Minds: How Nature Designed Our Universal Sense of Right and Wrong*. Ecco/HarperCollins, 2006. 512 p. ISBN 978-0060780708.
26. Konow J. Which Is the Fairest One of All? A Positive Analysis of Justice Theories, *Journal of Economic Literature*, 2003, vol. 41, no. 4, p. 1188–1239. DOI: 10.1257/002205103771800013.
27. Deviatko I.F. On Theoretical Models Explaining the Perception of Justice on Micro, Meso and Macro Levels of Social Reality (in Russian), *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*, 2009, no. 29, p. 10–29.
28. Sagan S.D., Valentino B.A. Revisiting Hiroshima in Iran: What Americans Really Think about Using Nuclear Weapons and Killing Noncombatants, *International Security*, 2017, vol. 42, no. 1, p. 41–79. DOI: 10.1162/ISEC_a_00284.
29. Walzer M. *Arguing about War*. New Haven & London: Yale University, 2006. 208 p. ISBN 978-0300109788.
30. Sise H. *Spravedlivaya vojna? O voennoj moshchi, etike i idealah [Just War? On Military Power, Ethics, and Ideals]* (transl., in Russian). Moscow: Ves' Mir, 2007. 176 p. ISBN 978-5-7777-0379-8.
31. Sagan S.D., Valentino B.A. Just War and Unjust Soldiers: American Public Opinion on the Moral Equality of Combatants, *Ethics & International Affairs*, 2019, vol. 33, no. 4, p. 411–444. DOI: 10.1017/S0892679419000431.
32. Do Moral Judgments of War Support the Principle of Combatant Equality? What Empirical Studies Tells Us A Moral Psychology Study of Just War Theory, *Just Security* [site], 2019. URL: https://www.justsecurity.org/65997/do-moral-judgments-of-war-support-the-principle-of-combatant-equality-what-empirical-studies-tells-us/ (date of access: 25.09.2025).

33. Lee C.A. Polarization, casualty sensitivity, and military operations: Evidence from a survey experiment, *International Politics (Hague, Netherlands)*, 2022, vol. 59, no. 5, p. 981–1003. DOI: 10.1057/s41311-022-00378-9.
34. Dill J., Sagan S.D., Valentino B.A. Kettles of Hawks: Public Opinion on the Nuclear Taboo and Noncombatant Immunity in the United States, United Kingdom, France, and Israel, *Security Studies*, 2022, vol. 31, no. 1, p. 1–31. DOI: 10.1080/09636412.2022.2038663.
35. Chilton A. The Laws of War and Public Opinion: An Experimental Study (SSRN Scholarly Paper 2439428), *Social Science Research Network*, 2015. DOI: 10.2139/ssrn.2439428.
36. Ginges J., Atran S. War as a moral imperative (not just practical politics by other means), *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences,* 2011. DOI: 10.1098/rspb.2010.2384.
37. Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Cook J. Beyond misinformation: Understanding and coping with the "post-truth" era, *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 2017, vol. 6, no. 4, p. 353–369. DOI: 10.1016/j.jarmac.2017.07.008.
38. Frankfurt S.B., Coady A. Judgments of Morality in War: Commentary on Watkins (2020) // *Perspectives on Psychological Science,* 2021, vol. 16, № 6. P. 1456–1460. DOI: 10.1177/1745691621991881.

Information about the authors

Akif Gajiyev
Graduate Student, Department of Analysis of Social Institutions, HSE University
SPIN-code: 9575-1732
AuthorID: 1080965

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.5
EDN: SXGIRC

ОБ ОДНОМ ВОЗМОЖНОМ ПОДХОДЕ К ПОСТРОЕНИЮ ИНДЕКСА ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Самун Мохаммад Харун
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
haroon.samun@gmail.com
ORCID: 0009-0003-8155-0599

Для цитирования: *Самун М. Х.* Об одном возможном подходе к построению индекса исламского фундаментализма // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 2(63). С. 164-180. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.5. EDN: SXGIRC.

В статье обосновывается подход к измерению исламизма и исламского фундаментализма в качестве социальных феноменов. Автор показывает, что прямое социологическое измерение исламского фундаментализма через традиционные опросы наталкивается на такую методологическую трудность, как доктрина «такийи» (благоразумное сокрытие веры).

Кроме того, любое социологическое измерение по своей природе индуктивно: валидность индикаторов устанавливается не дедуктивным выводом из теории, а множеством эмпирических проверок. Выход из данной ситуации автор видит в отказе от построения теоретической модели «идеального типа» фундаменталиста в пользу сугубо эмпирического прогностического индекса. Ключевой принцип: отбирать вербальные индикаторы не по их содержательной очевидности, а на основе устойчивой статистической корреляции с внешним объективным критерием — частотой террористических инцидентов в стране или регионе. Предлагаемая процедура включает три этапа. Первый — агрегирование опросных данных на страновом уровне. Второй — корреляционный анализ всех доступных суждений с официальной статистикой терроризма. Третий — включение в финальную модель только тех пунктов,

чья связь превышает заданный порог значимости. В этом случае валидность индекса не постулируется априори, а буквально извлекается из сонаправленности его колебаний с данными официальной статистики.

Такой подход позволяет преодолеть методический тупик прямых измерений и предлагает реалистичную стратегию диагностики рисков на агрегированном уровне. При этом автор подчеркивает, что предложенный индекс не отменяет необходимости последующего качественного анализа, а служит инструментом первичной ориентации и фильтрации данных. Индекс понимается не как теоретическая конструкция, а как форма организации эмпирического опыта, ориентированная на практические задачи прогнозирования и управления.

Ключевые слова: исламский фундаментализм, исламизм, социологическое измерение, индуктивная стратегия, такийя, индекс, прогнозирование социального поведения, терроризм, вербальные индикаторы, агрегированные данные

Введение

Исламизм и исламский фундаментализм — понятия, допускающие разнообразные трактовки, в том числе вполне нейтральные, например, соотносящие их с программой политических реформ в исламском духе (исламизм) и строгого следования как можно более древним исламским установлениям (фундаментализм) [1; 2; 3]. Однако в современном европеизированном мире оба понятия имеют явную негативную окраску за счет связывания их с религиозно мотивированной агрессией и терроризмом. Не вдаваясь далеко в дискуссию о том, насколько такое связывание оправдано, заметим, что истинным генератором религиозного насилия вполне может быть не исламистская идеология сама по себе, а, например, выражаемый в ней протест против социального неравенства, созданного в империалистической мировой системе [4; 5], а то и сама эта система. Например, ставшая символом исламского терроризма атака против США 11 сентября 2001 года произошла всего через 10 лет после того,

как именно США завершили длительное и преднамеренное разрушение светского государства в Афганистане, вытеснив оттуда СССР на максимально выгодных для себя (как им тогда казалось) условиях [6]. Аналогично, именно американские действия против Саддама Хуссейна привели к созданию ИГИЛ* [7], и т.д.

Но независимо от того, является ли радикальный ислам первопричиной насилия или только его идеологической «оберткой», он представляет значительный интерес в качестве объекта социального управления. Так как, во-первых, сопряженность исламского радикализма и терроризма в современном мире не вызывает сомнений, какую бы природу она ни имела. А во-вторых, наличие такой сопряженности означает особую релевантность именно радикального ислама, даже если он используется лишь в качестве средства легитимации насилия, а не служит его триггером или мотиватором. Значит исламизм и исламский фундаментализм как социальные явления нуждаются в контроле и регулировании. Однако решение этой задачи сталкивается с классической проблемой диагностики: чтобы чем-то управлять, необходимо хорошо себе представлять, как это что-то выглядит, в каких направлениях меняется и по каким внутренним законам [8]. Иными словами, мы должны научиться хорошо измерять исламизм и исламский фундаментализм в качестве социальных феноменов. В этих условиях повышается актуальность поиска различных подходов к измерению исламизма и фундаментализма. Обоснованию одного из таких подходов и посвящена наша статья.

Проблема прямого социологического измерения

Социологическое измерение как таковое, то есть перевод эмпирической системы отношений (ЭСО) в числовую (ЧСО), требует спецификации этой самой эмпирической системы [9].

* Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

В случае с исламизмом и исламским фундаментализмом отношения, которые требуется отразить в ЧСО, возникают внутри сознания мусульман. Но прямого доступа к сознанию других людей ни у одного исследователя пока нет. Мы можем лишь фиксировать определенные продукты сознательной деятельности — тексты, артефакты, поведенческие акты, вербализованные реакции и т.п. Как правило, эти продукты не создаются с измерительными целями и, соответственно, не предназначены для диагностирования их авторов в качестве носителей определенной идеологии или системы ценностей. Для того, чтобы осуществить такое диагностирование, нам необходимо вступить с индивидами — носителями системы ценностей в особое социальное взаимодействие [10]. Например, попросить заполнить анкету. Но для того, чтобы анкета нечто измеряла, респонденты должны не просто сотрудничать с нами, но и, так сказать, «играть по нашим правилам» — понимать вопросы именно так, как мы рассчитываем, они будут их понимать, и отвечать на них искренне [11]. Для того, чтобы мы могли напрямую измерить фундаментализм на индивидуальном уровне, респонденты должны демонстрировать такие признаки вербальных реакций, которые мы могли бы однозначно отнести к фундаментализму. Но это одновременно означает, что однозначность отнесения этих признаков может быть (или даже скорее должна быть) очевидна и для самих респондентов. То есть они должны быть готовы показать себя фундаменталистами.

И тут-то и кроется самая главная, и теоретико-методологическая, и управленческая проблема, глубоко связанная с содержанием ислама как системы мысли. Дело в том, что она включает в себя концепцию, известную как «такийя» — благоразумное сокрытие веры перед лицом мира, враждебного учению Пророка [12]. Дискутируемая среди богословов различных школ с точки зрения применимости в разных ситуациях, «такийя» все же признается как хотя бы временно допустимая практика

всеми без исключения основными течениями ислама. Если рассматривать религиозный фундаментализм как противопоставление «истинных» религиозных установлений искажающей их современности, западному глобализму, постмодерну и «обществу потребления» [13; 14; 15], то мы получаем ситуацию самоусиливающегося «парадокса ЛаПьера»: чем более радикально настроен исламский фундаменталист, тем с большей вероятностью он должен прибегать к практике «такийи», то есть обманывать всех окружающих, которых не воспринимает в качестве своих соратников по вере. Иными словами, все традиционные инструменты прямого социологического измерения, основанные на вербальных самоотчетах, оказываются заведомо плохо применимы к исламскому фундаментализму. Поэтому актуальными становятся косвенные подходы.

Косвенные измерения как индуктивная стратегия

Если мы признаем, что, в отличие от прямых измерений в естественных науках (длина, масса), социология вообще, а не только в случае с исламским фундаментализмом, весьма редко имеет дело с непосредственно наблюдаемыми величинами, что мы не можем измерить «религиозность» так же прямо, как температуру, то должны будем решать проблему индуктивного разрыва между индикатором и конструктом. Когда исследователь конструирует индикатор, например, шкалу престижа профессии, он исходит не из строгой математической модели, связывающей «реальный» престиж, существующий в социальном мире, с ответами на эту шкалу в искусственно созданной ситуации интервью, а скорее из эмпирически наблюдаемой (индуктивной, известной исследователю на самом деле скорее из интроспекции) корреляции между восприятием человека и его вербальным поведением [16]. Никакая дедуктивная теория не может a priori

доказать, что ответы на определенную шкалу престижа будут действительно достаточно хорошо отражать престиж как латентную переменную. Таким образом, каждая шкала, фактически, складывается исторически, в результате множества эмпирических исследований, демонстрировавших устойчивые связи вербального поведения и различных социальных феноменов [17]. Иными словами, структура индикатора ретроспективно детерминируется собранными данными, а не доопытной теорией.

Индуктивную стратегию мы наблюдаем и в таком широко применяемом способе построения индикаторов как их конструирование на основе эксплораторного факторного анализа [18, с. 152-156]. Суть этого метода глубоко индуктивна: у нас есть множество переменных, и мы ищем скрытые факторы, которые объясняют ковариацию ответов респондентов. Математическая процедура «извлекает» факторы из матрицы корреляций, то есть структура индекса индуцируется самой природой данных. Мы не накладываем структуру на данные (дедукция), а позволяем данным проявить структуру (индукция). Исследователь формулирует гипотезу о существовании фактора постфактум, анализируя, какие именно переменные-индикаторы образовали этот фактор. Это классический индуктивный скачок от эмпирического многообразия к теоретическому единству.

Даже там, где созданию набора эмпирических индикаторов предшествует их операционализация, последняя на деле является селективной индукцией, так как социологическая теория, как правило, не содержит закрытого и исчерпывающего перечня эмпирических индикаторов [19, p. 41]. Исследователь вынужден «добывать» этот перечень, анализируя предыдущий опыт. Более того, если теория предполагает связь понятий А и Б, а индикаторы этого не показывают, то часто корректируют не теорию, а индикаторы (меняют их содержание, веса, способ агрегации) до тех пор, пока эмпирическая картина не совпадет с ожидаемой [20, с. 359-368]. Таким образом, индуктивный подход, движимый

не теоретическими соображениями о природе латентной переменной, а реальными доступными исследователю данными — это не просто возможная альтернатива в косвенном социологическом измерении, но его реально работающая стратегия. Это позволяет нам рассмотреть построение индекса исламского фундаментализма как индуктивную задачу.

Индуктивное построение индекса исламского фундаментализма

Примем в качестве вывода из предыдущего обсуждения, что индекс — это не прибор, реализующий теорию, а форма организации эмпирического опыта. Это наилучшая из доступных нам гипотез о том, как связаны между собой разрозненные проявления ненаблюдаемого свойства, проверяемая и модифицируемая исключительно через новое обращение к эмпирике. Именно в этом смысле построение социологических индексов является не просто примером, но и высшей формой проявления индуктивной стратегии в научном познании общества.

Яркие примеры индуктивных индексов мы находим в современной «цифровой социологии». Например, построение индексов качества жизни в определенной местности на основе анализа ее фотографий из Интернета (цветовая гамма, наличие людей и т.п.) или «цифровых следов» проживающих там людей — это радикальная индукция [21; 22]. Алгоритм машинного обучения находит паттерны пикселей или записей о сетевом поведении, которые коррелируют с данными, например, медицинской статистики. Полученные индексы являются чистым эмпирическим обобщением. Никакой социолог не может априорно вывести, то, что, например, затемнение углов фотографии является валидным индикатором психического нездоровья. Связь индикатора и конструкта здесь сугубо индуктивна, вероятностна и установлена «снизу», от данных.

Установление этих связей требует накопления огромного массива эмпирических корреляций, с помощью которых мы не выводим валидность индекса логически из его определения, а индуктивно убеждаемся в том, что созданная операциональная метрика ведет себя так, как «должна была бы» вести себя теоретическая сущность. Индекс валиден не потому, что мы его правильно спроектировали, а потому, что опыт это подтвердил.

Часто в социологии используется наивная индуктивная презумпция равенства весов (каждому индикатору в индексе присваивается значение «1»). Это решение не вытекает из теории, а оправдывается исключительно апостериорной проверкой: если индекс с равными весами коррелирует с интересующими нас зависимыми переменными так же хорошо, как и сложный индекс, значит, допущение сработало.

При использовании таких методов, как регрессионные модели для определения весов, исследователь полностью полагается на эмпирическую связь между индикатором и внешним критерием. Например, в криминологии при использовании индексов делинквентности веса различным индексам и их компонентам могут присваиваться на основе того, насколько сильно каждый пункт коррелирует с фактическим совершением преступления в выборке [23; 24]. Веса извлекаются из данных. Это радикальная эмпирическая индукция: вес есть функция не теоретической значимости, а статистической прогностической силы, обнаруженной в конкретном массиве.

Развивая эту логику, мы можем поставить задачу построения индекса исламского фундаментализма не как теоретической модели «идеального типа» фундаменталиста, а как сугубо эмпирического инструмента, нацеленного на поиск коррелятов (например, вербальных реакций, отраженных в массовых опросах) тех проявлений, которые нуждаются в социальном контроле, прежде всего — террористического насилия. В таком случае мы отказываемся от априорного определения «глубинной сущности» фун-

даментализма. Вместо этого мы принимаем прагматический критерий: фундаментализм есть то, что при определенных условиях статистически сопряжено с наблюдаемыми актами политического и религиозного насилия, фиксируемыми официальными базами данных. Задача такого индекса — не измерить «уровень ортодоксии», а предсказать вероятность перехода носителя определенных вербально выраженных установок к действиям, классифицированным государством как террористические. В этом смысле индекс соответствует векторной модели социального поведения [25].

Исходным материалом для такого индекса могут служить крупномасштабные опросные массивы (например, World Values Survey), в которых респонденты выражают согласие или несогласие с определенными суждениями. Из тысяч доступных переменных мы отбираем только те пункты, которые демонстрируют устойчивую, статистически значимую корреляцию с внешним критерием — не с «религиозностью вообще» и не с «политическим консерватизмом», а именно с частотой террористических инцидентов в стране или регионе проживания респондента, контролируемой на уровне агрегированных данных. Построенный таким образом индекс является чистой формой радикальной индукции. Его конструктная валидность не постулируется, а извлекается из сонаправленности его колебаний с кривыми официальной статистики.

Процедура построения такого индекса фундаментализма выглядит следующим образом. Сначала определяется перечень стран и временных периодов, по которым имеются как репрезентативные опросные данные, так и надежная статистика террористических актов, совершенных выходцами из этих стран или на их территории. Затем массив опросных данных агрегируется: мы переходим от индивидуальных ответов к страновым или региональным средним либо долям. Каждый доступный вербальный индикатор — суждения типа «Законы шариата должны быть основой законодательства страны» или «Моя религия является един-

ственно верной» — рассматривается как потенциальный элемент индекса. Ни одно суждение не включается в индекс на основании теоретической очевидности его связи с фундаментализмом. Напротив, мы применяем алгоритмический отбор: из всего пула вербальных маркеров в финальную модель включаются только те, чья корреляция (Пирсона или ранговая корреляция Спирмена) с частотой террористических актов на душу населения превышает определенный порог (например, $r \geq 0{,}4$ при $p < 0{,}01$).

Индуктивная логика здесь радикальна: мы не знаем заранее, почему конкретная вербальная формулировка лучше предсказывает насилие, но лишь фиксируем эмпирический факт. Например, обнаруживается, что согласие с тезисом «Религиозные лидеры должны влиять на решения правительства» может предсказывать всплеск насильственных инцидентов лучше, чем прямое одобрение самопожертвования, тогда как тезис о «греховности гомосексуализма» может не обладать предсказательной силой вовсе. Эти связи сугубо индуктивны и вероятностны, установлены «снизу», исходя из данных. Их природа выясняется post factum: возможно, первый тезис является медиатором уровня политизированной мобилизации, а второй — лишь маркером социального консерватизма, не переходящего в политическое насилие.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что прямое социологическое измерение исламского фундаментализма наталкивается на серьезное методическое препятствие — практику «такийи», которая делает традиционные опросные методы заведомо ненадежными при работе с радикально настроенными респондентами. Чем выше уровень фундаменталистских убеждений, тем вероятнее, что их носитель будет скрывать эти убеждения от «внешнего» мира, что создает парадоксальную ситуацию: наиболее релевантный объект измерения оказывается наименее доступным для прямого изучения.

Выход из этого методического тупика предлагается в переходе от дедуктивных стратегий измерения к индуктивным. Социологическое измерение, как показано в статье, в своей реальной практике всегда в значительной степени индуктивно: индикаторы конструируются не на основе строгой дедуктивной теории, а извлекаются из эмпирических данных, их валидность подтверждается не логическим выводом, а множеством эмпирических проверок. Эксплораторный факторный анализ, регрессионное взвешивание индикаторов, использование «цифровых следов» — всё это примеры радикальной индукции, где структура индекса «проявляется» из самих данных, а не навязывается им априорной теорией.

Развивая эту логику, мы предлагаем строить индекс исламского фундаментализма не как теоретическую модель «идеального типа» фундаменталиста, а как сугубо эмпирический инструмент прогнозирования. Такой индекс должен отбирать вербальные индикаторы не на основании их теоретической очевидности, а исключительно на основе устойчивой статистической корреляции с внешним критерием — частотой террористических инцидентов. В этом случае валидность индекса не постулируется, а извлекается из сонаправленности его колебаний с данными официальной статистики.

Предложенный подход позволяет преодолеть «парадокс ЛаПьера» применительно к исламскому фундаментализму: мы измеряем не то, что респонденты готовы о себе сообщить, а то, что статистически сопряжено с наблюдаемыми действиями. Индекс становится не отражением «теоретической сущности» фундаментализма, а прагматическим инструментом социального управления, позволяющим диагностировать риски на уровне агрегированных данных. Разумеется, такой подход не отменяет необходимости качественного анализа и теоретического осмысления полученных эмпирических связей, но он предлагает реалистичную стратегию измерения там, где прямое социологическое измерение принципиально затруднено.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мирский Г.* Исламский фундаментализм, сунниты и шииты // Мировая экономика и международные отношения. 2008, № 9. С. 3-15. EDN: JKCUAD. DOI: 10.20542/0131-2227-2008-9-3-15.

2. *Семенова О. А.* Исламский фундаментализм как течение политической мысли: генезис, идеи, этапы и тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007, № 1. С. 61-68. EDN: PUZWTN.

3. *Кирина Ю.* К разграничению понятий «Фундаментализм» и «Политический ислам» // Россия и мусульманский мир. 2011, № 7. С. 183-190. EDN: NVUTSX.

4. *Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь Мир, 2006. 221 с. ISBN 978-5-7777-6329-7.

5. *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Исламизм и его роль в современном исламском обществе. М.: Учитель, 2019. 144 с. ISBN 9785705754410.

6. *Арунова М. Р.* Афганская политика США в 1945-1999 гг. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. 127 с. ISBN 5-89394-041-5.

7. *Cockburn P.* The Rise of Islamic State: ISIS** and the New Sunni Revolution. London: Verso, 2015. 172 p. ISBN 9781784780401.

8. *Татарова Г. Г.* Методология анализа данных в социологии. М.: NOTA BENE, 1999. 224 с. ISBN 5-8188-0005-9.

9. *Толстова Ю. Н.* Математическая логика, теория измерений и социологическое «мышление признаками» // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 1998, № 10. С. 122-141.

10. *Бутенко И. А.* Анкетный опрос как общение социолога с респондентами. М.: Высшая школа, 1989. 176 с. ISBN 5-06-000005-2.

11. *Lenzner T.* Effects of survey question comprehensibility on response quality // Field Methods. 2012, vol. 24, № 4. P. 409-428. DOI: 10.1177/1525822X12448166.

12. *Прозоров С. М.* Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004. 470 с. ISBN 5-02-018366-0.

13. *Волобуев А. В.* Постглобализация и грани фундаментализма // Век глобализации. 2021, № 3(39). С. 33-44. EDN: IOBUWP.

14. *Почта Ю. М., Оберемко Т. В.* Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014, № 1. С. 5-19. EDN: QBDZRA.

15. *Бабич Н. С., Батыков И. В.* Общество потребления: опыт моделирования взаимосвязей консюмеризма и религиозности // Социологические исследования. 2022, № 7. С. 97-108. EDN: IWBROD. DOI: 10.31857/S013216250019642-9.

** Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

16. *Cicourel A. V.* Interviews, surveys, and the problem of ecological validity // The American Sociologist. 1982, vol. 17, № 1 (Feb., 1982). P. 11-20.

17. *Schaeffer N. C., Dykema J.* Questions for surveys: current trends and future directions // Public opinion quarterly. 2011, vol. 75, № 5. P. 909-961. DOI: 10.2307/41345917.

18. *Митина О.* Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2013. 235 с. ISBN 978-5-89357-275-9.

19. *Stinchcombe A. L.* Constructing social theories. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 320 p. ISBN 0-226-77484-8.

20. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Акад. Проект, 2008. 475 с. ISBN 978-5-8291-1049-9.

21. *Long Y., Liu L.* How green are the streets? An analysis for central areas of Chinese cities using Tencent Street View // PloS one. 2017, vol. 12, № 2. P. e0171110. DOI: 10.1371/journal.pone.0171110.

22. *Щекотин Е. В.* Цифровые следы как новый источник данных о качестве жизни и благополучии: обзор современных тенденций // Вестник Томского государственного университета. 2021, № 467. С. 170-181. EDN: JPNJIY. DOI: 10.17223/15617793/467/21.

23. *Rankin J. H., Kern R.* Parental attachments and delinquency // Criminology. 1994, vol. 32, № 4. P. 495-515. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1994.tb01163.x.

24. *Grann M., Långström N.* Actuarial assessment of violence risk: To weigh or not to weigh? // Criminal Justice and Behavior. 2007, vol. 34, № 1. P. 22-36. DOI: 10.1177/0093854806290250.

25. *Бабич Н. С., Харун С. М.* Модель вектора решений в прогнозировании социального поведения (на примере вторичного анализа данных предвыборных опросов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024, т. 24, № 4. С. 959-974. EDN: RGLNID. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-959-974.

Сведения об авторе

Самун Мохаммад Харун

Аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН).

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025 г.
Статья принята к публикации: 23.06.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.5

ON A POSSIBLE APPROACH TO CONSTRUCTING AN INDEX OF ISLAMIC FUNDAMENTALISM

Samun Mohammad Haroon
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
haroon.samun@gmail.com
ORCID: 0009-0003-8155-0599

For citation: Samun M. H. On a Possible Approach to Constructing an Index of Islamic Fundamentalism. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 2(63), p. 164-180. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.5.

Abstract. This article substantiates an approach to measuring Islamism and Islamic fundamentalism as social phenomena. The author demonstrates that direct sociological measurement of Islamic fundamentalism through traditional surveys encounters a methodological difficulty: the doctrine of "taqiyya" (prudential concealment of faith).

Furthermore, any sociological measurement is inherently inductive: the validity of indicators is established not by deductive inference from theory, but by multiple empirical tests. The author sees a way out of this situation in abandoning the construction of a theoretical model of the "ideal type" of fundamentalist in favor of a purely empirical predictive index. The key principle is to select verbal indicators not based on their substantive obviousness, but on a stable statistical correlation with an external objective criterion—the frequency of terrorist incidents in a country or region. The proposed procedure includes three stages. The first is the aggregation of survey data at the country level. The second is a correlation analysis of all available judgments with official terrorism statistics. The third approach is to include in the final model only those points whose correlation exceeds a specified significance threshold. In this case, the validity of the index is not postulated a priori, but is literally derived from the correlation between its fluctuations and official statistical data.This approach overcomes the methodological impasse of direct measurements and offers a realistic strategy for diagnosing risks at an aggregate level. The author emphasizes

that the proposed index does not eliminate the need for subsequent qualitative analysis, but rather serves as a tool for initial data orientation and filtering. The index is understood not as a theoretical construct, but as a form of organizing empirical experience, oriented toward practical forecasting and management tasks.

Keywords: Islamic fundamentalism, Islamism, sociological dimension, inductive strategy, taqiyya, index, social behavior forecasting, terrorism, verbal indicators, aggregated data

References

1. Mirskii G. Islamic fundamentalism, Sunni and Shia (in Russian), *World Economy and International Relations,* 2008, no. 9, p. 3-15. DOI: 10.20542/0131-2227-2008-9-3-15.
2. Semenova O.A. Islamic fundamentalism: origin, ideas, development and trends (in Russian), *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Sciences*, 2007, no. 1, p. 61-68.
3. Kirina Yu. K razgranicheniyu ponyatij "Fundamentalizm" i "Politicheskij islam" [On Distinguishing Between the Concepts of «Fundamentalism» and «Political Islam»] (in Russian), *Russia and the Moslem World*, 2011, no. 7, p. 183-190.
4. Malashenko A.V. *The Islamic Alternative and the Islamist Project* (in Russian). Moscow: Ves' Mir, 2006. 221 p. ISBN 978-5-7777-6329-7.
5. Grinin L.E., Korotayev A.V. *Islamism and Its Role in Modern Islamic Society* (in Russian). Moscow: Uchitel', 2019. 144 p. ISBN 9785705754410.
6. Arunova M.R. *Afganskaya politika SSHA v. 1945–1999 gg. [Afghan Policy of the USA in 1945-. 1999]* (in Russian). Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2000. 127 p. ISBN 5-89394-041-5.
7. Cockburn P. *The Rise of Islamic State: ISIS and the New Sunni Revolution.* London: Verso, 2015. 172 p. ISBN 9781784780401.
8. Tatarova G.G. *Metodologiya analiza dannyh v sociologii [Methodology of Data Analysis in Sociology]* (in Russian). Moscow: NOTA BENE, 1999. 224 p. ISBN 5-8188-0005-9.
9. Tolstova Yu.N. Matematicheskaya logika, teoriya izmerenij i sociologicheskoe "myshlenie priznakami" [Mathematical logic, measurement theory, and sociological «attribute-based thinking»]

(in Russian), *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*, 1998, no. 10, p. 122-141.
10. Butenko I.A. *Anketnyj opros kak obshchenie sociologa s respondentami [Questionnaire Survey as Communication Between a Sociologist and Respondents]* (in Russian). Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 176 p. ISBN 5-06-000005-2.
11. Lenzner T. Effects of survey question comprehensibility on response quality, *Field Methods*, 2012, vol. 24, no. 4, p. 409-428. DOI: 10.1177/1525822X12448166.
12. Prozorov S.M. *Islam as an Ideological System* (in Russian). Moscow: Vostochnaya literatura, 2004. 470 p. ISBN 5-02-018366-0.
13. Volobuev A.V. Post-globalization and facets of fundamentalism (in Russian), *Age of Globalization*, 2021, no. 3(39), p. 33-44.
14. Pochta Yu.M., Oberemko T.V. Political significance of Islamic fundamentalism in the postmodern era (in Russian), *RUDN Journal of Political Science*, 2014, no. 1, p. 5-19.
15. Babich N.S., Batykov I.V. Consumer Society: Case of Modeling Relationships Between Consumerism and Religiousness (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya,* 2022, no. 7, p. 97-108. DOI: 10.31857/S013216250019642-9.
16. Cicourel A.V. Interviews, surveys, and the problem of ecological validity, *The American Sociologist*, 1982, vol. 17, no. 1 (Feb., 1982), p. 11-20.
17. Schaeffer N.C., Dykema J. Questions for surveys: current trends and future directions, *Public opinion quarterly*, 2011, vol. 75, no. 5, p. 909-961. DOI: 10.2307/41345917.
18. Mitina O. *Razrabotka i adaptaciya psihologicheskih oprosnikov [Development and Adaptation of Psychological Questionnaires]* (in Russian). Moscow: Smysl, 2013. 235 p. ISBN 978-5-89357-275-9.
19. Stinchcombe A.L. *Constructing social theories.* Chicago: University of Chicago Press, 1987. 320 p. ISBN 0-226-77484-8.
20. Lakatos I. *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki [Selected Works on the Philosophy and Methodology of Science]* (in Russian). Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2008. 475 p. ISBN 978-5-8291-1049-9.
21. Long Y., Liu L. How green are the streets? An analysis for central areas of Chinese cities using Tencent Street View, *PloS one*, 2017, vol. 12, no. 2, p. e0171110. DOI: 10.1371/journal.pone.0171110.

22. Shchekotin E.V. Digital footprints as a new source of data on quality of life and well-being: an overview of current trends (in Russian), *Tomsk State University Journal*, 2021, no. 467, p. 170-181. DOI: 10.17223/15617793/467/21.
23. Rankin J.H., Kern R. Parental attachments and delinquency, *Criminology*, 1994, vol. 32, no. 4, p. 495-515. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1994.tb01163.x.
24. Grann M., Långström N. Actuarial assessment of violence risk: To weigh or not to weigh? *Criminal Justice and Behavior*, 2007, vol. 34, no. 1, p. 22-36. DOI: 10.1177/0093854806290250.
25. Babich N.S., Kharun S.M. Decision vector model in predicting social behavior (on the example of the secondary analysis of the pre-election surveys) (in Russian), *RUDN Journal of Sociology*, 2024, vol. 24, no. 4, p. 959-974. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-959-974.

Information about the author

Mohammad Haroon Samun
Graduate Student of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.6
EDN: SCPQYW

ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ю. Н. ТОЛСТОВОЙ

Бабич Николай Сергеевич
Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
Эл. почта: sociolog@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8697-3038

Для цитирования: *Бабич Н. С.* Проблематика социологического измерения в теоретическом наследии Ю. Н. Толстовой // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 2(63). С. 181-200. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.6. EDN: SCPQYW.

Статья посвящена памяти Юлианы Николаевны Толстовой – выдающегося российского социолога, методолога и одного из основоположников отечественной теории социологического измерения. На основе анализа ее научных трудов рассматриваются ключевые проблемы измерения в социологии, занимавшие центральное место в ее исследованиях на протяжении многих десятилетий. Особое внимание уделяется критике наивного измерительного реализма, ограничениям репрезентационной теории измерений и поиску теоретических оснований для более адекватного описания сложных социальных явлений.

В работе предпринята попытка реконструкции и систематизации идей Ю. Н. Толстовой, связанных с расширением понятия социологического измерения. Показано, что предложенная ею концепция позволяет рассматривать измерение не как отдельную техническую процедуру, а как процесс моделирующего наблюдения, охватывающий все этапы социологического исследования – от формирования понятий до интер-

претации результатов. Анализируются основные положения данного подхода, включая представление об иерархии эмпирических систем, принцип рефлексивного моделирования и расширение круга средств, используемых для описания социальной реальности.

Отдельное внимание уделяется интерпретационному потенциалу концепции Ю. Н. Толстовой, позволяющему по-новому взглянуть на ряд классических методологических проблем, в том числе на соотношение установок и поведения, а также на вопросы выбора и применения измерительных шкал. Делается вывод о том, что научное наследие Ю. Н. Толстовой сохраняет высокую теоретическую и практическую значимость для современной социологии. Статья представляет собой дань уважения памяти ученого и попытку продолжить осмысление идей, которые во многом определили развитие отечественной методологии социологических исследований.

6 июня 2026 г. ушла из жизни Юлиана Николаевна Толстова, выдающийся методолог социологических исследований, блестящий специалист и педагог, на учебниках которого выросло не одно поколение российских социологов. Можно смело утверждать, что никто в России не сделал больше для развития теории социологических измерений, чем Юлиана Николаевна. Изначально специализируясь на математической логике [1; 2], она развивала стройный и строгий, но при этом практически ориентированный подход к шкалированию [3; 4; 5], моделированию [6; 7], анализу данных [8] и выборочному методу [9; 10; 11] в социологии. При этом Ю. Н. Толстова была не просто одним из первых (она пришла в ИКСИ АН СССР более 50 лет назад, в 1973 г.) советских исследователей в области математических методов социологических исследований, но и оригинальным мыслителем, раздвигавшим границы нашего понимания социальных явлений.

Последние годы Юлиана Николаевна работала над обобщением идей теории измерений на процессы операционализации понятий с одной стороны и взаимодействия исследователя

с респондентами – с другой, стремясь формализовать и структурировать содержательную сторону социологического исследования. Трагично, что ей не хватило времени на завершение этой работы. Но, как неоднократно говорила Юлиана Николаевна, основные моменты такого обобщения уже были отражены в ее многочисленных статьях и книгах. Поэтому мы, ее ученики и последователи, можем попробовать реконструировать то направление мысли, которое было намечено в ее трудах. Это стало бы данью уважения памяти Ю. Н. Толстовой и одновременно, скромным вкладом в продолжение дела ее жизни. Настоящая статья, конечно, не претендует ни на исчерпывающее изложение взглядов Ю. Н. Толстовой на социологическое измерение, ни на решение тех проблем, которые она ставила. Нашей задачей является лишь предварительная систематизация этих проблем в духе, который, как нам кажется, отражает намерения самой Юлианы Николаевны, по крайней мере, в том виде, в котором она делилась ими с коллегами.

Итак, в чем же состоит проблематика социологического измерения? Исторически наиболее ранний и, по-видимому, до сих пор доминирующий среди прикладных социологов взгляд на измерение можно условно обозначить термином «реализм». Он предполагает существование некоторых объективных свойств или отношений, присущих социальным феноменам независимо ни от теоретических взглядов исследователя, осуществляющего измерение, ни от тех методик, которые он использует. Марксист, производя измерение уровня религиозности населения, должен получить ту же (либо тождественную с учетом взаимнооднозначных преобразований) величину, что и православный социолог. С этой точки зрения задачей измерения является просто как можно более точная регистрация истинных величин указанных свойств и отношений. Поэтому именно в рамках реализма приобретает особую важность отличие точности от прецизионности измерений.

Точность – это соответствие получаемых результатов истинной величине, тогда как прецизионность – согласованность результатов измерений между собой. Как правило, это различие иллюстрируется метафорой мишени. Среднее расстояние попаданий от центра мишени характеризует точность стрельбы, в то время как расстояние между попаданиями – ее прецизионность. Ясно, что стрельба может быть прецизионной, но не точной, если стрелок всегда бьет в одну точку мимо цели, однако точная стрельба должна быть одновременно и прецизионной – чтобы выстрелы ложились в цель, они должны не сильно отклоняться друг от друга. В социологическом измерении аналогами точности и прецизионности становятся, соответственно, валидность и надежность. Как известно, надежность измерительного инструмента не может быть меньше его валидности; которая, в свою очередь, не может превышать надежности [12, p. 50-53].

В этом моменте реалистический подход к измерению сталкивается с метафизической проблемой. Так как все наши эмпирические знания о мире получены при помощи измерительных процедур, возникает вопрос о том, что может служить эталоном истинного значения объективно существующей величины. Опыт в широком смысле может сравниваться только с другим опытом, поскольку за его пределы, непосредственно к «вещам в себе» человеческое сознание не может шагнуть. Реалистическим ответом на этот метафизический вызов является принцип сходимости перекрестных измерений. Если за разными измерительными процедурами стоит одна и та же объективно реальная величина, то повышение точности процедур должно вести ко все более согласованным результатам ее измерения [13]. Иными словами, две высоконадежные и валидные шкалы, например, религиозности должны давать одинаковый, переводимый из одной шкалы в другую (как это происходит для температурных шкал) уровень религиозности у одних и тех же индивидов при идентичных условиях. Если бы это было так, то проблемы социологического

измерения сводились бы к конструированию все более надежных и валидных индикаторов фиксированного, хотя и достаточно большого, набора социальных феноменов. Но так ли это?

В качестве наглядного опровержения если не реализма как такового, то по крайней мере наивного измерительного реализма в социологии, Ю. Н. Толстова приводит пример [14, с. 105] массового опроса, в котором задача выделения наиболее острой для населения социально-экономической проблемы решалась тремя способами для одного и того же списка проблем. В первом случае каждый респондент мог отметить любое количество проблем, актуальных с его точки зрения, во втором – выбрать одну, наиболее острую, в третьем – указать, какие проблемы, с его точки зрения, требуют безотлагательного решения. Показательным стало то, что проблемы, занявшие первое место по количеству указавших их респондентов, различались во всех трех случаях. В таких ситуациях возникает естественный вопрос о том, какой из противоречивых результатов следовало бы считать наиболее близким к объективному истинному значению, и почему. Предположим, что мы ввели дополнительный, четвертый метод, например, глубинные интервью, которые каким-то образом указали, что действительно острой проблемой является выбранная с помощью второй процедуры. Мы получили «схождение» двух перекрестных измерений из четырех, дающее им определенное эпистемическое преимущество. Но есть ли какие-то гарантии, что при добавлении пятой измерительной процедуры (например, экспертных оценок) не образуется другая сходящаяся пара, конкурентная к этой первой? Отнюдь. Здесь мы оказываемся перед классической проблемой неполной индукции. А практический опыт подсказывает, что множество разных измерительных процедур может образовывать множество достаточно противоречивых схождений.

Возможно ли, что сиюминутные, краткосрочные проблемы сходимости разных измерительных процедур разрешаются в

исторической перспективе? Такую картину, вероятно, мы наблюдаем в естественных науках (где со временем уточняются значения фундаментальных констант и снимаются противоречия в измерениях), и именно на такое развитие событий высказывал надежду, например, один из основателей эмпирической социологии П. Лазарсфельд [15]. Происходит ли нечто подобное в социальных науках?

Наиболее важной проблемой социологической методологии можно достаточно уверенно считать фундаментальное несоответствие между декларируемыми установками и реальным поведением, испокон веков известное как различие слова и дела, а в социальной науке после знаменитой статьи 1934 г. [16] получившее название «парадокса ЛаПьера». Поскольку вербальные самоотчеты – это основной и часто единственно возможный способ получения доступа к интернализованным социальным феноменам (таким, например, как мнения, убеждения, ценности и пр.), их слабая или вовсе отсутствующая корреляция с поведением (теоретически являющимся экстернализацией тех же социальных феноменов) ставит под вопрос статус социальной науки как таковой. Однако за почти полный век, прошедший с момента публикации статьи ЛаПьера, существенное схождение между результатами измерений установок (а также других ментальных конструктов) и поведения так и не было достигнуто [17; 18]. А в некоторых областях было достаточно надежно доказано, что поведение в гораздо большей степени зависит от прошлого поведения, чем от любых вербальных деклараций [19]. И проблема тут не столько в величине разрыва или корреляции между установками и поведением, которая может варьировать под влиянием различных факторов, сколько в отсутствии единого систематического описания именно этих факторов. На сегодняшний день стратегии не только преодоления парадокса ЛаПьера, но даже отношения к нему (в том числе как к реально существующей проблеме) полностью зависят от теоретических установок

исследователя, и единой платформы, в рамках которой происходило бы схождение перекрестных измерений, просто не существует. Поэтому история «парадокса ЛаПьера» демонстрирует невозможность или, по крайней мере, чрезвычайную трудность теоретически нейтрального, чисто эмпирического обнаружения объективно существующих величин. Следовательно, она прямо бросает вызов измерительному реализму в социологии.

Каковы могут быть более теоретически чувствительные альтернативы реалистическому подходу? Наиболее влиятельной из них выступает репрезентационная теория измерений (РТИ), основанная на идее науки как иерархии моделей, последовательно связывающих фундаментальную теорию с экспериментом [20]. Модели по своей сути есть семантические конструкции, то есть наборы правил, касающихся отношений знаков к объектам и другим знакам [21]. Процедура измерения в таком случае, как и все остальные основные шаги восхождения от опыта к теории, представляет собой построение модели – приписывание некоторой совокупности знаков (а именно чисел) таких правил отношения между собой, которые бы отражали отношения между объектами реального мира. Или, другими словами, измерение есть представление (репрезентация) эмпирической системы (ЭС) отношений в виде числовой системы отношений, такой, чтобы интересующие нас свойства эмпирических отношений воспроизводились в отношениях между числами [22]. Основные, найденные в рамках РТИ правила установления соответствующих отношений, были оформлены в известной классификации шкал на номинальные, порядковые, интервальные и относительные, предложенной С. Стивенсом [23]. Эта конструкция выглядела многообещающей в своей строгости, во-первых, позволяя создавать, казалось, универсальные предписания для осмысленного измерения и анализа данных, а во-вторых, указывая ясный путь для развития социологической методологии: ее инструменты теперь должны были становиться не только

валидными и надежными, но и обладающими достаточно высоким уровнем измерения.

К сожалению, и подход, предлагаемый в рамках РТИ, столкнулся со значительными трудностями в конкретной практике социологических исследований. Во-первых, несмотря на всю красоту стивенсовской классификации шкал, она предлагает лишь внутренние критерии деления, исходящие из того, что уровень измерения уже так или иначе известен. Критерии же отнесения шкал к тому или иному уровню по внешним признакам остаются неясными. Рассмотрим пример рядовой пятичленной шкалы удовлетворенности, варьирующей от «полностью неудовлетворен» (0), через «скорее неудовлетворен» (1), «в чем-то удовлетворён, в чем-то нет» (2), «скорее удовлетворен» (3) до «полностью удовлетворен» (4). Интуитивно она кажется порядковой, возможно потому, что именно так, в основном, учат студентов. Между тем, у нее имеется вполне осмысленный ноль – полное отсутствие удовлетворенности, и единица счета (равная одной четвертой от полной удовлетворенности), так что формально она может претендовать на самый высокий уровень измерения. С другой стороны, как замечает Ю. Н. Толстова, если мы сравниваем ответы двух респондентов, которые выбрали варианты «скорее удовлетворен» и «скорее неудовлетворен», мы можем заблуждаться, полагая, что между ними может быть установлено отношение порядка и первый респондент является более удовлетворенным (например, работой), чем второй [14, с. 107]. Стоит только допустить вполне тривиальную ситуацию, что первый относится к завзятым оптимистам и склонен везде ставить наивысшие оценки удовлетворенности, а второй – хронический пессимист, выбирающий низший балл, и становится ясно, что ответ второго респондента может означать гораздо большую степень удовлетворенности, чем первого.

Может показаться, что подобные трудности возникают в результате некоторой особой субъективности рассмотренной

шкалы, однако Ю. Н. Толстова приводит примеры аналогичных проблем и для, казалось бы, вполне объективных показателей, таких как пол и возраст [24, с. 53-54]. Целесообразность более дробно градуировать переход между мужским и женским полом возникает тогда, когда речь идет о мужских и женских качествах, скажем, при подборе персонала. Возраст же может терять свойства шкалы высокого уровня, если мы рассматриваем его как показатель социальной зрелости. Очевидно, в таком случае разница между 25 и 15 годами вовсе не равна разнице между 30 и 40. Все эти и многие другие трудности прямого приложения РТИ к социологическому измерению привели Ю. Н. Толстову к выводу о том, что и эту теорию измерений нельзя считать полностью адекватной социологическим задачам. «В ней отсутствуют многие элементы, без которых невозможно создание теории социологического измерения. Это связано, по большому счету, с тем, что предметом ее изучения не являются ЭС. Ее утверждения исходят из того, что ЭС задана. А ведь для социолога определение вида ЭС – один из самых сложных вопросов» [25, с. 185].

Для преодоления трудностей, возникающих при применении РТИ в социологии, Ю. Н. Толстова на основе своего огромного опыта предложила расширенную концепцию социологического измерения, в рамках которой РТИ может рассматриваться как частный случай (аналогично тому, как механика Ньютона является частным случаем теории Эйнштейна) [25, с. 189-195; 26; 27]. Она включает следующие основные идеи.

Во-первых, измерение рассматривается прежде всего как моделирование [26, с. 25]. Это соответствует принципам РТИ, но одновременно универсализирует измерительные операции, «пронизывая» ими весь процесс социологического исследования. Измерение как моделирование начинается на уровне определения понятий и заканчивается в аналитических выводах, которые, разумеется, также являются модельно-зависимыми.

Во-вторых, принципиально важным моментом этого моделирования является тщательное рефлексивное наблюдение – «четкое определение того, какой именно фрагмент реальности мы намереваемся отражать в числовую систему и какой должна быть эта система, чтобы служить хорошей моделью» [25, с. 194-195].

В-третьих, измерение является узловым моментом в переходе между теоретическим и эмпирическим уровнем знания [25, с. 193; 28].

Суммируя эти три принципа, можно рассматривать социологическое измерение как моделирующее наблюдение – операцию теоретически осмысленного представления эмпирической системы в математической.

В-четвертых, и эмпирическая и математическая системы рассматриваются Ю. Н. Толстовой как более общие, чем системы отношений. Они включают формализацию через иные инструменты, а также свойства, вообще не поддающиеся формализации [27, с. 68]. Последние тем не менее могут быть выражены математическими средствами, будучи хотя бы просто зашифрованы условными обозначениями.

В-пятых, Ю. Н. Толстова предлагает отказаться от ограничений числовых систем, заменив числа на любые математические (и даже шире – логические и лингвистические) средства [25, с. 192-193; 27, с. 68].

В-шестых, эмпирические системы рассматриваются в этом обобщении как состоящие из других эмпирических систем и образующие иерархию, в рамках которой некоторые ЭС оказываются лишь вспомогательными [26, с. 29; 27, с. 68].

Рассмотрим некоторые следствия из такого обобщения. Первое – наиболее важное с практической точки зрения – касается практики анализа данных, следующей за их содержательными свойствами, а не предписывающей их. Предположим, например, что мы проводим анализ взаимосвязи двух предположительно порядковых, скажем, тех же типичных пятибалльных, шкал,

и обнаруживаем высокий по модулю и статистически значимый коэффициент корреляции Пирсона (по нашему опыту, не такое уж редкое явление). Это означает, что совместное распределение признаков на диаграмме рассеяния очень хорошо аппроксимируется прямой линией. А из этого, в свою очередь, следует, что отношения между пунктами шкалы допускают обычные арифметические преобразования (сложение, вычитание), «запрещенные» на порядковом уровне измерения. Априорное признание правомерности такого запрета ведет нас к следующему странному предположению: на самом деле пункты шкалы находятся друг с другом лишь в отношениях порядка и не образуют линейную зависимость, но существует какой-то неизвестный фактор, вносящий в данные погрешность ровно такую, что создается ложное впечатление более высокого уровня измерения и линейной взаимосвязи переменных. Очевидно, прямое применение РТИ в этом случае дает сбой. Только рассматривая ее, вслед за Ю. Н. Толстовой, как частный случай более широкой теории, можно понять, что «уровень измерения» конкретной шкалы, в типологии Стивенса задающий допустимые преобразования, является не универсальным правилом, а эвристикой, позволяющей выдвинуть гипотезу о характере латентного признака, подлежащую проверке в ходе анализа данных. И высокий коэффициент Пирсона в приведенном примере просто позволяет отклонить гипотезу о порядковом характере шкалы. Нельзя не отметить, что такой подход к РТИ является более конструктивным, чем ее прямое отрицание, иногда встречающееся в литературе [29] – оно похоже на призыв отбросить ньютоновскую механику, раз у нее обнаружились границы применимости.

Второе следствие имеет более выраженную теоретическую значимость, так как оно прямо относится к операционализации понятий. Рассматривая любое измерение как моделирующее наблюдение и наблюдаемую эмпирическую систему не как изолированный объект, а в качестве иерархии, включающей основ-

ные и вспомогательные ЭС, мы получаем более гибкие интерпретационные схемы. Например, «парадокс ЛаПьера» с точки зрения расширенной концепции измерения может быть объяснен следующим образом. В случае поведения у нас имеется определенная эмпирическая система, параметры которой мы фиксируем при помощи прямого наблюдения. Обычно предполагается, что, измеряя установки респондентов, мы производим другую измерительную процедуру в отношении той же эмпирической системы. Потому и возникает проблема слабой сходимости результатов двух измерительных процедур. Но в расширении, предложенном Ю. Н. Толстовой, наоборот, обе процедуры являются моделирующим наблюдением, только производимым над разными эмпирическими системами: в первом случае – над физическим поведением, а во втором – над поведением вербальным. То, что обе эти системы входят в одну иерархию, образуя более общую систему общего поведения индивида, не делает их тождественными. А значит – устраняет парадокс как таковой. С точки зрения расширенной концепции измерения у нас и не должно быть оснований ожидать высокого уровня согласованности поведения с установками, а само существование таких ожиданий – лишь предрассудок.

Подводя итог этому беглому, но, надеемся, не поверхностному взгляду на проблематику социологического измерения в трудах Юлианы Николаевны Толстовой, мы вновь с остротой осознаем масштаб понесенной потери. За строгими формулировками ее работ стояла не просто логика математика, но глубокая интуиция исследователя, чувствующего живую, динамическую природу социального мира. Ее мысль никогда не замыкалась в чистом формализме, напротив, она всегда была обращена к практике, к тому сложному и часто противоречивому диалогу, который социолог ведет с обществом и сам с собой.

Центральная идея ее расширенной концепции измерения – это не просто методологическая новация, а скорее гуманисти-

ческий жест. Предлагая рассматривать измерение как моделирующее наблюдение, она освобождала социолога от тирании «единственно верного» числа, от наивного реализма, требующего непременно найти «объективную» истину там, где ее может не быть в принципе. Она боролась за право исследователя на рефлексию, на осознание собственной теоретической оптики и, что самое важное, на уважение к сложности людей и социального мира, который не сводится к набору пунктов шкал. Пожалуй, главное, чему мы можем научиться у Юлианы Николаевны – то, что социологическое измерение – это не только технический прием, но и акт творческого осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Толстова Ю.Н.* О моделировании l-значной логики в k-значной (k > l) // Проблемы кибернетики. 1967. Вып. 18. С. 67–82.

2. *Толстова Ю.Н.* О некотором ослаблении интуиционистской логики // Записки научных семинаров Ленинградского отделения Математического института им. В. А. Стеклова АН СССР. 1971, т. 20. С. 208-219.

3. *Клигер С.А., Косолапов М.С., Толстова Ю.Н.* Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978. 112 с.

4. *Толстова Ю.Н.* Одномерное шкалирование: тестовая традиция в социологии (построение индексов, шкала Лайкерта, латентно-структурный анализ) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 1997, № 8. С. 54-65. EDN: PFTWML.

5. *Толстова Ю.Н.* Основы многомерного шкалирования. М.: КДУ, 2006. 160 с. ISBN 5-98227-100-4.

6. Толстова Ю.Н. Математико-статистические модели в социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. 224 с. ISBN 978-5-7598-0600-4.

7. *Толстова Ю.Н.* Математическое моделирование социальных процессов и социология // Социологические исследования. 2018, № 9(413). С. 104-112. EDN: YMRIOD. DOI: 10.31857/S013216250001965-4.

8. *Толстова Ю.Н.* Анализ социологических данных. Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М.: Научный мир, 2000. 352 с. ISBN 5-89176-086-X10.

9. *Толстова Ю.Н.* Об использовании стратифицированной выборки в социологическом исследовании // Проектирование и организация выборочного

социологического исследования / под ред. Е.С. Петренко. М.: ИСИ АН СССР, 1977. С. 80-87.

10. *Толстова Ю.Н.* Об одном подходе к построению типологической выборки // Алгоритмическое и программное обеспечение прикладного статистического анализа / под ред. С.А. Айвазяна, И.С. Енюкова. М.: Наука, 1980. С. 342-347.

11. *Толстова Ю.Н.* Вероятностные и невероятностные модели порождения данных в социологии // Математическое моделирование социальных процессов / под ред. А.П. Михайлова. Вып. 12/13. М.: Спутник+, 2012. С. 139–153.

12. *Thurstone L.L.* The reliability and validity of tests: Derivation and interpretation of fundamental formulae concerned with reliability and validity of tests and illustrative problems. Ann Arbor: Edwards Brothers, 1931. 113 p.

13. *Swoyer C.* The metaphysics of measurement // Measurement, realism and objectivity: Essays on measurement in the social and physical sciences / ed. by J. Forge. Dordrecht: Springer, 1987. P. 235-290.

14. *Толстова Ю.Н.* Существует ли проблема социологического измерения? // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 1995. № 5-6. С. 103-117. EDN: PFTWIZ.

15. *Lazarsfeld P.F.* The sociology of empirical social research // American Sociological Review. 1962, vol. 27, № 6. P. 757-767. DOI: 10.2307/2090403.

16. *LaPiere R.T.* Attitudes vs actions // Social forces. 1934, vol. 13, № 2. P. 230-237.

17. *Conner M., Norman P.* Attitudes, intentions, and behavior change // Annual Review of Psychology. 2025, vol. 77, № 1. P. 311-337. DOI: 10.1146/annurev-psych-013125-042110.

18. *Lee H., Albarracín D.* Changing beliefs or changing behavior? Understanding the belief-to-behavior process and intervening to curb the impact of misinformation // Journal of Consumer Psychology. 2026, vol. 36, № 1. P. 114-132. DOI: 10.1002/jcpy.70014.

19. *Mehdizadeh M., Marsden G., Anable J.L.* Cross-sectional illusions: what we have learned about the attitude-behaviour relationship and its policy implications // Transport Reviews. 2026. P. 1-21. DOI:10.1080/01441647.2026.2618148.

20. *Suppes P.* What is a scientific theory? // Philosophy of Science Today / ed. by S. Morgenbesser. New York: Basic Books, 1967. P. 55-67.

21. *Стивенс С.С.* Математика, измерение и психофизика // Экспериментальная психология. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 19-89.

22. *Суппес П., Зинес Д.* Основы теории измерений // Психологические измерения / под ред. Л.Д. Мешалкина. М.: Мир, 1967. С. 9-110.

23. *Stevens S.S.* On the theory of scales of measurement // Science. 1946, vol. 103, № 2684. P. 677–680.

24. *Толстова Ю.Н.* Принципы анализа данных в социологии // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 1991, № 1. С. 51-61. EDN: PGDWJT.

25. *Толстова Ю.Н.* Измерение в социологии. М.: ИНФРА-М, 1998. 224 с. ISBN 5-86225-807-8.

26. *Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д.* Расширение понятия социологического измерения и его использование для измерения социальной напряженности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011, № 5(105). С. 25-36. EDN: OPGTFF.

27. *Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д.* О необходимости расширения понятия социологического измерения // Социологические исследования. 2012, № 7(339). С. 67-77. EDN: PBVOGH.

28. *Толстова Ю.Н.* Соотнесение теоретического и эмпирического знания при использовании математических методов в социологическом исследовании // Социологические исследования. 2018, № 12(416). С. 39-48. EDN: YSBRUD. DOI: 10.31857/S013216250003164-3.

29. *Веллеман П.Ф., Уилкинсон Л.* Типологии номинальных, ординальных, интервальных и относительных шкал вводят в заблуждение / Пер. с англ. В.И. Хоменко // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 33. С. 166-193. EDN: PEOKJH.

Благодарности: Работа осуществлена в рамках темы Государственного задания: ЕГИСУ 125032004271-7.

Сведения об авторе

Бабич Николай Сергеевич

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Scopus ID: 57201994829

ResearcherID: I-5630-2016

SPIN-код: 8164-5646

Elibrary author ID: 526221

Статья поступила в редакцию: 12.06.2026 г.

Статья принята к публикации: 30.06.2026 г.

DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.6

PROBLEMS OF SOCIOLOGICAL DIMENSION IN THE THEORETICAL HERITAGE OF YU. N. TOLSTOVA

Babich Nikolay S.
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
sociolog@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8697-3038

For citation: Babich N.S. The problematic of sociological measurement in the theoretical heritage of Yu. N. Tolstova. *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling)*, 2026, vol. 35, no. 2(63), p. 181-200. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.6.

Abstract. This article is dedicated to the memory of Yuliana Nikolaevna Tolstovaya, a prominent Russian sociologist, methodologist, and one of the founders of the national theory of sociological measurement. Based on an analysis of her scholarly works, this article examines key measurement issues in sociology, which have occupied a central place in her research for many decades. Particular attention is paid to the critique of naive measurement realism, the limitations of representational measurement theory, and the search for theoretical foundations for a more adequate description of complex social phenomena.

This paper attempts to reconstruct and systematize Yu. N. Tolstovaya's ideas related to the expansion of the concept of sociological measurement. It is demonstrated that her proposed concept allows for measurement to be viewed not as a separate technical procedure, but as a process of modeling observation encompassing all stages of sociological research—from the formation of concepts to the interpretation of results. The key tenets of this approach are analyzed, including the concept of a hierarchy of empirical systems, the principle of reflexive modeling, and the expansion of the range of tools used to describe social reality.

Special attention is given to the interpretative potential of Yu. N. Tolstovaya's concept, which allows for a new perspective on a number

of classic methodological issues, including the relationship between attitudes and behavior, as well as the selection and application of measurement scales. It is concluded that Yu. N. Tolstovaya's scientific legacy retains high theoretical and practical significance for modern sociology. This article is a tribute to the scholar's memory and an attempt to further understand the ideas that largely shaped the development of Russian sociological research methodology.

References

1. Tolstova Yu.N. O modelirovanii l-znachnoj logiki v k-znachnoj (k > l) [On modeling l-valued logic in k-valued logic (k > l)] (in Russian), *Problemy kibernetiki*, 1967, issue 18, p. 67–82.
2. Tolstova Yu.N. "O nekotorom oslablenii intuicionistskoj logiki [On a certain weakening of intuitionistic logic]" (in Russian), in: *Zapiski nauchnyh seminarov Leningradskogo otdeleniya Matematicheskogo instituta im. V. A. Steklova AN SSSR [Notes of scientific seminars of the Leningrad branch of the Steklov Mathematical Institute of the USSR Academy of Sciences]*, 1971, vol. 20, p. 208-219.
3. Kliger S.A., Kosolapov M.S., Tolstova Yu.N. *SHkalirovanie pri sbore i analize sociologicheskoj informacii [Scaling in the collection and analysis of sociological information]* (in Russian). Moscow: Nauka, 1978. 112 p.
4. Tolstova Yu.N. Odnomernoe shkalirovanie: testovaya tradiciya v sociologii (postroenie indeksov, shkala Lajkerta, latentno-strukturnyj analiz) [One-dimensional scaling: a test tradition in sociology (index construction, Likert scale, latent structural analysis)] (in Russian), *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*, 1997, no. 8, p. 54-65.
5. Tolstova Yu.N. *Osnovy mnogomernogo shkalirovaniya [Fundamentals of multidimensional scaling]* (in Russian). Moscow: KDU, 2006. 160 p. ISBN 5-98227-100-4.
6. Tolstova Yu.N. *Matematiko-statisticheskie modeli v sociologii [Mathematical and statistical models in sociology]* (in Russian). Moscow: Publishing house of the State University Higher School of Economics, 2008. 224 p. ISBN 978-5-7598-0600-4.

7. Tolstova Yu.N. Mathematical modeling of social processes and sociology (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2018, no. 9(413), p. 104-112. DOI: 10.31857/S013216250001965-4.
8. Tolstova Yu.N. *Analiz sociologicheskih dannyh. Metodologiya, deskriptivnaya statistika, izuchenie svyazej mezhdu nominal'nymi priznakami [Analysis of sociological data. Methodology, descriptive statistics, study of relationships between nominal characteristics]* (in Russian). Moscow: Nauchnyj mir, 2000. 352 p. ISBN 5-89176-086-X10.
9. Tolstova Yu.N. "Ob ispol'zovanii stratificirovannoj vyborki v sociologicheskom issledovanii [On the use of stratified sampling in sociological research]" (in Russian), in: *Proektirovanie i organizaciya vyborochnogo sociologicheskogo issledovaniya [Design and organization of sample sociological research],* ed. by E.S. Petrenko. Moscow: ISI AN SSSR, 1977, p. 80-87.
10. Tolstova Yu.N. "Ob odnom podhode k postroeniyu tipologicheskoj vyborki [On one approach to constructing a typological sample]" (in Russian), in: *Algoritmicheskoe i programmnoe obespechenie prikladnogo statisticheskogo analiza [Algorithmic and software support for applied statistical analysis],* ed. by S.A. Ayvazyan, I.S. Enyukov. Moscow: Nauka, 1980, p. 342-347.
11. Tolstova Yu.N. "Veroyatnostnye i neveroyatnostnye modeli porozhdeniya dannyh v sociologii [Probabilistic and non-probabilistic models of data generation in sociology]: (in Russian), in: *Matematicheskoe modelirovanie social'nyh processov [Mathematical modeling of social processe*s], ed. by A.P. Mikhailov. Issue 12/13. Moscow: Sputnik+, 2012, p. 139–153.
12. Thurstone L.L. *The reliability and validity of tests: Derivation and interpretation of fundamental formulae concerned with reliability and validity of tests and illustrative problems.* Ann Arbor: Edwards Brothers, 1931. 113 p.
13. Swoyer C. "The metaphysics of measurement", in: *Measurement, realism and objectivity: Essays on measurement in the social and physical sciences*, ed. by J. Forge. Dordrecht: Springer, 1987, p. 235-290.
14. Tolstova Yu.N. Sushchestvuet li problema sociologicheskogo izmereniya? [Is there a problem of sociological measurement?] (in Russian), *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*, 1995, no. 5-6, p. 103-117.

15. Lazarsfeld P.F. The sociology of empirical social research, *American Sociological Review*, 1962, vol. 27, no. 6, p. 757-767. DOI: 10.2307/2090403.
16. LaPiere R.T. Attitudes vs actions*, Social forces*, 1934, vol. 13, no. 2, p. 230-237.
17. Conner M., Norman P. Attitudes, intentions, and behavior change, *Annual Review of Psychology*, 2025, vol. 77, no. 1, p. 311-337. DOI: 10.1146/annurev-psych-013125-042110.
18. Lee H., Albarracín D. Changing beliefs or changing behavior? Understanding the belief-to-behavior process and intervening to curb the impact of misinformation, *Journal of Consumer Psychology*, 2026, vol. 36, no. 1, p. 114-132. DOI: 10.1002/jcpy.70014.
19. Mehdizadeh M., Marsden G., Anable J.L. Cross-sectional illusions: what we have learned about the attitude-behaviour relationship and its policy implications, *Transport Reviews*, 2026, p. 1-21. DOI:10.1080/01441647.2026.2618148.
20. Suppes P. "What is a scientific theory?", in: *Philosophy of Science Today*, ed. by S. Morgenbesser. New York: Basic Books, 1967, p. 55-67.
21. Stevens S.S. "Mathematics, Measurement, and Psychophysics" (in Russian), in: *Handbook of Experimental Psychology*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1960, p. 19-89.
22. Suppes P., Zines D. "Osnovy teorii izmerenij [Fundamentals of the Theory of Measurements]" (in Russian), in: *Psihologicheskie izmereniya [Psychological Measurements]*, ed. by L.D. Meshalkin. Moscow: Mir, 1967, p. 9-110.
23. Stevens S.S. On the theory of scales of measurement, *Science*, 1946, vol. 103, no. 2684, p. 677–680.
24. Tolstova Yu.N. Principy analiza dannyh v sociologii [Principles of data analysis in sociology] (in Russian), *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*, 1991, no. 1, p. 51-61.
25. Tolstova Yu.N. *Izmerenie v sociologii [Measurement in Sociology]* (in Russian). Moscow: INFRA-M, 1998. 224 p. ISBN 5-86225-807-8.
26. Tolstova Yu.N., Voronina N.D Expansion of the concept of sociological measurement and its use for measuring social tension (in Russian), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2011, no. 5(105), p. 25-36.

27. Tolstova Yu.N., Voronina N.D. On the need to expand the concept of sociological measurement (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2012, no. 7(339), p. 67-77.
28. Tolstova Yu.N. Correlation of theoretical and empirical knowledge when using mathematical methods in sociological research (in Russian), *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2018, no. 12(416), p. 39-48. DOI: 10.31857/S013216250003164-3.
29. Velleman P.F., Wilkinson L. Nominal, Ordinal, Interval, and Ratio Typologies Are Misleading (transl., in Russian), *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*, 2011, no. 33, p. 166-193.

Information about the authors

Nikolay S. Babich

Candidate of sociological sciences, senior research fellow of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Scopus ID: 57201994829
ResearcherID: I-5630-2016
SPIN-code: 8164-5646
Elibrary author ID: 526221

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

О журнале

«Социология: методология, методы и математическое моделирование» (Социология: 4М) – специализированное издание, посвященное проблемам методологии и методов социологических исследований, вопросам сбора, измерения и анализа социологических данных, построению математических моделей социальных процессов.

Редакция журнала отдает предпочтение статьям, которые вносят вклад в развитие социологической методологии, проясняя существующие в этой области проблемы и предлагая новые решения. Одновременно в журнале публикуются аналитические обзоры по социологическим методам, статьи, в которых делается акцент на опыте применения методов сбора и анализа данных для решения актуальных социологических задач.

Основные рубрики журнала:

- общие вопросы методологии и методики исследований;
- методологические проблемы социологической теории;
- статистические методы и анализ данных;
- теория и методы измерения, теория и история методов;
- процедуры сбора данных;
- качество социологических данных, онлайн-опросы;
- качественные методы в социологии;
- методический эксперимент.

Критерии соответствия рукописей тематике журнала не являются жесткими, вопрос о целесообразности публикации статьи решается в каждом случае индивидуально.

Периодичность выхода и доступность номеров

Журнал выходит четыре раза в год. Полнотекстовые версии статей размещаются в свободном доступе на официальном сайте журнала после выхода номера.

Порядок рассмотрения и рецензирования

После получения рукописи статьи редакция принимает решение о соответствии её содержания профилю журнала и о целесообразности передачи рукописи рецензентам. Причины отрицательного решения могут включать в себя в том числе отсутствие результатов проверки математических моделей на оригинальных эмпирических данных, недостаточное или вызывающее сомнение в их достоверности описание источников эмпирических данных, несоответствие современному состоянию исследований по проблеме, а также отсутствие научной новизны. В случае положительного решения статья передается на рецензирование. Решающим для принятия или отклонения рукописи становятся отзывы независимых рецензентов, назначаемых редакцией. Все статьи, направляемые в адрес редакции, проходят обязательную процедуру рецензирования одним экспертом. В случае необходимости редакция назначает второго рецензента.

Процедура рецензирования анонимна и для авторов, и для рецензентов. Рецензент получает рукопись статьи без указания имени и аффилиации авторов. Редакция не сообщает авторам статей фамилии рецензентов и не обсуждает их квалификацию. Рецензенты отбираются из числа специалистов в данной тематической области. Редакция сообщает о результатах рецензирования автору статьи посредством электронной почты в течение трех месяцев после ее получения; в случае отсутствия отзывов к этому моменту редакция сообщает о новых сроках рассмотрения.

Редакция журнала предоставляет авторам право ответить на замечания рецензента по существу и прояснить собственную позицию.

Журнал публикует оригинальные исследовательские работы, которые не публиковались прежде (за исключением электронных препринтов и тезисов). Передавая в редакцию рукопись, автор принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком бы то ни было ином издании без согласования с редакцией журнала.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Оформление статьи

Редакция журнала принимает статьи любого объёма. Для отправки рукописи необходимо перейти на сайт Электронной редакции https://www.manuscript.fnisc.ru/soc4M.

Текст, включая примечания и библиографический список, должен соответствовать стандартам.

- Шрифт – Times New Roman
- Размер шрифта – 12
- Межстрочный интервал – 1,5
- Выравнивание – по ширине
- Поля страницы: 2 см со всех сторон

Рисунки, схемы и таблицы должны быть такого же формата, что и текст, и снабжаться сквозной нумерацией.

Формулы и обозначения должны быть набраны в редакторе формул *Microsoft Equation.*

Комплект статьи включает, кроме основного текста, аннотацию, 8−10 ключевых слов с пометкой «Ключевые слова», справку об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, места работы, должности, ученой степени и звания, полного почтового домашнего адреса, номеров телефонов и адреса электронной почты.

Сопроводительное письмо к рукописи должно содержать описание научной новизны и краткое обоснование, почему статья может представлять интерес для читателей «Социологии: 4М».

Также в этом письме автор должен подтвердить, что представленная статья носит характер оригинального исследования, которое прежде не публиковалось нигде (кроме препринтов и тезисов конференций) и не находится на рассмотрении ни в каком другом издании.

Требования академической этики

Редакционная политика журнала предполагает соблюдение всеми сторонами, участвующим в процессе подготовки статей (авторами, рецензентами и редакцией), требований публикационной этики, обеспе-

чивающих беспристрастную и конфиденциальную оценку рукописей, отсутствие плагиата или незаконного присвоения результатов. Редакция выражает готовность публиковать сообщения о найденных ошибках и о фактах нарушения авторами рукописей публикационной этики.

Сведения о статье на английском языке

Статья может быть принята к публикации только при наличии следующей информации на английском языке: автор, заглавие, данные об аффилиациях автора (наименования организаций, электронный адрес автора, ответственного за корреспонденцию), аннотация, ключевые слова. В качестве английских наименований организаций рекомендуется использовать названия, индексируемые в зарубежных базах научного цитирования (например, *Web of Science* или *Scopus*).

Аннотация на английском языке может быть расширенной, т.е. более полной по сравнению с аннотацией на русском языке. Аннотация должна укладываться в объем от 100 до 250 слов.

Список использованных источников

Все источники, упомянутые в тексте, должны сопровождаться библиографическими ссылками. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. За точность (правильность) цитат в статье, а также цифр и иной информации, ответственность несет автор.

Ссылки на источники оформляются в виде пристатейного библиографического списка и нумеруются в порядке следования с указанием по тексту в квадратных скобках порядкового номера ссылки цифрой: [1], [7]. Одновременная ссылка на несколько номеров дается в одних скобках: [3; 7; 11; 12; 13], [3, с. 5; 7, с. 8–14]. Ссылка на неопубликованные работы не допускается. Библиографические описания изданий оформляются в соот-ветствии с государственным стандартом и примерами, приведенными ниже.

При оформлении библиографических описаний обязательно указание DOI и EDN (при их наличии). Для монографий требуется указание ISBN.

Примеры библиографических описаний:

1. *Дюркгейм Э.* Моральное воспитание / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 456 с. ISBN 978-5-7598-2530-2. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2. EDN: QOJUNL.

2. *Климова А. М., Артамонов Ф. А., Ммель К. Ш.* Измерение политического знания: разработка и апробация шкалы в России // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2021, № 52. С. 61–94. DOI: 10.19181/4m.2021.52.3. EDN: ARWFHV.

3. *Сорокин П.А.* Дальняя дорога: автобиография. М.: Терра, 1992. 303 с. ISBN 5-239-01378-0.

4. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American sociological review. 2000. Vol. 65, № 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288. EDN: GSHGFR.

5. *Glänzel W., Schubert A.* Analysing scientific networks through co-authorship // Handbook of quantitative science and technology research. Springer: Dordrecht, 2004. P. 257–276. ISBN 978-1-4020-2702-4. DOI: 10.1007/1-4020-2755-9_12.

Использованные источники в романском алфавите (кириллице)

В случае принятия рукописи к публикации авторы по запросу редакции обязаны предоставить транслитерированный в латинице полный список литературы к своей статье.

Основные требования:

- названия цитируемых русскоязычных публикаций следует давать в виде перевода на английский с пометкой в скобках, что речь идет о работе на русском языке (in Russian);
- для переводных работ указывается исходное название источника на языке публикации, выходные данные – в транслитерированном виде;
- названия источников (журналов), а также фамилии авторов желательно давать в том виде, в каком они индексируются в зарубежных базах научного цитирования (например, *Web of Science* или *Scopus*);

- название источника может сопровождаться его переводом на английский язык, например: Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling);
- при составлении списка источников недопустимо использовать российский ГОСТ, в частности запрещено в качестве разделительных знаков использовать «//» и «–»;
- название источника выделяется курсивом;
- указывается DOI источника (при наличии), но не указывается ISBN и EDN.

Примеры библиографических описаний на английском языке:

1. Durkheim É. *L'éducation morale* (transl., in Russian). Moscow: HSE University, 2021. 456 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2530-2.
2. Klimova A., Artamonov G., Chmel K. Measuring political knowledge: development and testing the scale in Russia (in Russian), *Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling),* 2021, no. 52, p. 61–94. DOI: 10.19181/4m.2021.52.3.
3. Sorokin P. *A long journey* (transl., in Russian). Moscow: Terra, 1992. 303 p.
4. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values, *American sociological review,* 2000, vol. 65, no. 1, p. 19–51. DOI: 10.2307/2657288.
5. Glänzel W., Schubert A. “Analysing scientific networks through co-authorship”, in: *Handbook of quantitative science and technology Research*, ed. by H.F. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch. Springer, Dordrecht, 2004, p. 257–276. DOI: 10.1007/1-4020-2755-9_12.

INFORMATION FOR AUTHORS

About the journal

"Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling" (Sociology: 4M) is a peer-reviewed scholarly journal presenting pioneering work on problems of methodology and methods of sociological research, on the collection, measurement and analysis of social science data, on building mathematical models of social processes.

Sociology: 4M publishes articles that contribute to the development of sociological methodology, clarify the existing problems in this area and offer new solutions. In addition, it publishes analytical reviews of sociological methods.

Main topics:

- general issues of methodology and research methods:
- statistical methods and data analysis;
- theory and methods of measurement, theory and history of methods;
- data collection procedures;
- the quality of social science data, online surveys;
- qualitative methods in sociology;
- social science experiments.

The research topics are not limited by this list; the decision on publication is made in each case individually.

Publication frequency and access

The journal is published four a year. Full-text versions of articles are available for open access on the journal's website.

The review procedure

All papers submitted to Sociology: 4M are screened by the editors for general suitability. The reasons for the negative decision may include the absence of mathematical models verification based on original empirical data, insufficient description of the empirical data sources, inconsistency with current state of research on the problem, and the lack of scientific novelty. If the decision is positive the article is sent to formal review. The results of this review are crucial to the acceptance or rejection of the manuscripts. All papers meeting basic editorial criteria are reviewed at least by one expert. If necessary, editors appoint a second reviewer for the paper.

The review procedure of is anonymous for both authors and reviewers. The experts receive manuscripts without any indication of the name and affiliation of the authors. Editors do not reveal the reviewers' names to authors and not discuss their qualification. Reviewers are selected from experts in the subject area. The editorial team will contact the authors by email with the results of peer-review within three months after submission; if the reviews have not been received by this date, a new target date is announced.

The editorial team provides authors the right to respond to comments of the reviewers and to clarify their own position.

The journal publishes only original research papers which have not been published before (except for electronic preprints and theses). By submitting a manuscript the author agrees not to publish it in whole or in part in any form without the editors' permission.

There are no publication fees in Sociology: 4M.

Article design

The editorial board accepts articles of any length. To send a manuscript, please go to the Electronic Editorial Board website https://www.manuscript.fnisc.ru/soc4M .

The text, including notes and bibliography, must comply with the standards.

- Font – Times New Roman;
- Font size – 12;

- Line spacing – 1.5;
- Justified text alignment;
- Page margins: 2 cm on all sides.

Formulas and symbols should be typed in *Microsoft Equation*.

The author should also provide an abstract, 8-10 keywords, author's name, affiliation and position, contact information.

The cover letter accompanying the manuscript should contain a description of scientific novelty and a brief justification of why the article may be of interest to «Sociology: 4M» readers.

In this letter the author must confirm that the article is based on an original study, has not been published anywhere before (except as a preprint or in conference abstracts) and is not under consideration in any other journal.

Publication ethics statement

The editorial policy requires compliance with the requirements of publication ethics by all parties involved in the preparation of the article (authors, reviewers and editors), that provides the confidential review of manuscripts, absence of plagiarism or misappropriation of the results. The editorial board expresses its readiness to publish error reports and information about violations of publication ethics by authors.

Information about the article in English

Authors should provide the following information in English: authors'names, titles, authors' affiliation (names of organizations, e-mail of the author responsible for correspondence), abstract and keywords. We recommend using the English organizations' names from such citation indexes as Web of Science and Scopus.

We also recommend supplying an extended English abstract (up to 250 words).

List of references

Authors should provide references to all sources mentioned in the text. The author must indicate sources of all citations, numbers, and other information. Authors are responsible for the accuracy of quotes as well as numbers and other information.

References to unpublished works are not permitted. Bibliographic descriptions of publications should be made in accordance with Russian state technical standards (GOST).

Transliteration of references

If the manuscript is accepted the authors must provide transliterated references within two weeks upon acceptance for publication. Basic requirements are as follows:

- publication titles should be given in English with a note that it is a work in Russian;
- for translated works (originally published in one of Romance languages) the title should be given in original language, the source – in transliterated form;
- we recommend to provide the author names and source titles (journals) in the form they are indexed in such citation databases as Web of Science and Scopus.
- the source title may be accompanied by a translation into English, for example: Sotsiologiya: 4M (Sociology: methodology, methods, mathematical modeling);
- source titles should be given in italics.

Социология: методология, методы, математическое моделирование

Сетевое научное издание

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Эл № ФС77-85872 от 4 сентября 2023 г.

ISSN 2949-463X

Учредители

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Сайт: https://www.fnisc.ru. Телефон: 8 499 125-00-79

Общественная организация «Российское общество социологов»
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Сайт: https://www.ssa-rss.ru. Телефон: 8 499 719-09-71

Главный редактор – Бабич Н. С.

Журнал «Социология: методология, методы, математическое моделирование» включен в базу РИНЦ, перечень ВАК

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35
Электронная почта редакции: sociology.4m@gmail.com
Телефон редакции: +7 (993) 957-91-75
Официальный сайт журнала: https://www.soc4m.ru

2026. Т. 35. № 2 (63). Дата выхода в свет 14.07.2026